

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

В. Н. ПАРФЕНОВ

**ИМПЕРАТОР
ЦЕЗАРЬ АВГУСТ:**

АРМИЯ. ВОЙНА. ПОЛИТИКА

СЕРИЯ

**АНТИЧНАЯ
БИБЛИОТЕКА**

ИССЛЕДОВАНИЯ

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

В. Н. ПАРФЕНОВ

**ИМПЕРАТОР
ЦЕЗАРЬ АВГУСТ:
АРМИЯ. ВОЙНА. ПОЛИТИКА**

Издательство
«АЛЕТЕЙЯ»
Санкт-Петербург
2001

ББК ТЗ(0)323.4

УДК 937(092)

П18

Парфенов В. Н.
П18 Император Цезарь Август: Армия. Война. Политика. —
СПб.: Алетейя, 2001 — 278 с. — (Античная библио-
тека. Исследования).
ISBN 5-89329-396-7

Рецензенты:

д-р ист. наук, профессор А. С. Шофман

д-р ист. наук, профессор В. И. Кащеев

Основатель и руководитель серии:

О. Л. Абышко

В книге исследуется военно-политическая сторона принципата Августа. Основной предмет изучения — военная организация молодой Римской империи и ее функционирование, взаимосвязь военных преобразований Августа с внешнеполитическими акциями нового режима. На конкретном материале доказываются, что императором и его ближайшими сотрудниками была разработана и настойчиво проводилась в жизнь доктрина реального завоевания мирового господства. Рассмотрен военный аспект династической политики Августа. Предложены новые варианты решения ряда проблем «века Августа».

Для студентов и преподавателей исторических факультетов, специалистов-антиковедов, всех интересующихся древней историей.

*Издание осуществлено при поддержке
Российского Гуманитарного Научного Фонда
(РГНФ). проект № 00-01-16043*

ISBN 5-89329-396-7

© Издательство «Алетейя» (СПб.), 2001 г.
© В. Н. Парфенов, 2001 г.

Все люди, несмотря на прежний ужас и отвращение к его преступлениям, теперь признают за ним его власть, название, которое он себе дал, и его идеал величия и славы, который кажется всем чем-то прекрасным и разумным.

Лев Толстой

ОТ АВТОРА

Возникновение и крушение великих держав всегда привлекает внимание не только профессионалов-историков, но и всех, кто неравнодушен к прошлому, настоящему и будущему. Тем более это справедливо сейчас, когда по воле истории ныне живущие поколения оказались свидетелями неожиданного исчезновения с политической карты мира могущественного государства, именовавшегося Советским Союзом, и каждый из нас в меру собственного разума старается осмыслить причины и значение этого глобального события.

Исторический опыт крупнейшей империи древности — Римской — в некоторых отношениях разительно схож с отечественным. Наш выдающийся историк, на глазах которого ушли в прошлое и Российская империя, и не успевшая оформиться российская демократия, с горечью отмечал в мае 1918 года: «Я далек от мысли проводить аналогии и не думаю, что история гражданских войн в Риме может кого-либо образумить и на кого-либо повлиять. Но

думаю, что всякому мыслящему человеку интересно и нужно, психологически важно, переживая настоящее, углубиться и в прошлое и попытаться пережить и его. Политических рецептов прошлое не дает, но сознательно переживает настоящее только тот, кто научился понимать прошлое».¹

В предлагаемой вниманию читателя книге главным действующим лицом является человек, который от рождения именовался Гаем Октавием, в юности принял магически звучавшее имя Юлия Цезаря, а с утверждением единовластия был назван Августом. После его смерти оно стало императорским титулом, и даже имя великого Цезаря заняло лишь второе место в иерархической системе Римской империи: обычно августом звался сам государь, а его наследник и соправитель именовался цезарем. Имя Августа носило немало правителей позднейших европейских государств, да и сейчас оно (и производные от него) является одним из популярных имен на Западе. Августом называется один из месяцев принятого в большинстве стран мира календаря.

В чем же секрет популярности первого носителя этого имени? Для многих поколений Август является примером не только необычайного упорства в достижении поставленных целей, но и на редкость удачной политической карьеры. Болезненным восемнадцатилетним юнцом начал он свой путь к вершинам власти. Спустя каких-то полтора года он уже стал триумвиром (одним из трех военных диктаторов Рима), а позже, в течение последующих тринадцати лет, убрав со своего пути всех конкурентов, этот человек оказался во главе мировой державы. Начав свою по-

¹ *Ростовцев М. И. Рождение Римской империи. Пг., 1918. С. 5 сл.*

литическую карьеру в развалившемся на части «римском мире» (расколотое на враждебные лагеря общество, бессилие официальной власти и всевластие военщины, экономический кризис, сепаратизм провинций), он оставил своим преемникам великую державу с процветающей экономикой, консолидированным обществом, первоклассными вооруженными силами, высокоразвитой культурой...

Действие механизма, который привел Октавиана к единоличной власти, рассматривалось автором в предыдущем исследовании.¹ Великий римский историк Корнелий Тацит образно назвал этот фактор «тайной императорской власти», хотя, в сущности, это был секрет Полишинеля: последние десятилетия Республики доказали, что единственной силой, способной привести политического лидера к власти, в тех условиях была армия.

Но в то же время вся история продолжительной агонии республиканского строя в Риме показала, что захватить власть — это еще полдела, гораздо труднее эту власть удержать. По разным причинам это не удалось ни Сулле, ни Помпею, ни Цезарю: первый добровольно отказался от полномочий пожизненного диктатора (то ли пресытившись властью, то ли сочтя свою задачу выполненной), политическое влияние второго явно уступало его представлению о значимости собственной персоны для Рима и было полностью разрушено Цезарем.

Последний, успешно ворвавшись на политическую авансцену с «большими легионами», не удержался на ней из-за наивного для столь опытного политика неверия в саму возможность того факта, что ему, признанному автору нетрадиционных рецептов римской политической кухни, будет однажды преподнесено столь же нетрадицион-

¹ *Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. Саратов, 1987.*

ное (острое уже в буквальном смысле слова) блюдо — мечи и кинжалы заговорщиков.

Октавиан, однажды отважившись идти по стопам своего «божественного» приемного отца, был полон решимости избежать его трагической участи. Устроив грандиозное кровопускание действительной и мнимой оппозиции из числа римских аристократов, он после окончания периода «большого террора» (43–40 гг. до н. э.) также уделял самое серьезное внимание проблемам собственной безопасности и пресекал любые проявления недовольства, прибегая, в зависимости от обстоятельств, к тактике то кнута, то пряника. В результате ни его личным недругам, ни идейным наследникам убийц Цезаря так и не удалось добиться повторения мартовских ид 44 г. до н. э.

Личности и режиму Августа посвящено огромное количество исследований. Любопытное исключение среди высоко развитых в научном отношении стран представляет собой только наша Россия: если не считать ряда статей, за последнее столетие вышли всего три работы, посвященные первому римскому принцепсу.¹

Настоящая книга ограничивается рассмотрением только военно-политической стороны принципата Августа. Она не относится к жанру научно-популярной литературы и оставляет в стороне собранные античными авторами анекдоты об Августе, которых о нем, как и о любой крупной личности, ходило немало. Если говорить о биографическом аспекте работы, то она в лучшем случае добавляет несколько

¹ *Машкин Д. А.* Принципат Августа. Происхождение и социальная сущность. М.; Л., 1949; *Шифман И. Ш.* Цезарь Август. Л., 1990; *Межеричкий Я. Ю.* «Республиканская монархия»: метаморфозы идеологии и политики императора Августа. Москва; Калуга, 1994.

ко штрихов к политическому портрету Августа. Цель данного исследования в другом: обратить внимание на малоизученные стороны деятельности основателя Римской империи, дать анализ не только его успехов, но и неудач, показать необоснованность некоторых утвердившихся в науке стереотипов.

ГЛАВА I

ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ

Победа Октавиана при Акции сделала его хозяином всех вооруженных сил Римского государства — остатки военной системы Антония рассыпались в считанные месяцы, поэтому завоевание Египта в 30 г. до н. э. было почти бескровным. Принято считать, что в результате «молодой Цезарь» оказался во главе чудовищно огромной армии, размеры которой исследователи определяют по-разному — от 50 до 70 легионов.¹ Если это и соответствует действительности, то командовал Октавиан этим милитаристским монстром очень недолго: роспуск армии начался сразу же по завершении Актинской кампании, когда Антоний и Клеопатра были еще живы, а их намерения неизвестны. Но Октавиан справедливо считал их уже политическими мертвецами и на заключительном этапе войны обошелся необходимым минимумом сил.

Демобилизация воинов, весьма масштабное мероприятие, прошла относительно гладко и быстро, хотя зимой

¹ Ср.: Куликовский Ю. Римское государство и его армия в их взаимоотношении и историческом развитии. СПб., 1909. С. 13; Grant M. The Army of the Caesars. L., 1974. P. 36; Luttwak E. N. The Grand Strategy of the Roman Empire from the first century A. D. to the third. Baltimore; L., 1976. P. 17; Paraine Ch. Octave-Auguste. La naissance d'un pouvoir personnel. P., 1978. P. 148.

31 / 30 гг. до н. э. положение дел потребовало личной встречи Октавиана с подлежащими отставке войсками. Наибольших хлопот и материальных затрат требовали легионеры — с ветеранами флота и вспомогательных войск достаточно было расплатиться предоставлением им римского гражданства, а также ряда льгот и привилегий.

Успешному решению проблемы обеспечения отставных легионеров способствовали два важных обстоятельства: во-первых, за годы гражданских войн был создан четко функционировавший механизм наделения ветеранов земель, который позволял справиться с задачей в очень короткий срок,¹ во-вторых, в руки Октавиана попали сокровища Птолемея, заботливо сбереженные Клеопатрой.

Однако перед торжествующим победителем встал целый комплекс вопросов, связанных с армией и, следовательно, с его политическим будущим. Разумеется, он не мог позволить себе вернуться к традиционной республиканской практике набора военнообязанных граждан для очередной военной кампании и их роспуска по ее окончании — это было бы политическим самоубийством; армия привела Октавиана к власти, и только армия могла обеспечить за ним эту власть на будущее. В принципе решение было принято сразу — уже в 29 г. до н. э. Октавиан принимает императорский титул в качестве личного имени (*Dio Cass. LII. 41. 3-4*), примерно тогда же началось конструирование регулярной армии.² Серия военных реформ Августа, растянувшихся почти на все его долгое правление,

¹ См.: Hinrichs F. T. Das legele Landversprechen in Bellum Civile // Historia. 1969. Bd. 18. H. 5. S. 521-544.

² Аргументы в пользу регулярной армии, набираемой из добровольцев и находящейся на полном государственном обеспечении, излагает Дион Кассий устами Мецената (LII. 27).

не была его личным изобретением. В сущности, резкой грани между армией Республики и вооруженными силами Империи не было — военная организация раннего принципата в главных своих чертах фактически сложилась уже в период второго триумvirата.¹

Костяком всей военной системы новорожденной Империи были, разумеется, легионы. Наиболее обоснованным представляется мнение, согласно которому Октавиан, исходя из точных стратегических расчетов, оставил в строю 28 легионов.² По политическим причинам предпочтение отдавалось тем соединениям, которые служили под знаменами Юлия Цезаря.³ Таким образом Октавиан стремился показать, что именно он является подлинным политическим наследником «божественного Юлия». Принцип неук-

¹ По словам Паркера, «в известном смысле в военной организации Августа нет ничего нового: профессиональная армия была предпочтена гражданской милиции, сохранялись, насколько это было возможно, легионы, отобранные из армий триумvirов, осталась неизменной структура легиона» (*Parker H. M. D. The Roman Legions*. N. Y., 1958. P. 76). Р. Смит отметил, что Август оформил постоянную армию *de jure*, тогда как до него она существовала *de facto* (*Smith R. E. Service in the Post-Marian Roman Army*. Manchester, 1958. P. 72). И. Хан выяснил, что в годы второго триумvirата отчетливо прослеживается тенденция «по возможности сохранять постоянство военной организации», т. е. не набирать новые легионы и не распускать существующие (*Hahn I. Die Legionsorganisation des zweiten Triumvirats // AAnt. 1969. Vol. 17. Fasc.1-2. S. 220*).

² *Parker H. M. D. Op. cit.* P. 78-90; *Luttwak E. N. Op. cit.* P. 17. Ср., однако: Феррепо Г. Величие и падение Рима. IV. Республика Августа. М., 1920. С. 15; *Webster G. The Roman Imperial Army of the first and second centuries A. D. L.*, 1969. P. 113.

³ См.: *Keppie L. The making of the Roman army. From Republic to Empire*. Totowa (N. J.), 1984. P. 132 ft, 142 f.

лонно выдерживался и в том случае, когда бывшие легионы Цезаря оказывались под началом врагов и соперников Октавиана.¹ Логическим продолжением этой политической линии было наделение земель после завершения гражданских войн всех без исключения отставных легионеров, в том числе бывших сторонников Брута и Кассия, Лепида и Антония.²

В годы междоусобных войн этнический и социальный состав легионов был довольно пестрым, особенно у тех претендентов на власть, кто не имел в своем распоряжении Италии — основного поставщика легионеров в I в. до

¹ Минимум шесть легионов регулярной армии Августа были взяты им из войск Лепида и Антония (*Hardy E. G. Augustus and his legionaries // CQ. 1920. Vol. 14. P. 188. Cf.: Jones A. H. M. Augustus. L.*, 1970. P. 110 f.). Странно, что такой крупный ученый, как Гардтхаузен, считал возможным полагать, что предпочтение, которое Август отдавал легионам Цезаря, «противоречило его трезвому практицизму» и объяснялось «любовью к историческим воспоминаниям» (*Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1896. Tl. I. Bd. 2. S. 629 f.*).

² *Dio Cass. LI. 3. 1; Hygin. De lim. const. // SRF. Bd. I. S. 177*. В Италии земельные наделы получили ветераны самого Октавиана, земля для этого была частью куплена, частью экспроприрована у клиентов Антония из итальянских муниципиев, которых отослали в заморские колонии. Бывшие войны Антония, видимо, получили землю позднее и вне Италии. См.: *Hardy E. G. Op. cit.* P. 190 f.; *Brunt P. A. Italian Manpower 225 B. C. — A. D. 14. Oxf.*, 1971. P. 332 f. По мнению Г. Айгнера, именно обеспечение всех солдат землей позволило Октавиану остановить «так называемую римскую революцию», так как прежде солдаты победившей стороны становились мародерами и бандитами, готовыми за деньги служить кому угодно (*Aigner H. Die Soldaten als Machtfaktor in der ausgehenden Römischen Republik. Innsbruck, 1974. S. 128 f.*).

н. э. В полной мере это относится и к армии Антония, перешедшей под начало Октавиана. Конечно, можно предположить, что увольнения коснулись антонианцев в большей степени, чем собственных воинов Октавиана, однако факты заставляют отнести к подобным предположениям очень осторожно. Так, мнение Харди об упразднении большей части легионов Лепида и Антония как состоявших из провинциалов и даже рабов¹ едва ли можно принять без оговорок — принцип, согласно которому легион оставался под знаменами или распускался, был иным, да и масштабы увольнений, во всяком случае, воображение не потрясают, по подсчетам В. Шмитхеннера, из приблизительно 230 тыс. легионеров, оказавшихся под началом Октавиана после битвы при Акции, было уволено около трети,² что сопоставимо, допустим, с происшедшими в армии триумвиров сокращениями после битвы при Филиппах. Высканное Э. Кавеньяком мнение, что Октавиан, сохранив значительное количество легионов Антония, уволил из них всех уроженцев Востока,³ не соответствует действительности: уже О. Кунц документально доказал, что Август продолжил практику Антония по набору жителей Востока в легионы, стоявшие в Египте и на Балканах.⁴

Что касается легионов Запада, то их этнический и социальный состав мало изменился по сравнению с послед-

¹ Hardy E. G. Op. cit. P. 188.

² Schmitthener №. Politik und Armee in der späten römischen Republik // HZ. 1960. Bd. 190. S. 16 f.

³ Cavaignac E. Les effectifs de l'armée d'Auguste // REL. 1952. Vol. 30. P. 289.

⁴ Cuntz O. Legionare des Antonius und Augustus aus dem Orient // JÖAI. 1929. Bd. 25. S. 70-81. Vgl.: Parker H. M. D. Op. cit. P. 76.

ними десятилетиями Республики. Тогда армия рекрутировалась в основном из сельского плебса Италии, обезземельные представители которого стремились военной службой обеспечить себе средства к существованию. Из италиков же комплектовались и легионы ранней Империи — документально доказано, что в первые десятилетия I в. н. э. доля уроженцев Апеннинского полуострова в легионах составляла около 65%.¹ Если учитывать, что постепенно этот процент сокращался (место италиков занимали провинциалы), то можно смело предположить, что при Августе, особенно в начале его правления, его соотечественники составляли абсолютное большинство среди легионеров западной половины Римского государства. Новобранцы происходили главным образом из Цизальпинской Галлии, где в течение первого столетия Империи свободное крестьянство было еще достаточно многочисленным.²

Кадровая армия должна была быть достаточно эффективной для решения внешнеполитических задач и удержания в повиновении населения провинций. Но не менее важной была и другая сторона дела — необходимо было исключить потенциальную угрозу с ее стороны для нового политиче-

¹ Forni G. Il reclutamento delle legioni da Augusto a Diocleziano. Milano; Roma, 1953. P. 157-212.

² Г. Дессау полагал, что при Августе и его ближайших преемниках легионы Запада комплектовались главным образом из уроженцев Цизальпинской Галлии (Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. В., 1924. Bd. I. S. 225 f.). Позднее проблемой происхождения легионеров специально занялся Дж. Фorni, который выяснил, что при Августе, Тиберии и Калигуле италики набирались в легионы в Кампании, Этрурии и, главным образом, в различных областях Цизальпинской Галлии (Forni G. Estrazione etnica e sociale dei soldati delle legioni nei primi tre secoli dell'impero // ANRW. 1974. Tl. II. Bd. 1. S. 366 seg.).

ского строя и в особенности для личности лидера. Октавиан, в отличие от Цезаря, уделял личной безопасности самое серьезное внимание, и наиболее экзотические в римской военной системе новшества связаны именно с этим обстоятельством.

Элитой императорской армии стали гвардейские части — преторианские когорты, которые несли службу при особе принцепса. В 23 г. н. э. их было девять (*Tac. Ann. IV. 5.3*), и нет особых оснований сомневаться в том, что это число сохранялось с начала принципата Августа. М. Дюрри полагал, что здесь император отдал дань республиканской традиции, не допуская пребывания в самом Риме регулярных войск, и чтобы количество когорт не вызвало ассоциаций с легионом, предпочел «счастливые» число, кратное трем.¹ Однако в действительности происхождение этого количества было иным, и числовая мистика здесь явно не играла никакой роли.

Еще в Мутинской войне (43 г. до н. э.) каждый полководец имел, в полном соответствии с республиканскими порядками, по одной преторской когорте.² Но уже осенью следующего года ситуация резко изменилась: когда после разгрома республиканцев при Филиппах 8 тыс. ветеранов победоносных легионов выразили желание продолжать службу, Антоний и Октавиан распределили этих воинов между собой и «разделили на преторианские когорты» (συνελόχσαν ἐς στρατηγίδας τάξεις).³ Логично считать, что оба

¹ Durry M. *Les cohortes prétoriennes*. P., 1938. P. 77 suiv.

² *Cic. Phil. VIII. 25; Ad fam. X. 30.1. 4-5; App. B. c. III. 66-70.*

³ *App. B. c. V. 3. 13.* Видимо, с этого времени и следует говорить не о преторских, а о преторианских когортах, чтобы подчеркнуть принципиальное отличие от эпохи Республики. Значение этого события оценил уже Т. Моммзен: *Die Einrichtung der cohort-*

триумвира получили равное количество преторианцев, и если предположить, что каждая когорта состояла из тысячи человек,¹ то Антоний и Октавиан имели теперь по четыре когорты личной гвардии, тогда как их коллега Лепид продолжал сохранять одну. В 36 г. до н. э. на сторону Октавиана перешла вся армия Лепида, в том числе и *cohortes praetoriae*, следовательно, число преторианских когорт в армии наследника Цезаря должно было возрасти до пяти. И действительно, в битве при Акции Октавиан располагал пятью преторианскими когортами (*Oros. VI. 19. 8*), Антоний же, очевидно, продолжал сохранять четыре,² присоединением которых и завершился процесс формирования императорской гвардии.

На численность преторианской когорты времен Августа в источниках прямых указаний нет, если не считать Диона Кассия (*LV. 24. 6*), который, как и Тацит, указывает, что такая когорта насчитывала 1000 воинов, и это число принято авторитетными исследователями.³ С ними,

tes praetoriae in dem späteren Sinn gehört dem Triumvirat und der J. 712 an...» (Mommsen Th. Die Gardetruppen der Römischen Republik und der Kaiserzeit // Hermes. 1879. 14. S. 30).

¹ Во время гражданской войны жесткого ограничения численности такой когорты не было — при необходимости она могла насчитывать и 2 тыс. воинов (см.: *App. B. c. IV. 115. 479*).

² Его монеты с легендой [CO]HORTIUM PRAETORIARUM (*Sydenham E. A. The coinage of the Roman Republic. L., 1952. Nr. 1212*) доказывают, что когорт, во всяком случае, было несколько. В 35 г. до н. э. Антоний получил от Октавиана 2 тыс. воинов, уже сведенных *εἰς στρατηγικός σλέϊρας* (*Plut. Ant. 53. 3; Dio Cass. XLIX. 33. 3-4*), но они были, конечно, расформированы.

³ *Tac. Hist. II. 93. 2; Mommsen Th. Op. cit. S. 30; Gardthausen V. Op. cit. S. 640; Passerini A. Le coorti pretorie. Roma, 1939, P. 60 seg.*

однако, не согласен М. Дюрри, считающий, что от Августа до Септимия Севера преторианская когорта состояла из 500 чел.¹ Свою точку зрения французский историк аргументирует тем, что, по его мнению, сообщение Тацита «отражает необычное и скандальное положение дел» в 68-69 гг., а Дион Кассий допускает анахронизм, перенося на время Августа то, что было характерно для монархии Северов. В подтверждение своего мнения Дюрри ссылается на Псевдо-Гигина (*De met. castr.* 27). Однако назвать эту аргументацию убедительной нельзя: во-первых, потому, что анонимный античный автор также не дает бесспорных данных на этот счет, во-вторых, из-за сомнительности самого источника.² С другой стороны, едва ли допустимо, как это делает М. Дюрри, отвергать достоверность информации Диона Кассия лишь на том основании, что он ошибочно указал на десять преторианских когорт Августа вместо девяти. Дело в том, что как раз к определению численности воинских подразделений времени Августа Дион Кассий отнесся очень внимательно, указав, что, в отличие от преторианских и городских когорт, точную численность отряда телохранителей и корпуса эвокатов ему установить не удалось (*LV. 24. 7-8*).

Можно согласиться с тем, что личной охраной принципса преторианцы считались лишь теоретически, а в действительности эту функцию осуществлял отборный отряд те-

¹ Durry M. Op. cit. P. 82 suiv.; *Idem*. Praetoriae cohortes // RE. 1954. Hbd. 44. Sp. 1613 f.

² Неизвестен подлинный автор этого трактата, сохранившегося в составе сочинений Гигина Громатика, ученого землемера времени первых Антонинов; по-разному (от начала II до конца III вв.) определяется и время создания интересующего нас произведения (см.: *Hygini qui dicitur. De metatione castrorum liber* / Ed. Grillone A. Leipzig, 1977. P. VIII).

лохранителей.¹ Во время гражданской войны это были уроженцы испанского города Калагурриса.² Затем они были уволены, может быть, потому, что во время планировавшейся Испанской войны могли оказаться недостаточно надежными и их сменили германцы. В посвященной последним монографии Г. Беллена выяснено, что их численность составляла минимум 500 человек, которые делились на декурии до 30 телохранителей в каждой. Командовал таким подразделением декурион, который по рангу приравнивался к трибуну преторианской когорты, декурион же возглавлял смену караула в императорском дворце. Отряд телохранителей состоял из свободных перегринов, которые к 40 годам уходили в отставку, получали римские гражданские права и возвращались на родину. Любопытно, что более 50% упомянутых в надгробных надписях телохранителей, которых император нанимал на службу, разумеется, молодыми и здоровыми, умерли в возрасте до 25 лет: северянам было трудно приспособиться к условиям жизни в Риме. Позднее германская охрана не раз проявляла себя в критических ситуациях как *cohors fidelissima*.³

Если телохранители, строго говоря, к армии не относились, то городские когорты, как и преторианцы, принадлежали к ее элитным частям. Учреждены они были предположительно в начале 27 г. до н. э. (дата, впрочем, является дискуссионной),⁴ чтобы выполнять функции военного

¹ Salmon E. T. A history of the Roman World from 30 B. C. to A. D. 138. L., 1950. P. 73.

² Suet. Aug. 49. 1. В этом, очевидно, следует усматривать сознательное подражание Юлию Цезарю — ср.: *Suet. Iul.* 86. 1.

³ Bellen H. Die germanische Leibwache der römischen Kaiser des julisch-claudischen Hauses. Mainz, 1981. S. 100 f.

⁴ См.: *Freis H. Urbanae cohortes* // RE. Sppl. bd. 10. 1965. Sp. 1125.

гарнизона Рима и (отчасти) городской полиции. Городские когорты, как и преторианцы, подчинялись непосредственно императору. Первоначально были сформированы три городские когорты, их нумерация продолжала номера преторианских.¹ Численность каждой точно не установлена: если Дион Кассий утверждает, что при Августе насчитывались четыре когорты городской стражи общей численностью 6 тыс. чел., то Тацит приводит иные данные — в 69 г. в городские и преторианские когорты набирали по 1 тыс. чел. (Hist. II. 93. 2). Г. Фрайс склоняется к тому, что прав М. Дюрри, считавший, что в преторианских и городских когортах времени Августа было по 500 человек в каждой.²

Еще одной новацией Августа явилось учреждение постоянного военно-морского флота, важность которого для безопасности Италии со всей очевидностью проявилась в последний период гражданских войн, когда Секст Помпей, установив морскую блокаду Италии, вызвал голод и политический кризис в Риме. Октавиан извлек много полезных уроков из опыта длительной войны против «сына Нептуна» и не намеревался допустить повторения чего-либо подобного.

У Октавиана для организации флота военных кораблей было в избытке: только после битвы при Акции в руки победителя попало, как пишет Плутарх со ссылкой на мемуары самого Августа, триста судов (Plut. Ant. 68. 2).³ Соб-

¹ Упоминание Диона Кассия о четырех (LV. 24.6) считается анахронизмом: Freis H. Op. cit. Sp. 1131.

² Freis H. Op. cit. Sp. 1131 f.; Durry M. Les cohortes prétoriennes. P. 82 suiv.

³ Недавнее археологическое обследование остатков военного мемориала, сооруженного на месте лагеря Октавиана при Акции, показало, что в южной стене памятника сохранились углубления своеобразной формы и разного размера, в которых

ственные корабли Октавиана, более легкие и маневренные, были использованы для создания двух флотов, Мизенского и Равеннского, охранявших западное и восточное побережья Италии (Tac. Ann. IV. 5. 1; Suet. Aug. 49. 1). Трофейные боевые корабли (rostratae naves), захваченные у Антония, образовали еще один флот с базой в Нарбонской Галлии (Tac. Loc. cit.). Кроме того, отдельные флотилии и эскадры базировались в других морских и речных портах Римской империи. Стационарирование морских исполнов из флота Антония в Forum Iulii (эти корабли имели по 7-9 рядов весел и башенную артиллерию. — Flor. II. 21. 5), вероятно, предполагало использование их в Испанской войне как транспортных средств и, может быть, для поддержки штурма прибрежных крепостей противника; во всяком случае, как выяснил К. Крафт, две когорты римских граждан из состава этого флота принимали участие в bellum Cantabricum.¹

Точка зрения, согласно которой в раннеимператорское время военный флот был укомплектован рабами и вольноотпущенниками, подвергнута основательной критике

были некогда укреплены бронзовые тараны захваченных кораблей Антония. Оказалось возможным подсчитать (хотя часть стены еще не раскопана), что всего памятник украшали 33-35 таранов. Это обстоятельство позволяет уточнить приведенное Плутархом количество трофейных кораблей: поскольку стандартный размер победного дара богам — десятина, то всего Октавиан захватил их около 350. Расхождение с его собственными данными, очевидно, объясняется тем, что учитывались только корабли классом не ниже трирем (ср.: RgdA. 3.4) (Murray W. M., Petsas Ph. M. The Spoils of Actium // Archaeology. 1988. Vol. 41. Nr. 5. P. 29-35).

¹ Kraft K. Zur Rekrutierung der Alen und Kohorten an Rhein und Donau. Bern, 1951. S. 95 f.

Д. Кинастом,¹ с которым трудно спорить: человек, возвративший хозяевам или казнивший рабов, служивших Сексту Помпею и уже получивших свободу, гарантированную триумвирами и сенатом, едва ли стал бы в мирное время и вразрез со своей социальной политикой следовать примеру побежденного врага. По мнению Кинаста, флотские экипажи комплектовались почти исключительно из свободных людей — перегринов.² Кроме того, еще при Республике на флоте были обязаны служить (в принципе) беднейшие римские граждане. Что это имело место и в эпоху Империи, свидетельствует надпись Л. Требия, который явно был римским гражданином или как минимум обладателем латинского права:³ будучи «рожден в крайней нищете», наш герой после 17 лет беспорочной службы в морской пехоте (видимо, на флотской стоянке в самом Риме) был удостоен почетной отставки.⁴ Но, скорее всего, римлян и италиков, которых не хватало даже для легионов, среди моряков было немного; Равеннский флот (правда, по данным, относящимся к концу эпохи Юлиев—Клавдиев), комплектовался из далматов и паннонцев (*Tac. Hist.* III. 12.1).

¹ «Es wäre unter solchen Umständen im höchsten Grade unverständlich, wenn gerade Augustus später seine stehenden Flotten ausgerechnet mit Sklaven bemannt hätte» (*Kienast D. Untersuchungen zu den Kriegsflotten der Römischen Kaiserzeit.* Bonn, 1966. S. 14).

² *Kienast D.* Op. cit. S. 25; Vgl.: *Welwei K.-W.* Unfreie im antiken Kriegsdienst. Dritter Teil: Rom. Wiesbaden; Stuttgart, 1988. S. 54 f.

³ См.: *Kienast D.* Op. cit. S. 25 f.

⁴ *Natus sum summa in pauperie, merui post classicus miles ad latus Augusti annos septemque decemque, nullo odio sine offensa, missus quoq. honeste* (ILS. 2905).

Что касается командного состава, то в конце гражданской войны триерархами (капитанами) и навархами (адмиралами) достаточно часто были перегрины, получавшие римское гражданство за боевые заслуги, — наподобие неизвестного Селевка Розосского¹ или жителя Синопы Г. Нумизия Прима (ILS. 2824). При Августе и Тиберии триерархами достаточно часто были отпущенники: Автомат, Диоген, Малхион, Гелиос, Каспий, Ант... (ILS. 2817-2822). Вольноотпущенники могли достигать и «степеней известных». Так, доживший до 90 лет Ксанф, либертин Тиберия, его и Клавдия личный массажист (*tractator*), непонятно за какие заслуги стал субпрефектом Александрийского флота (ILS. 2816). Опат Понтиан, отпущенник Тиберия, сумел стать даже командующим флотом (*praefectus classis*) (ILS. 2815). С другой стороны, вполне логична мысль К.-В. Велвая о том, что при организации постоянного флота опытные командные кадры были прежде всего среди моряков перегринского происхождения, и Август обильно черпал из этого резервуара, ибо это вполне соответствовало традиционной практике и, следовательно, его программе «восстановления государства».²

Нельзя не согласиться с Д. Кинастом в том, что флот, при всех его особенностях, все же считался частью вооруженных сил Рима, а не *res privata* принцепса. Это доказывается, к примеру, тем, что высшие командные должности в военно-морских силах Империи, как и в *auxilia*, занимали префекты из всаднического сословия, подчинявшиеся им-

¹ *Roussel P.* Un syrien au service de Rome et d'Octave // *Syria.* 1934. Т. 15. P. 33-74.

² *Welwei K.-W.* Op. cit. S. 54. Здесь он тоже многому научился у Секста Помпея. Ср.: *Парфенов В. Н.* Секст Помпей и сицилийцы // *АМА.* 1990. Вып. 8. С. 72 сл.

ператору в силу его *imperium proconsular*.¹ Но, при общей верности такого взгляда, он все же выглядит слишком схематичным. Постоянный флот был одним из нововведений Августа, так что император имел здесь достаточную свободу действий — если даже легионы, которые в 17 г. до н. э. еще именовались «легионами римского народа» (ILS. 5050), к концу своей жизни Август считает возможным назвать «моим войском» (RgdA. 15. 3; 30. 2), то «флота римского народа» с самого начала Империи не существует — только «мой флот» (RgdA. 26. 4).²

Социальный статус флотских командиров, очевидно, был для Августа вещью второстепенной — ценилась прежде всего личная преданность. Это иллюстрируется одним интересным примером: в надписи ILS. 2672 фигурирует некий Авл Кастриций (судя по *cognomen*, либо отпущенник, либо сын отпущенника), в *cursus honorum* которого входит и флотская префектура. Его принято идентифицировать с предателем Кастрицием, который сообщил Августу о заговоре Цепиона—Мурены и за эту услугу в дальнейшем пользовался исключительным расположением принцепса (*Suet. Aug. 56. 4*).

Главную ударную силу армии составляли, конечно, легионы со своими вспомогательными войсками, и политический центр тяжести взаимоотношений императора и войска приходится именно на них. К сожалению, количество информации об этом резко сокращается по сравнению с относящейся ко времени гражданских войн. Дело здесь, видимо, не в уменьшении политической роли армии — она не могла не быть важнейшей опорой установленного при

¹ Kienast D. Op. cit. S. 15, 29.

² См.: Wickert L. Der Prinzipat und die Freiheit // Prinzipat und Freiheit. Darmstadt, 1969. S. 117 ff.

ее деятельном участии режима, — а в стремлении новой власти максимально засекретить относящуюся к военным делам информацию, представить ее государственной тайной, хотя это противоречило старым римским традициям. Именно это противоречие позволяет проявиться из-под завесы секретности отдельным деталям, по которым можно попытаться угадать общую картину.

Одной из самых сложных для императора проблем по окончании гражданских войн было определение характера его взаимоотношений с высшим командным составом. Именно из этой среды было вероятным появление нового соперника на смену последовательно устраненным Лепиду, Сексту Помпею и Антонию. Опасность не была исключена даже со стороны ближайших сотрудников, и Октавиан очень рано начал это учитывать, о чем свидетельствует трагическая участь Сальвидиена Руфа, этого, «быть может, наиболее выдающегося из всех маршалов революции».¹ Однако при наступлении мирного времени посягательство на власть Октавиана с этой стороны было хотя и не исключено, но маловероятно: большинство его «маршалов» были *homines novi*, достаточно тесно связанные со своим патроном и уже в силу своей незнатности не представлявшие серьезной политической угрозы.

Иное дело — римские аристократы с их политическими амбициями. Традиционная правящая каста Республики, римский нобилитет, утратив самых ярких и талантливых своих представителей на поле брани или под мечами убийц во время проскрипций, не мог автоматически утратить способность воспроизводить претендентов на политическое руководство. С другой стороны, Октавиан не мог

¹ Syme R. The Roman Revolution. Oxf., 1939. P. 220. Подробнее о «деле Сальвидиена» см.: Парфенов В. Н. Рим... С. 96 сл.

долго обходиться без сотрудничества с аристократией и достаточно рано начал заигрывать с ней. Это, конечно, принесло немалые политические дивиденды, во многом обеспечив ему победу в гражданской войне, но, завершив борьбу за единоличную власть, Октавиан вступал в совершенно неизведанную область, и положение его становилось опасно неопределенным. Первым сигналом этой опасности стал инцидент с Лицинием Крассом.

ГЛАВА 2

НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРЕТЕНДЕНТ?

Марк Лициний Кресе, тезка своего знаменитого деда, бесславно погибшего в 53 г. до н. э. при Каррах, выдвинулся на авансцену римской политической жизни в самом конце эпохи гражданских войн. Консульскую должность он занимал в 30 г. до н. э. вместе с Октавианом, что само по себе уже достаточно почетно и свидетельствует о подчеркнутом внимании победителя при Акции к своему коллеге.

Даже для политической практики того бурного времени было необычным то обстоятельство, что Кресе, прежде не отличавшийся лояльностью в отношении Октавиана и последовательно боровшийся против него на стороне сначала Секста Помпея, а затем Антония, вдруг стал консулом, причем в нарушение обычных правил: не пройдя перед этим претуру (*Dio Cass.* LI. 4. 3). О причинах неожиданного расположения «сына божественного Юлия» к своему вчерашнему врагу остается только догадываться.¹

Досрочно сложив полномочия консула (Октавиана и Красса сменили консулы-суффекты, одним из которых был сын Цицерона), Кресе отправился в свою провинцию.

¹ Э. Гроаг предположил, что предоставление консулата и управления провинцией было неременным условием измены Красса Антонию, и Октавиан принял это условие (*Groag E. M. Licinius Crassus // RE. 1926. Bd. 13. Tl. 1. Sp. 271*).

На посту проконсула Македонии Красс проявил незаурядную энергию и талант полководца, восстановив изрядно пошатнувшийся за годы гражданских войн престиж римского имени среди варварских племен. Его военные успехи были настолько впечатляющими, что замолчать их оказалось невозможно: повествование об этом занимало видное место в двух (к сожалению, утраченных) книгах Тита Ливия (134 и 135), драматический эпизод одной из военных кампаний Красса освещает Флор (II. 26). Но наиболее обстоятельно о боевых действиях на севере Балкан повествует Дион Кассий (LI. 23. 2-27. 3).

По словам этого автора, бастарны, которых он считал скифским племенем, перешли Дунай и покорили прилегающую к реке часть Мезии, тогда еще не завоеванной римлянами. Эти действия варваров еще не представляли угрозы для позиций Рима в регионе, но когда они опустошили ту часть Фракии, что принадлежала племени денделетов (а те имели союзный договор с римлянами), Красс двинулся на бастарнов.

Узнав о его приближении, те поспешно ретировались, очистив Фракию без боя. Преследуя их, Красс вторгся в Мезию и уничтожил одну из местных крепостей. Тем временем бастарны приостановили бегство и отправили к римскому военачальнику послов с предложением не преследовать их, так как они не причинили римлянам никакого вреда.

Красс задержал послов, обнадежив их обещанием ответить на следующий день, и весьма основательно угостил, чтобы выведать планы их соплеменников (здесь Дион Кассий нравоучительно замечает, что все скифы ненасытны в употреблении вина и быстро пьянеют от него).

Глубокой ночью римская армия в полной боевой готовности тихо снялась с лагеря и двинулась через лес, за ко-

торым находились бастарны. Те, видимо, ждали какого-то подвоха и не были застигнуты врасплох. Увидев высланных вперед римских разведчиков, бастарны бросились их преследовать и в лесной чаще неожиданно для себя столкнулись с главными силами противника.

Развязка наступила быстро: одни из варваров погибли на месте, другие — во время бегства, причем Красс лично убил их вождя Дельдона. Бежавших преследовали и уничтожали не только римляне, но и Рол, царь одного из гетских племен, «друг и союзник» римлян.

Разбив бастарнов, Красс начал военные действия против мезийцев и, действуя огнем, мечом и голодом, покориł почти всех, если верить нашему источнику. С наступлением зимы римляне отступили во Фракию, рассчитывая на дружественный прием. В своих ожиданиях они, правда, обманулись — страдавшим от холода римлянам пришлось вдобавок отбиваться от нападений фракийцев. Тем не менее Красс решил больше не вести военные действия, удовольствовавшись уже достигнутым.

Но бастарны, разъяренные поражением, узнали, что Красс не собирается больше воевать против них, и напали на денделетов, видя в них главную причину своих несчастий. Поэтому Красс был вынужден вновь отправиться в поход. Двигаясь форсированным маршем, он настиг бастарнов, разбил их и продиктовал условия мира.

На обратном пути Красс решил заодно покарать фракийцев, которые досаждали ему в конце предыдущей кампании. Разведка доносила римлянам, что они строили укрепления и откровенно готовились к войне. Римский военачальник разгромил племена медов и сердов, приказал отрубить у пленных руки, а затем опустошил остальную страну. Затем он вмешался в междуусобную распря гетских племен и, между прочим, сумел отбить римские зна-

мена, когда-то потерянные Гаем Антонием и хранившиеся в Генукле, гетской крепости на Истре.

В конце своей военной карьеры Красс подавил начавшееся было восстание в Мезии и подчинил там римской власти те племена, что еще оставались независимыми. После своих громких военных успехов он был отозван в Рим.

Имеющаяся у Диона Кассия информация позволила целому ряду исследователей придерживаться мнения, что Красс вступил в конфликт с Октавианом, причиной чему послужили победы македонского наместника над варварами. Суть конфликта будто бы заключалась в том, что в 29 г. до н. э. Октавиан принял титул императора за победы над бастарнами и мезийцами, отказав в аккламации истинному победителю.¹ А когда Красс, победивший в единоборстве вождя бастарнов, захотел по старинному обычаю посвятить доспехи убитого врага (*spolia opima*) в храм Юпитера Феретрия, ему было отказано на том основании, что главнокомандующий (*αὐτοκράτωρ στρατηγός*, по терминологии Диона Кассия) считался в этой войне не он сам, а Октавиан. Разрешенный после долгих проволочек триумф Красса состоялся только 4 июля 27 г. до н. э.,² после чего его имя навсегда исчезает из истории.³

Большинство исследователей принимает эту гипотезу на веру. Принято считать, исходя из текста Диона Кассия,

¹ Правда, эта версия «срабатывает» лишь в том случае, если военные действия Красса заняли 30–29 гг. — тогда для конфликта есть время в 28 г. до н. э. См.: *Syme R. The Roman Revolution. P. 308; Idem. Livy and Augustus // HSCPh. 1959. Vol. 64. P. 46.*

² М. Licinius M. f. M. n. Crassus pro cos ex Thraecia et Geteis IV Non. Iul. (Inscr. It. I. P. 571).

³ Есть предположение, что он вскоре умер. См.: *Le Gall J., Le Glay M. L' empire Romain. P., 1987. P. 51.*

что Красс был действительно лишен императорской аккламации и вместо него в 29 г. до н. э. императором был в седьмой раз провозглашен Октавиан.¹

Однако попытка проверить эту информацию данными других источников приводит к иному выводу. Не подлежит сомнению, что именно в 29 г. до н. э. Октавиан был семикратным императором.² Столь же бесспорен тот факт, что его шестая аккламация состоялась после битвы при Акции, т. е. еще в 31 г. до н. э. (*Oros. VI. 14. 19*).

Но невозможно допустить, что завоевание в 30 г. до н. э. Египта не было отмечено новой аккламацией Октавиана; помимо всех прочих соображений, аккламация была необходимым условием триумфа,³ а триумф над Египтом, как известно, состоялся.⁴ Поэтому нельзя не согласиться с Л. Шумахером, относящим седьмое провозглашение Октавиана императором к августу 30 г. до н. э.⁵

¹ *Syme R. The Roman Revolution. P. 308, 310; Idem. Some Imperial Salutations // Phoenix. 1979. Vol. 33. Nr. 4. P. 309; Tarn W. W., Charlesworth M. P. The triumph of Octavian // CAH. 1934. Vol. X. P. 118. Note 1; P. 125. Note 2. Cf.: Heichelheim F. M., Yeo C. A. A History of the Roman People. Prentice-Hall, 1962. P. 279.*

² *Senatus populusque Romanus imp. Caesari divi Iuli f. cos. quinct., cos. design, sext., imp. sept., re publica conservata (ILS. 81).* Правда, относящаяся тоже к 29 г. до н. э. надпись из Кампании иначе рисует положение дел: *Imp. Caesari divi f. cos. V, imp. VI, Rufrani vicani quorum aedificia sunt (ILS. 80).* Но представляется очевидным, что официальная римская надпись фиксирует ситуацию точнее, чем «мужики из Руфра».

³ *Rosenberg. Imperator // RE. 1914. Hbd. 17. Sp. 1147.*

⁴ *Suet. Aug. 22; Dio Cass. LI. 21. 7.*

⁵ *Schumacher L. Die imperatorische Akklamationen der Triumvirn und die auspicia des Augustus // Historia. 1985. Bd. 34. H. 2. S. 221.*

Таким образом, если известно, что восьмая аккламация Августа относится к 25 г. до н. э., то приходится признать, что Красса никто не лишал заслуженной им чести.¹ На ошибочность мнения о том, что Красс не получил императорского титула, указал еще Г. Шиллер.²

Что касается слов Диона Кассия о невозможности во времена несостоявшейся аккламации Красса провозглашения императором кого бы то ни было, кроме самого Октавиана, то этому прямо противоречат документальные данные: в первой половине 20-х гг. аккламации были удостоены Т. Стабий Тавр, М. Ноний Галл, С. Аппулей.³ Наконец, без императорской аккламации триумф Красса (зафиксированный документально) был бы просто невозможен уже по формальным соображениям.⁴

Более сложен вопрос о *spolia opima*. Строго говоря, конфликт Красса и Октавиана является гипотетическим, и предположение о нем базируется главным образом на

¹ Сторонников традиционной версии мало смущает даже известная афинская надпись, чествующая «проконсула и императора» Красса (ILS. 8810): афиняне, мол, просто поторопились или всего лишь хотели выразить Крассу свое расположение, величая его не принадлежавшим ему титулом императора. См.: *Syme R. The Roman Revolution*. P. 308 f. Note 3; *Tarn W. W., Charlesworth M. P. Op. cit.* P. 125. Note 2.

² *Schiller H. Geschichte der römischen Kaiserzeit*. Gotha, 1883. Bd. I. Tl. 1. S. 235. Кстати, Дион вовсе не утверждает, что Октавиан отнял у Красса титул императора, а лишь констатирует: такого мнения придерживаются некоторые авторы — *ὡς γὰρ τινὲς φασι* (LI. 25. 2). См.: *Grenade P. Essais sur les origines du principat*. P., 1961. P. 170.

³ ILS. 893; 893a; 894; 895; *Dio Cass.* LI. 20. 5.

⁴ *Schmitthenner W. Augustus' spanischer Feldzug und der Kampf um den Prinzipat // Historia*. 1962. Bd. 11. H. 1. S. 34. Anm. 25.

мнении Диона Кассия, который констатировал, что Красс имел бы право посвятить доспехи убитого им вражеского вождя в храм Юпитера Феретрия, если бы обладал полномочиями главнокомандующего в полном объеме (Дион подразумевает, что Красс воевал под auspiciis Октавиана, так как это было непреложным правилом в эпоху Империи). Чтобы понять суть проблемы, придется обратиться к истории обычая посвящать Юпитеру Феретрию «пышные доспехи».

Согласно традиции, первым посвятил этому богу снятые с убитого в единоборстве неприятельского предводителя доспехи сам Ромул.¹ Второй случай имел место в 437 г. до н. э., когда Авл Корнелий Косс убил вейского царя Ларта Толумния,² третий — в 222 г. до н. э.: Марк Клавдий Марцелл одолел в поединке предводителя галлов Бритомата.³

По логике вещей, доблестный проконсул Красс должен был стать четвертым в этом ряду. Столь же ясно, что Октавиану нельзя было допустить этого по вполне очевидной причине — новому Ромулу не нужен был неожиданный соперник по военной славе.⁴ Невыгодное сопоставление прямо-таки напрашивалось: потомственный аристократ Красс, который блестяще продемонстрировал традиционную римскую доблесть, столь престижную в годы расцвета Республики,⁵ и хилый внук ростовщика из Велитр, на

¹ *Liv. I. 10. 4-7; Propert. IV. 10. 5-6; Plut. Rom. 16.*

² *Liv. IV. 19-20; 30-31; Flor. I. 6. 9; Plut. Marceil. 8. 6.*

³ *Verg. Aen. VI. 856-860; Plut. Marceil. 7-8; Flor. I. 20. 5.*

⁴ *Syme R. Op. cit.* P. 310; *Tarn W. W., Charlesworth M. P. Op. cit.* P. 125; *Grenade P. Op. cit.* P. 171.

⁵ См.: *Oakley S. R. Single combat in the Roman Republic // CQ*. 1985. Vol. 35. Nr. 2. P. 392-410.

памяти всех малодушно отклонивший присланный ему Антонием вызов на поединок (*Plut. Ant.* 75. 1).

Мы уже никогда не узнаем точно, как выпутался Октавиан из столь пикантной ситуации, но некоторые любопытные детали этой истории все же поддаются восстановлению.

Видимо, Октавиан решил доказать, что Красс не имел права на посвящение доспехов Юпитеру, так как действовал под чужими ауспигиями. Считается, что для доказательства этого императору пришлось прибегнуть даже к антикварным изысканиям: Г. Дессау первым обратил внимание на явную связь между претензией Красса и рассказом Тита Ливия о подвиге Корнелия Косса.¹

В авторской ремарке Ливия сообщается: все его коллеги по ремеслу историка дружно утверждали, будто Косс преподнес Юпитеру доспехи, являясь военным трибуном, и сам Тит Ливий считал этот факт очевидным. Но вдруг Цезарь Август любезно сообщил ему, что собственными глазами видел в храме на льняном нагруднике Толумния надпись о том, что Косс посвятил эти доспехи, будучи консулом.²

Бесспорно, эта, по выражению Р. Сайма, «антикварная уловка» Октавиана должна была показать всю необоснованность претензии Красса.³ Однако сведения, сообщаемые Титом Ливием, всех вопросов не снимают. Ведь если Косс был всего лишь военным трибуном и все же посвятил

¹ *Dessau H.* Livius und Augustus // *Hermes.* 1906. Bd. 41. S. 142 ff.

² *Liv.* IV. 20. 5-7. Тит Ливий признается в своем бессилии разрешить эту загадку, но из дальнейшего видно, что он остался при своем первоначальном мнении. Ср.: *Liv.* IV. 20. 11; 32.4, 11.

³ *Syme R.* Op. cit. P. 307.

Юпитеру доспехи, то и Крассу, казалось, не было никаких препятствий сделать то же самое.¹ Если же главная проблема заключалась в ауспигиях, то действительно ли проконсул Македонии в 29 г. до н. э. не имел их?

Согласно заслуживающей доверия информации, *imperium proconsulari maius*, включавший в себя распоряжение всеми вооруженными силами Римской империи, Август получил только в 23 г. до н. э.² Таким образом, даже в 27-23 гг. до н. э. Август, по выражению В. Кольбе, «не был генералиссимусом», и наместники сенатских провинций формально не были обязаны ему подчиняться.³

Следовательно, даже если бы Красс был проконсулом Македонии в периоде 27 по 23 гг. до н. э., он воевал бы под своими ауспигиями,⁴ и доспехи Дельдона должны были бы

¹ Известно, однако, что Манлий Торкват, Валерий Корвин и Сципион Эмилиан, которые совершили такой же подвиг, но воевали под чужим началом, права на посвящение «пышных доспехов» не имели. См.: *Трухина Н. Н.* Политика и политики «золотого века» Римской республики. М., 1986. С. 169. Прим. 53.

² *Dio Cass. LIII.* 32. 5. Восходящая к Т. Моммзену датировка верховного империя 27 г. до н. э. не может быть принята. См.: *Егоров А. Б.* Рим на грани эпох. Проблемы рождения и формирования принципата. Л., 1985. С. 90; *Kolbe W.* Von der Republik zur Monarchie // *Augustus.* Hg. von Schmitthenner W. Darmstadt, 1969. S. 81 f.; *Miliar F.* The Emperor, the Senate and the Provinces // *JRS.* 1966. Vol. 56. Pt. 1-2. P. 156.

³ *Kolbe W.* Op. cit. S. 80 f. Розенберг ошибочно полагал, что после 27 г. до н. э. лишь проконсул Африки имел право самостоятельного командования и императорской аккламации. Ср.: *Rosenberg.* Op. cit. Sp. 1147; *Wickert L.* Princeps (civitatis) // *RE.* 1954. Hbd.44. Sp. 2270 ff.

⁴ Македония относилась к провинциям «народа и сената» (*Dio Cass. LIII.* 12. 4), и ее наместник до 23 г. до н. э. обладал всей полнотой власти.

красоваться в храме Юпитера. Тем более это относится ко времени до 27 г., когда Красс явно обладал собственным империем, без которого были бы немислимы его аккламация и триумф. Но факт остается фактом — четвертому доспеху не суждено было оказаться в древнейшем римском храме.¹ Если исходить из норм права и обычая, причину этого выяснить невозможно: те исследователи, которые принимают за чистую монету обнаружение Октавианом вышеупомянутой надписи Корнелия Косса, в сущности, считают фальшивку, рассчитанную разве что на неусушенную публику, главным аргументом в споре Октавиана с Крассом.²

Чтобы все-таки понять, почему Красс отказался от своей претензии, необходимо вспомнить о практике, сложившейся в годы второго триумvirата.

Полководцы триумvirов, действуя в отсутствие последних под собственными ауспигиями, провозглашались им-

¹ Плутарх дважды подчеркивает, что вплоть до его времени лишь три римских вождя посвятили вражеские доспехи Юпитеру Феретрию (*Plut. Rom. 16. 7; Marcell. 8. 6. Ср.: Liv. I. 10. 7*).

² В подделке надписи заподозрил Октавиана уже Г. Дессау. Но, скорее всего, сфабрикована была не только надпись: сомнительна подлинность самого льняного панциря, возраст которого превышал четыре века. Дело в том, что храм Юпитера Феретрия к тому времени, когда Октавиан занялся его реставрацией, превратился в руины (*Liv. IV. 20. 7*). К тому же Капитолий, где находился этот храм, был сожжен в 82 г. до н. э. (*Plut. Sulla. 27; App. B. c. I. 83. 378; 86.391*).

Об отсутствии у Октавиана излишнего пиетета в отношении реликвий выразительно свидетельствует тот факт, что в Александрии он, осматривая тело Александра Великого, вздумал ощущать царственного мертвеца и при этом, по слухам, сломал ему нос (*Dio Cass. LI. 16. 5*).

ператорами и имели право на триумф, но вот реализовать это право могли лишь с разрешения начальства.¹ Срок полномочий триумvirов истек, как известно, еще до решающей схватки Антония с Октавианом, но последний формально не сложил эти чрезвычайные полномочия ни в 33-м, ни в 32 г. до н. э. Вполне возможно, что он продлил свою верховную власть еще на пятилетие, до 27 г. до н. э.²

Эта гипотеза, авторство которой принадлежит О. Шульцу, позволяет объяснить главную причину неожиданной уступчивости Красса. Хотя «третий триумvirат» Октавиана не нашел отражения в нарративных источниках (из-за крайней непопулярности этой магистратуры, с которой у римлян были связаны самые мрачные воспоминания об ужасах гражданских войн), но понятно, что в исключительных случаях Цезарь-младший мог напомнить любому о своей неограниченной власти и потребовать повиновения.³

Случай с Крассом был именно такого рода: хотя, строго говоря, прямых доказательств наличия этого конфликта нет, но отношение Октавиана к победоносному проконсулу было вполне определенным. Принцепс, заботливо перечисляя уже в конце собственной жизни свои достижения, умолчал об отбитых Крассом у варваров римских

¹ *Schumacher L. Op. cit. S. 206-209.*

² *Schulz O. Th. Das dritte Triumvirat Oktavians // ZfN. 1935. Bd. 34. S. 101-127. Cf.: Cartledge P. The second thoughts of Augustus on the res publica in 28/27 B. C. // Hermathena. 1975. Nr. 119. P. 33.*

³ В своем политическом завещании Август указывает, что после окончания гражданских войн он передал государство из своей власти сенату и народу (*RgdA. 34. 1*), подразумевая, конечно, январь 27 г. до н. э. Следовательно, до 27 г. эта *summa potestas* ни для кого не была секретом.

знаменах.¹ Точно так же Август обошел молчанием целую военную кампанию, относившуюся к началу деятельности Красса на Балканах, — его боевые действия против даков. Можно согласиться с Андрашем Мочи, «открывшим» эту войну, что ответ на эту загадку достаточно прост: покорение даков было частью внешнеполитического наследия Цезаря, на которое не должен был посягать никто, кроме самого Октавиана. Красс, дерзнувший сделать это, был наказан забвением.²

Из этой истории Август, несомненно, сделал соответствующие выводы.³ Если от Красса действительно исходила опасность, то устранить ее, похоже, удалось лишь потому, что Октавиан сохранял унаследованные от времени триумvirата чрезвычайные полномочия. Намеченная нормализация управления государством должна была предусматривать гарантию невозможности повторения ситуации 88 и 49 гг. до н. э., когда мятежные полководцы повели свои армии на Рим и захватили политическую власть.

С другой стороны, для обеспечения собственного положения Август тоже должен был надежно контролировать всю армию. Тот факт, что решить эту проблему ему удалось только в 23 г. до н. э., доказывает: курс Августа на привлечение к сотрудничеству с новым режимом представителей нобилитета имел и неприятную для принцепса

¹ Ср.: RgdA. 29; *Dio Cass.* LI. 26. 5.

² *Möcsy A.* Der vertuschte Dakerkrieg des M. Licinius Crassus // *Historia.* 1966. Bd. 15. H. 4. S. 511-514.

³ Принято считать, что она ускорила «конституционное оформление» 28-27 гг. до н. э. Ср.: *Groag E.* Op. cit. Sp. 283 f.; *Syme R.* Op. cit. P. 307; *Tarn W. W., Charlesworth M. P.* Op. cit. P. 125; *Cartledge P.* Op. cit. P. 36; *Lacey W. C.* Octavian in the Senate. January 27 B. C. // *JRS.* 1974. Vol. 64. P. 176-184.

сторону — необходимость учитывать республиканский консерватизм уцелевших аристократов.

Еще один урок, извлеченный правителем: впредь на крупные посты в римской военной иерархии должны были назначаться только лица, доказавшие свою безупречную лояльность. Это было тем более необходимо, что в 20-е гг. далеко не все сенатские провинции были демилитаризованы — тот же Красс командовал четырьмя-пятью легионами и примерно равным им по численности количеством вспомогательных войск.²

¹ П. Картледж полагает, что мероприятия 27 г. до н. э. в первую очередь учитывали настроение духовных наследников убийц Цезаря (*Cartledge P.* Op. cit. P. 35 f.).

² *Ritterling.* Legio // *RE.* 1924. Hbd. 23. Sp. 1221. В. Шмиттеннер, несколько упрощая проблему, полагал, что наместники подчиненных сенату провинций повиновались в те годы (27-23) Августу прежде всего потому, что его легионы имели подавляющий перевес над войсками сената (*Schmitthenner W.* Op. cit. S. 41 f.).

ГЛАВА 3

ВЫБОР ЦЕЛИ

1. Испанский поход

Проведя в начале 27 г. до н. э. реформу государственного управления, Октавиан (теперь уже Август) в ореоле самых невероятных слухов о его воинственных намерениях покинул Рим и отправился на север. Проведя довольно много времени в Галлии, в 26 г. он наконец прибыл к армии — на испанский театр военных действий.

Со времен Ганнибала Пиренейский полуостров был для римлян «горячей точкой» их державы. В годы гражданских войн испанская земля не раз становилась убежищем и резервом сил для опальных римских политиков — от Серготория до Секста Помпея. Октавиан-триумвир не раз посылал в Испанию своих лучших полководцев, а с наступлением мирного времени решил взяться за дело сам.

Внешне испанская кампания Августа во многом напоминает его же иллирийские войны 35–33 гг. до н. э.: та же фактически неспровоцированная агрессия, то же стремление громким рекламированием военных достижений в очередной раз привлечь на свою сторону общественное мнение Рима, такие же горы, населенные воинственными, но разобщенными и отсталыми племенами.

Поводом для вмешательства римлян в дела свободных племен стали обычные межэтнические распри (*Flor.* II. 33.

46–48), т. е. Август воспользовался первым подходящим предложением, чтобы пустить в ход машину агрессии. Нельзя не согласиться с Г. Ферреро, что эта война «вовсе не была так важна, чтобы требовать присутствия командующего всеми вооруженными силами империи».¹ Тем не менее смысл в личном участии Августа в этой, казалось бы, малозначительной кампании был; не случайно шум вокруг Испанской войны был поднят большой, и уже отправление Августа из Рима сопровождалось шумной рекламной кампанией, включавшей в себя и торжественное открытие храма Януса (*Oros.* VI. 21.1). Короткая победоносная война должна была укрепить положение Августа во главе государства: состоявшееся в начале 27 г. в сенате урегулирование, которое часто считают разыгранной Октавианом комедией, в действительности было компромиссом между императором и старой аристократией, не устраивавшим в полной мере ни ту, ни другую сторону.²

Кроме того, захват северо-запада Пиренейского полуострова имел солидное «экономическое обоснование»: на этой территории находились богатые золотые рудники (в римское время там разрабатывалось 57 шахт).³ Таким образом, покорение последней свободной территории Испании должно было в какой-то степени окупить военные расходы и финансировать дальнейшие мероприятия такого рода, если бы они последовали.

¹ Ферреро Г. Указ. соч. С. 31.

² Связь испанской войны Августа с напряженной внутривнутриполитической жизнью Рима того времени детально исследована в статье В. Шмитхеннера: *Schmitthener W.* Augustus' spanischer Feldzug und der Kampf um den Prinzipat. S. 29–85.

³ Jones R. E. L. The Roman Military Occupation of North-West Spain // *JRS.* 1976. Vol. 66. P. 47. Fig. 1.

К началу кампании в Испании был сконцентрирован мощный военный кулак: минимум шесть легионов, дополненных вспомогательными войсками, специальными подразделениями и флотом.¹ После прибытия Августа к армии римские войска тремя колоннами вторглись в страну кантабров.² В Бискайском заливе оперировал мощный флот, высадивший десанты в тылу защитников Кантабрии.³ Уверенность римлян в быстром и полном успехе была абсолютной, не случайно Флор сравнивает эту кампанию с охотничьей облавой.

Однако, против всех ожиданий, легкой военной прогулки не получилось: Август, руководивший центральным корпусом армии вторжения, столкнулся со множеством летучих отрядов легкой пехоты противника, которые нападали на римлян из засад, наносили им чувствительный урон и вновь исчезали в родных горах (*Dio Cass. LIII. 25. 5-6*).

¹ *Syme R. The Spanish War of Augustus // AJPh. 1934. Vol. 55.4. P. 295,298 f. Всего за 27-19 гг. до н. э. зафиксировано присутствие в Испании семи легионов: Syme R. Some notes on the legions under Augustus // JRS. 1933. Vol. 23. P. 22 f. P. Джоунз полагает, что с начала кампании «армия вторжения состояла из семи легионов» (Jones R. E. L. Op. cit. P. 48).*

² В каждую ударную группировку входил один легион со вспомогательными войсками. В то же время против астуриков действовала провинциальная армия Лузитании, включавшая в себя минимум два легиона (*Diego Santos F. Die Integration Nord- und Nordwestspaniens als römische Provinz in der Reichspolitik des Augustus // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 4. S. 534*).

³ Ф. Диего Сантос относит операции флота к 19 г. до н. э., но из источников ясно, что это происходило, когда в Испании был сам Август. Ср.: *Diego Santos F. Op. cit. S. 539; Flor. II. 33. 48-49; Oros. VI. 21. 3-4*.

В результате постоянного нервного и физического перенапряжения незадачливый завоеватель, к личности которого «дикари» явно не испытывали должного почтения, заболел и покинул театр военных действий, обосновавшись в Тарраконе.¹ Последняя попытка принцепса проявить себя на поле брани закончилась постыдным фиаско — кантабры слишком дорого продавали державному покупателю свою свободу.²

Впрочем, у Августа хватило опыта и здравого смысла, чтобы передать руководство войной своим легатам и не вмешиваться в их распоряжения.³ Результаты не замедлили сказаться: кантабры были разбиты Гаем Антистием, которому Август сдал непосредственное командование центральной колонной.⁴ Тем не менее война растянулась

¹ *Flor. II. 33. 51; Dio Cass. LIII. 25. 7; Oros. VI. 21. 19*.

² Орозий с гордостью и вполне, как видим, заслуженно назвал своих земляков кантабров и астуриков «двумя храбрейшими народами Испании» (*Oros. VI. 21. 1*).

³ Кажется весьма вероятным предположение о том, что общее руководство военными действиями осуществлял Агриппа, намеренно остававшийся в тени (*Schiller H. Op. cit. S. 206. Ср., однако: Ферреро Г. Указ. соч. С. 51*).

⁴ Дион Кассий счел необходимым объяснить успех Антистия «не тем, что он был лучшим военачальником, чем Август», а поведением кантабров: мол, они после отбытия Августа преисполнились презрения к римлянам и вступили с ними в открытый бой, в котором легионеры оказались сильнее (*LIII. 25. 7-8*).

Традиция освещает испанскую войну весьма своеобразно: почти ничего не известно ни о действиях двух других римских штурмовых колонн в Кантабрии, ни о шедшей одновременно *bellum Asturicum*. Причина этого вполне очевидна: «Вся слава и вся история теперь концентрируются на единственной персоне» (*Syme R. The Roman Revolution. P. 332. Cf.: Idem. The Spanish War... P. 312 f; Idem. Livy and Augustus. P. 65*).

на два года, пока не пала последняя твердыня кантабров, большинство защитников которой покончило с собой, чтобы не сдаваться в плен.¹

Основные события войны с астурами приходится на 25 г. до н. э. О ходе боевых действий имеется восходящая к Титу Ливию краткая информация Флора и Орозия.² Из нее очевидно, что первоначально инициатива принадлежала астурам. Их план боевых действий предусматривал одновременное нападение на трех легатов, которые со своими войсками, очевидно, должны были действовать по тому же шаблону, что и их коллеги в Кантабрии.

Римские источники не скрывают того, что дерзкий план астуристов имел много шансов на успех, если бы не предательство. Наместник Лузитании Тит Каризий, узнав о намерениях аборигенов, успел нанести упреждающий удар, когда их войска уже были на марше. Разгромив главные силы противника, римский командующий перешел к последовательному уничтожению их крепостей, сильнейшей из которых была Ланция. В конце концов сопротивление астуристов было подавлено, но победа дорого обошлась римлянам.

Август придавал Испанской войне исключительное значение: дорого стоившая Риму и, как вскоре оказалось, эфемерная победа была представлена всему цивилизованному миру как нечто из ряда вон выходящее (*Vell.* 11. 90. 4). У принцепса, правда, хватило такта, чтобы отказаться от декретированного ему триумфа, но зато было торжественно объявлено об окончании войн по всему «земному кругу», и храм Януса закрылся уже вторично после гражданских войн.³

¹ *Flor.* II. 33. 50; *Oros.* VI. 21. 7.

² *Flor.* II. 33. 54-58; *Oros.* VI. 21. 9-11.

³ *Dio Cass.* LIII. 27. 11; *Oros.* VI. 21. 11; *Flor.* II. 33. 53.

Продолжительное пребывание Августа в Испании показывает, что он явно не торопился в Рим. Видимо, в данном случае недалеко от истины Г. Ферреро, полагавший, что император намеревался в окружении верных ему легионов (примечательно, что три из них получили в Испании почетное наименование *Augusta*) выждать, как будет функционировать новый государственный механизм, оформление которого еще не закончилось.¹

Испанская война стала важным этапом формирования внешнеполитической концепции Августа. Надо отметить, что в отечественной науке внешняя политика первого принцепса чаще всего характеризуется как очень осторожная и довольно миролюбивая.² Нельзя сказать, что эта точка зрения отличается новизной: довольно давно Август был объявлен не более и не менее как «античным миротворцем».³ Миролюбие основателя Римской империи традиционно подчеркивается в немецкой историографии.⁴

¹ Ферреро Г. Указ. соч. С. 31 сл., 37.

² Ср.: Сергеев В. С. Очерки по истории Древнего Рима. М., 1938. Ч. 2. С. 389 сл.; Машкин Н. А. История Древнего Рима. М., 1949. С. 411; Ковалев С. И. История Рима. Л., 1986. С. 487 сл.; Всемирная история. М., 1956. Т. II. С. 611; История Древнего Рима / Под ред. В. И. Кузищина. М., 1993. С. 198; История Европы. М., 1988. Т. 1. С. 548. Правда, в последнее время наметился отход от подобного мнения. См.: Егоров А. Б. Указ. соч. С. 117 сл.; История древнего мира. Кн. 3. Упадок древних обществ. М., 1989. С. 54 сл.

³ *Oltamare A. Augustus und die Parther (1938) // Augustus. Hg. v. Schmitthenner W. Darmstadt, 1969. S. 118.* Нельзя не заметить, что в цитируемом определении ясно ощутим «дух Мюнхена».

⁴ *Schiller H. Op. cit. S. 190 ff.; Birt Th. Das römische Weltreich. B., 1941. S. 146 f.; Berve H. Kaiser Augustus // Berve H. Gestalt der Antike. München, 1966. S. 430 f.; Bengtson H. Grundriss der römischen Geschichte mit Quellenkunde. München, 1982. S. 279, 282.*

С другой стороны, в новейшей историографии представлен и совершенно иной взгляд на внешнюю политику наследника Цезаря; согласно этому мнению, для экономики молодой Римской империи внешнеполитическая экспансия была безусловной необходимостью, и, хотя это выглядит парадоксальным, «миротворец» Август в действительности был крупнейшим за всю римскую историю завоевателем.¹ Анализ внешней политики первого принцепса убеждает в справедливости именно этой точки зрения.

Давно сложившееся убеждение в миролюбии Августа отчасти следует считать его заслугой: «сын божественного Юлия» был выдающимся мастером политической пропаганды, которая зачастую маскировала его истинные намерения и действия (проницательно замечено, что «подлинная история — это тайная история»²). К тому же зачастую упускается из виду, что, бесспорно, существовавшее амплу Августа-миротворца (одна из личин этого незаурядного актера) относится только к прекращению при нем гражданских войн, целое столетие терзавших народы Средиземноморья. Напротив, в сфере внешней политики наблюдается полная преемственность между Республикой и Империей, а Pax Augusta, по справедливому замечанию Р. Сайма, неотделим от Victoria Augusta.³

Делать Августа пацифистом означает не понимать одной из основных особенностей римского менталитета. Уже

¹ Dieter H., Günther R. *Römische Geschichte bis 476*. В., 1979. S. 225; Seyfarth W. *Römische Geschichte. Kaiserzeit 1*. В., 1980. S. 58; Starr Ch. G. *The Roman Empire 27 B. C. - A. D. 476. A Study in Survival*. N. Y.; Oxf, 1982. P. 24; Garnsey P., Saller R. *The early principate. Augustus to Traian*. Oxf., 1982. P. 8.

² Syme R. *Livy and Augustus*. P. 69.

³ *Idem*. *The Roman Revolution*. P. 470. Cf. Luttwak E. N. *Op. cit.* P. 49.

Цицерон, подводя своего рода итоги развития Рима от времен Ромула и Рема, с гордостью констатировал, что в силу ревностного почитания богов и по их воле «мы возвысились над всеми племенами и народами» (*Cic. De har. resp.* 23. 35), так что римский народ стал «победителем всех народов», и власть римского сената распространяется на весь мир (*Phil. IV. 6. 14-15*). Бессмертные боги по заслугам дали римлянам господство над всеми остальными народами, так как Рим всегда вел только справедливые войны.¹

Аналогичные мысли высказывает Тит Ливий (*I. 16. 7*), нет недостатка в подобных сентенциях (но уже с монархической окраской) и у Вергилия: в «Энеиде» многократно подчеркивается, что весь обитаемый мир, согласно предначертаниям богов (и лично Юпитера), покорится римлянам (и лично Августу), причем власти этой не будет конца во времени и пространстве.² Учитывая, что Вергилий принадлежал к ближайшему окружению Августа, можно не сомневаться, что великий римский поэт кратко и максимально доходчиво изложил официальную внешнеполитическую доктрину нового режима.

Что касается самого Августа, то нельзя не учитывать: воинская доблесть и военная слава с древнейших времен были для римского политического деятеля качествами приоритетными (*Cic. Pro Murg.* 9. 22; 11. 2). Для императора активная внешняя политика стала жизненной необходимостью: блеск военных побед должен был заставить подданных нового Ромула забыть о сомнительной репутации

¹ *Cic. De domo sua.* 33.90; *De off.* 1. 11.35-37; *Phil. VI. 7. 19*. См.: Кнабе Г. С. Историческое пространство и историческое время в культуре Древнего Рима // *Культура Древнего Рима*. М., 1985. Т. II. С. 112 сл.

² *Verg. Aen.* I. 239-240; 283,286; VI. 782-783,795-798,851-853; VII. 99-101,257-258.

ции Октавиана-триумвира и явиться наиболее эффективным оправданием его единоличной власти.

Однако Август, прагматик до мозга костей, обладавший немалым уже опытом политика и государственного деятеля, прекрасно понимал, насколько рискованным для него и созданного им режима было бы безудержное стремление к внешнеполитическим авантюрам. Поэтому он решил для начала создать в массовом сознании хотя бы иллюзию того, что римляне под его мудрым руководством уже покорили всю ойкумену.

В принципе, как ни удивительно, задача выглядела вполне решаемой, так как в обыденном сознании римлян обитаемый мир в основном совпадал со знакомым им Средиземноморьем, а остальной частью orbis terrarum они интересовались очень мало.¹ Следовательно, уже победа Октавиана в борьбе за единоличную власть, означавшая переход под его контроль и восточной половины Римской державы, позволяла претендовать на роль не только спасителя, но и покорителя мира.² Неудивительно, что Август буквально навязывал римскому общественному мнению спасительную для него версию: после победы над Антонием историческая миссия Рима, в сущности, выполнена, и страны земного круга склонились перед его властью.³

¹ Видимо, поэтому у Веллея Патеркула (II. 53. 3) в ореоле завоевателя мира вдруг предстает Помпей времен III Митридатовой войны; скорее всего, отсюда же распространившиеся в Риме при жизни Помпея толки о его внешнем сходстве с Александром Македонским (см.: *Plut.* Rom. 2).

² См.: *Штаерман Е. М.* От гражданина к подданному // Культура Древнего Рима. М., 1985. Т. 1. С. 53.

³ Один из распространенных сюжетов в монетной чеканке начала 20-х гг. до н. э. — Виктория на земном шаре, символизи-

Однако с благостной картиной подчинения мира римскому оружию диссонировало одно неприятное обстоятельство: все прекрасно знали, что вне сферы римского господства оставались территории к востоку и западу от Средиземного моря. Поэтому Август с первых лет своего единоличного правления, оставляя Восток с его многочисленными проблемами на втором плане, занялся обещавшим быстрый и верный успех Западом.

Личное участие императора в испанском походе, как упоминалось выше, было продиктовано необходимостью радикально упрочить его внутривосточные позиции. Покорение кантабров и астуристов, вне зависимости от подлинных масштабов этого успеха (достаточно скромных),¹ пропаганда Августа представила поэтому как крупный шаг в решении проблемы Запада.²

рующая мировое господство (*Mattingly H.* Coins of the Roman Empire in the British Museum. L., 1923. Vol. I. Nrs. 602-604, 622-623, 686; *Sutherland C. H. V.* Coinage in Roman Imperial Policy 31 B. C. - A. D. 68. L., 1951. P. 19, 29).

¹ Сразу после отъезда Августа из Испании эти племена восстали, и римлянам пришлось начинать все сначала (*Dio Cass. LIII.* 29. 1-2).

² Это касается второго закрытия храма Януса в 25 г. до н. э.: символ того, что «во всей державе римского народа, на суше и на море, царит добытый победами мир» (RgdA. 13), хотя в действительности в Испании вновь шла война. В том же году в Лузитании как еще один символ победоносного окончания Испанской войны была основана колония Августа Эмерита (*Dio Cass. LIII.* 26. 1). На ее монетах первых лет чеканки изображены: земной шар, корабельный руль и рог изобилия (*Mattingly H.* Coins of the Roman Empire... Nrs. 305-308). Руль и земной шар символизируют мировое господство, рог изобилия — начало эры материального благополучия, Козерог относится к рождению Августа.

2. «Властелин мира» и Британия

Завоевание северо-запада Пиренейского полуострова еще не означало полного владычества Рима на западе ойкумены хотя бы потому, что ее крайним западным и даже северным пределом в те времена считалась Британия (*Strab.* II. 5. 8). Если верить римским авторам, до экспедиции Цезаря ее обитатели были вообще неизвестны римлянам, в свою очередь, британцы не знали даже имени римлян.¹ Молодому Вергилию британцы представляются «совершенно отделенными от всего мира» (*Verg. Buc.* I. 67). И даже тогда, когда южная часть острова давно уже была римской провинцией, Плутарх все же подчеркивает, что своим вторжением в Британию Юлий Цезарь «продвинул римскую власть за пределы ойкумены» (*Plut.* Caes. 23. 3).

Хорошо известно, что Октавиан с первых шагов своей политической карьеры упорно стремился выглядеть наследником военной славы Цезаря. В этом плане престижной должна была выглядеть акция, которая превзошла бы подвиги «божественного Юлия». Видимо, поэтому мысль о покорении Британии не оставлялась даже в разгар гражданской войны, когда далекий остров, казалось бы, меньше всего должен был заботить Октавиана.²

По окончании междоусобных распрей в Риме видимых причин откладывать завоевание Британии не было, тем более что общественное мнение настойчиво требовало новых завоеваний.³ Игнорировать такие настроения новый властелин мира, по крайней мере в первые годы своего

¹ *Suet. Iul.* 25. 2; *Eutrop.* VI. 17.3.

² См.: *Hor.* Epod. 7. 7-8; *Dio Cass.* XLIX. 38. 2.

³ *Hor.* Od. 1.21. 13-16; 35.29-30; III. 5. 2-4; *Tibull.* IV. 1. 149; *Propert.* II. 27. 5.

правления, не мог себе позволить: демонстративно подчеркивая отличие своей внутренней политики от «тиранического» поведения Цезаря, Август в то же время стремился показать, что в военной сфере он по-прежнему достойно продолжает традиции своего обожествленного отца.¹

Хотя Р. Сайм и считает, что Август никогда всерьез не помышлял о завоевании Британии, а источники передают лишь «пустые слухи» о такого рода намерениях,² похоже, что в данном случае ближе к истине Г. Берве, полагающий, что покорение британцев было задумано всерьез, «в духе завоевательных планов Цезаря».³ Доказательством может служить рассуждение Страбона о том, что в случае завоевания острова римлянам потребовался бы минимум один легион со вспомогательными войсками для его оккупации (*Strab.* IV. 5. 2). Если учесть знакомство этого автора с видными сановниками из окружения Августа, то данный экскурс в область стратегического планирования позволяет предположить, что римским военным командованием был разработан план высадки в Британии и оккупации острова.

Нет веских оснований не доверять Диону Кассию, который утверждает, что уже в 27 г. до н. э. Август собирался предпринять экспедицию в Британию, но был надолго задержан делами в Галлии; тогда же он вел с британцами какие-то переговоры, о содержании которых наш источник ничего не сообщает. На следующий, 26 год до н. э., император будто бы вновь собрался в Британию, но ему опять

¹ См.: *Ramage E.* S. Augustus' Treatment of Julius Caesar // *Historia.* 1985. Bd. 34. H. 2. P. 223-245.

² *Syme R.* The Spanish War... P. 294; *Idem.* The Roman Revolution. P. 331 f.

³ *Berve H.* Kaiser Augustus. S. 432.

помешали обстоятельства: мятеж племени салассов в Альпах и военные действия против кантабров и астуриев в Испании (Dio Cass. LIII. 22. 5; 25. 2).

Намерение Августа воевать против британцев Дион Кассий объясняет тем, что «они не пожелали покориться». Иначе говоря, император предпринимал дипломатические усилия с целью добиться, чтобы британские племена признали свою зависимость от Рима, но желаемых результатов эти усилия не принесли. Как бы там ни было, Августу пришлось ограничиться, так сказать, бряцанием оружием: римские войска, против ожиданий, надолго застряли в Испанской войне, а незначительными силами высадку на острове предпринимать явно не стоило — такое предприятие было заведомо обречено на неудачу.¹

Хорошо известно, что за все свое продолжительное правление Август больше не предпринимал никаких попыток завоевать Британию.² Тем более странным показалось сообщение сирийского теолога начала V в. Апония, содержащееся в комментарии к библейской «Песни песней» (рукопись была обнаружена только в прошлом веке): «Как рассказывает Ливий, Цезарь Август, вернувшись с острова Британния, объявил во время зрелищ римскому народу, что весь обитаемый мир либо путем войны, либо договорами дружбы... подчинен власти римлян».³

¹ В 55 г. до н. э. Цезарь с двумя легионами фактически потерпел там фиаско (Caes. BG. IV. 22-36. Ср.: Liv. Ep. 105). Даже вторая экспедиция, располагавшая гораздо более крупными силами (пять легионов, 2 тыс. кавалеристов), имела лишь эфемерный успех, причем римлянам пришлось убедиться в том, что британцы были серьезным противником (Caes. BG. V. 8. 2; IV. 24, 26, 33; V. 15.5; 16).

² Suet. Claud. 17. 1; Tac. Agric. 13. 2.

³ Aponius. In Canticum Canticozum explanationis libri XII. Edd. Bottino H., Martini J. Roma, 1843. P. 237.

На эту находку сразу же откликнулся немецкий исследователь Ф. В. Шнайдевин, который заключил, что цитата аутентична, взята она из утраченной позднее 135 книги сочинения Тита Ливия, и смысл ее следует видеть в том, что Август, объявив в 27 г. до н. э. о своем отправлении в Британию, должен был обязательно отметить и возвращение оттуда, хотя его нога никогда не ступала на землю острова.¹

Некоторое время спустя после опубликования трактата Апония английский исследователь У. Г. Блэк ввел в научный оборот интересное свидетельство из комментариев Сервия к «Георгикам» Вергилия и сделал вывод о том, что экспедиция Августа в Британию действительно имела место, а захваченные в ее ходе трофеи, в том числе живые, были доставлены в Рим.²

На первый взгляд, с этим выводом трудно спорить. У Вергилия речь идет о римском театре, в котором «вытканные британцы поднимают пурпурный занавес» (purpurea intexti tollant aulaea Britanni) (Verg. Georg. III. 25). Античный комментатор поясняет эту загадочную фразу: «К этому рассказывают следующую историю. После того как Август победил Британию, он подарил многих приведенных пленных для театральных зрелищ. Он же подарил занавес, то есть завесу, на которой изобразил как свои победы, так и подаренных им британцев, что точно так же двигали занавес, который действительно приучены были двигать; таким образом, удивительное выражено двусмысленным выраже-

¹ Schneidewin F. W. Cäsar Augustus und Britannien // VVDPh. 1844. Bd. VI. S. 40-47.

² Black W. H. Observations on the hitherto unnoticed expedition of the Emperor Augustus into Britain // Archaeologia. 1873. Vol. 44. P. 65-92.

нием "вытканые поднимают", то есть на занавесе изображены те же, кто двигает этот самый занавес».¹

За прошедшие со времени открытия рукописи Апония полтора века вопрос о достоверности «сенсационной» информации об экспедиции Августа в Британию поднимался неоднократно. Из современных историков американский исследователь Т. Э. Моммзен отвечает на него в общем положительно, считая, что и сообщение Апония, и комментарий Сервия восходят к утраченной 135 книге Тита Ливия.²

Г. Д. Мейер, напротив, указывает, что самые остроумные толкования текста Сервия разбиваются, столкнувшись с неоспоримым фактом: Август никогда не был в Британии и поэтому не мог доставить оттуда никаких пленников. Поэтому текст Сервия не имеет исторической ценности — он не понял комментируемого им пассажа Вергилия и принял изображенных на занавесе британцев за реальных театральных служителей.³

В. Шмитхеннер, тоже занимавшийся этим сюжетом, считает скептицизм Г. Д. Мейера чрезмерным, полагая, со своей стороны, что тексты как Апония, так и Сервия восходят к ливианской традиции, хотя последний использовал информацию Тита Ливия достаточно произвольно.⁴

Существует, однако, обстоятельство, на которое почему-то не обратили внимания: «Георгики», где упомянут этот театральный занавес, создавались Вергилием в течение

¹ Servii in Vergilii Carmina Commentarii. Edd. Thilo G., Hagen H. Lipsiae, 1887. Vol. III. LP. 276.

² Mommsen Th. E. Augustus and Britain: A Fragment from Livy? // AJPh. 1954. Vol. 75. 2. P. 180 I.

³ Meyer H. D. Ein Liviusfragment bei Aponius // Historia. 1961. Bd. 10. H. LS. 110-116.

⁴ Schmitthenner W. Op. cit. S. 70 f.

ние последних семи лет гражданских войн (Suet. Vita Verg. 25), когда ни о каких британских трофеях Октавиана не могло быть и речи. Поэтому, вероятно, имеет смысл вспомнить хорошо забытое старое — мнение французских комментаторов Вергилия, высказанное еще в начале прошлого века, — и согласиться с ними в том, что упомянутые поэтом британцы, будь они изображенными на занавесе или «натуральными», должны связываться только с британской экспедицией Юлия Цезаря.¹ Кстати, сам Цезарь отмечает, что в результате боевых действий на острове в 54 г. до н. э. он «имел огромное количество пленных» (*Caes. BG. V.23. 2*).

Что же касается сообщения Апония, в котором имеется прямая ссылка на Тита Ливия (*sicut Livius narrât*), то оно, безусловно, отражает реальное событие, а именно: по возвращении с Испанской войны, в 25 г. до н. э., Август объявил римлянам, что, кроме Кантабрии и Астурии, им покорена Британия и тем самым завершено подчинение всего мира власти римского народа.

Единственным доказательством подчинения Британии, которое император, признанный мастер политической интриги и дезинформации, мог представить римлянам, было прибытие к нему на континент двух британских вождей (*RgdA. 32. 1*), хотя оба они, по словам самого же Августа, «умоляли о защите» (*supplices confugerunt*), т. е. являлись не более чем политическими эмигрантами.² Но подыскивать более весомые доводы у Августа не было ни

¹ Oeuvres de Virgile. Trad. par Binet R. P., 1804. T. I. P. 317; Les Géorgiques de Virgile. Trad. par Delille J. P., 1819. P. 220 suiv.

² См.: Mommsen Th. E. Op. cit. P. 182. Интересно, что много позже на столь же шатком основании о покорении Британии заявил Калигула (*Suet. Calig. 44. 2*).

времени, ни возможности. Ему было остро необходимо немедленно продемонстрировать свои грандиозные внешне-политические достижения, так как внутривосточная ситуация складывалась для него не лучшим образом. Именно поэтому он применил, по выражению В. Шмитхеннера, «почти отчаянные средства», чтобы доказать, будто весь мир признал его власть.¹

3. Египет, Аравия, Эфиопия...

Еще находясь в Тарраконе, Август, несмотря на болезнь,² постоянно держал руку на пульсе огромной державы, не допуская развития событий в опасную для него сторону. Выразительное свидетельство этому — трагическая участь Корнелия Галла, первого префекта Египта и личного друга Августа.

Самая полная информация о падении Корнелия Галла содержится у Диона Кассия: «Корнелий Галл преисполнился гордыни из-за оказанной ему чести. Так, он позволил себе много непочтительных отзывов об Августе, а также множество других предосудительных действий, ибо он, как говорят, не только понаставил собственных статуй по всему Египту, но и написал на пирамидах перечень своих деяний.³ За это он был обвинен Валерием Ларгом, своим дру-

¹ Schmitthenner W. Op. cit. S. 70.

² В Риме прошли слухи о его смерти (*Hor. Od. III. 14. 1-4*), оказавшиеся, как всегда, сильно преувеличенными.

³ Возможно, известная трехязычная надпись от 19 апреля 29 г. до н. э. с нильского острова Филе на юге Египта (ILS. 8995) является копией этого текста. О подавлении Галлом восстаний в Египте, что он ставит себе в особую заслугу, см. также: *Strab. XVII. 1. 53.*

гом и любимцем, и с позором снят Августом, запретившим ему появляться в императорских провинциях.

После этого случилось так, что на него нападали многие другие, выдвинувшие многочисленные обвинения. Сенат единогласно постановил, что он должен быть признан виновным, изгнан и лишен имущества, которое следовало передать Августу, сам же сенат должен совершить торжественное жертвоприношение (примечательно, что в данном случае сенат выступает в роли высшей судебной инстанции; ближайший по времени прецедент — процесс Сальвидиена Руфа в 40 г. до н. э. — *В. П.*).

Придя от всего этого в отчаяние, Галл покончил с собой еще до приведения в действие этого постановления...

Прокулей,¹ однако, выражал Ларгу такое презрение, что однажды, встретив его, зажал себе рукой нос и рот, показывая тем самым окружающим, что небезопасно даже дышать в присутствии этого человека.

Другой человек, хотя и незнакомый с Ларгом, пришел со свидетелями и спросил, знает ли тот его; затем, когда тот ответил, что не знает, записал его ответ в табличку, словно для того, чтобы потом мошенник не стал шантажировать даже человека, которого прежде не знал.²

¹ Гай Прокулей пользовался славой самого порядочного человека в окружении Августа. В свое время умиривший Антоний советовал Клеопатре, чтобы она «из друзей Цезаря (Октавиана) больше всего доверяла Прокулею» (*Plut. Ant. 77. 7*).

² *Dio Cass. LIII. 23. 5 — 24. 3.* Дион Кассий относит падение Корнелия Галла к 26 г. до н. э. Существует, однако, мнение, что он был заменен новым префектом, Элием Галлом, не позже 27 г. или даже раньше (*Jameson Sh. Chronology of the Campaigns of Aelius Gallus and C. Petronius // JRS. 1968. Vol. 58. P. 78 f.*). Но если Дион точно передает, что Август запретил Галлу появляться в императорских провинциях, тогда *terminus post quem* — январь 27 г.

В свое время этим сюжетом заинтересовался Г. Ферреро, смелыми мазками набросавший яркую картину политического скандала, в результате которого Август был вынужден отдать в жертву разоренной гражданскими войнами, обозленной аристократии своего соратника по «революционным грабёжам». ¹ Однако насколько точна эта картина? Итальянский историк почему-то полагает, что первый префект Египта был обвинен главным образом в лихоимстве, однако как приведенный выше текст Диона Кассия, так и лаконичная информация, содержащаяся у других авторов, не оставляют сомнений в том, что «дело Корнелия Галла» было чисто политическим. ²

Нельзя забывать, что Галл был не просто управляющим огромным императорским поместьем: Египет занимал настолько выгодное географическое положение и стал играть такую роль в снабжении Италии хлебом, ³ что контролиро-

¹ Ферреро Г. Указ. соч. С. 47 сл. Версию Ферреро принимают Н. А. Машкин и В. Шмитхеннер: Машкин Н. А. Указ. соч. С. 491; Schmitthener W. Op. cit. S. 41.

² Туманная фраза Светония о том, что Август запретил Галлу доступ к себе в дом и в свои провинции «из-за неблагодарного и враждебного отношения» к патрону (*Suet.* Aug. 66. 2), не проясняет сути дела. По словам того же автора, «среди тягчайших обвинений», предъявленных Августом Галлу, фигурировало одно прелюбопытное: что Галл принял в свой дом Эпирота, учителя дочери Аттика Помпонии, и был с ним в большой дружбе, зная, что Эпирот был заподозрен в связи со своей ученицей (вышедшей позднее замуж за Агриппу) (*Suet.* De gram. 16. 1). Почему это шекотливое дело, не имевшее прямого отношения к Августу, вдруг было инкриминировано Галлу, непонятно; может быть, потому, что трудно было найти более серьезные обвинения, а ведь Галл, если верить Сервию, подозревался в подготовке заговора против императора (*Serv.* In Verg. Eel. X).

³ См.: Tac. Ann. II. 59. 3; Ps.-Vict. Epit. de Caes. 1. 6.

вать эту страну мог лишь человек, которому принцепс доверял абсолютно.

Галл, бесспорно, имел крупные заслуги перед наследником Цезаря, но он не сумел вовремя понять, что время, когда Октавиан зависел от таких людей, как первый префект Египта, безвозвратно ушло и прежние вольности стали непозволительны. С устранением Галла заставляло поспешиться еще одно существенное обстоятельство: в кампании 30 г. до н. э., завершившейся взятием Александрии, Галл показал себя первоклассным полководцем, а в Египте под его командованием находились 3 легиона, 9 когорт и 3 алы вспомогательных войск. ¹ В столь ответственном случае любое проявление нелояльности должно было незамедлительно пресекаться.

Поспешное смещение Корнелия Галла можно объяснить еще одним важным обстоятельством: расквартированным в Египте войскам отводилась особая роль в новых внешнеполитических предприятиях Августа. Новый префект Египта, Элий Галл, прибыл с недвусмысленными инструкциями императора, которые предписывали египетскому наместнику предпринять завоевание Аравии и Эфиопии — тех стран, которые, по слухам, обладали сказочными бо-

¹ Strab. XVII. 1. 12. Наличие столь мощной войсковой группировки в Египте, для которого, по словам Страбона (XVII. 1.53), хватило бы и трех когорт, объяснялось тем, что было необходимо держать под боком у парфян сильную армию, не доверяя ее в то же время одному лицу — наместнику Сирии (*Sherwin-White A. N.* Roman foreign policy in the East 168 B. C. to A. D. 1. L., 1984. P. 339 f. Cf.: Grant M. The Army of the Caesars. L., 1974. P. 43; Speidel M. P. Augustus' Deployment of the Legions in Egypt // ChrE. 1982. Vol. 57. Fasc. 113. P. 121 f.; Syme R. Some notes... P. 24).

гатствами (*Strab.* XVI. 4. 22). Скорее всего, эти инструкции носили самый общий характер: Август, при всей своей заинтересованности в «имперской экспансии», слабо представлял себе, чего именно он желает добиться в этих регионах.¹

Экспедиция в Аравию началась, вероятно, весной или летом 26 г. до н. э.² Так как ослаблять сирийскую армию Рима, непосредственно противостоявшую парфянам, было невозможно, то войска для аравийского похода были взяты из римского гарнизона Египта: на 130 транспортных судов было посажено 10 тыс. пехоты; кроме того, 500 человек прислал Ирод Иудейский, а 1000 арабов-набатеев сопровождала своего правителя Силлея, бывшего проводником экспедиции.³

Примечательной чертой этого похода, который имел целью покорение Сабейского царства на юго-западе Аравийского полуострова (*Arabia Felix* римских авторов), было практическое отсутствие сопротивления местного населе-

¹ *Bowersock G. W. Roman Arabia. Cambr. (Mass.); L., 1983. P. 45 f.*

² *Jameson Sh. Op. cit. P. 77.* В работе К. Марека доказывается, что поход Элия Галла относится к 25 г. до н. э. и что он был тесно связан с восточной политикой Рима, а именно с мятежом Тиридата, претендента на парфянский трон. Римляне, по мнению исследователя, решили поддержать своего ставленника ударом по аравийским вассалам Аршакидов, так как полагали, что «Счастливая Аравия» находилась недалеко от центральных областей Парфянского царства. Неудача похода объясняется тем, что ни римское командование, ни его информаторы не представляли себе истинных размеров и природы Аравийского полуострова (*Marek Chr. Die Expedition des Aelius Gallus nach Arabien im Jahre 25 v. Chr. // Chiron. 1993. Bd. 23. S. 121-156, bes 147 f.*).

³ *Strab.* XVI. 4. 23; XVII. 1. 53-54; *Jos. Antt.* XV. 317.

ния на большей части пути. Тем не менее, почти достигнув цели, Галл неожиданно повернул назад; по мнению Ш. Джеймсона, это можно объяснить лишь тем, что префект Египта был снят с должности и отозван.¹

Подобное мнение явно не соответствует действительности: сместить наместника Египта мог только сам принцепс, который находился тогда в Испании, а пойти на такой шаг, не имея возможности следить за ходом экспедиции, Август никогда не решился бы. Истинную причину отступления римлян установить нетрудно — ею была первая же военная неудача (*Strab.* XVI. 4. 24). Если учесть, что на пути в «Счастливую Аравию», продолжавшемся шесть месяцев, от голода, жажды и болезней погибла, по словам Диона Кассия, большая часть экспедиционного корпуса,² то решение бездарного командующего повернуть назад при первом серьезном сопротивлении арабов не может вызвать удивления. Постыдный провал аравийского предприятия был списан на союзника и проводника римлян Силлея, который был обвинен в предательстве, отправлен в Рим и казнен там (*Strab. Loc. cit.*).

Преемнику Элия Галла на посту префекта Египта, Гаю Петронию, пришлось воевать против эфиопов.³ Авторы, описывающие эту кампанию, представляют агрессором эфиопов, которые, мол, воспользовались тем, что часть римского гарнизона Египта отбыла в аравийскую экспедицию. Однако похоже, что дело обстояло не так просто: уже

¹ *Jameson Sh. Op. cit. P. 76.*

² *Dio Cass. LIII. 29. 4.* Нельзя не согласиться с тем, что от начала до конца аравийская экспедиция была организована и руководилась из рук вон плохо (*Jameson Sh. Op. cit. P. 76*)

³ *Strab.* XVII. 1. 54; *Dio Cass. LIV. 5. 4-6.*

из упоминавшейся выше надписи Корнелия Галла ясно, что он бесцеремонно вмешался в дела Эфиопии, сделав римского ставленника правителем одной из областей этой страны. Возможно, римское вмешательство было связано с династическими раздорами в Эфиопии: Галл указывает, что он «дал аудиенцию послам царя эфиопов и принял этого царя под свое покровительство», тогда как во время кампании Петрония эфиопами управляла уже царица Кандака.

Не вполне ясный пассаж Страбона позволяет предположить, что набег эфиопов был каким-то образом спровоцирован римлянами. Во всяком случае, можно с уверенностью утверждать, что поход против эфиопов состоялся бы и без их нападения на Египет. Ни о какой самостоятельности префекта Египта в этом отношении речи быть не может: кроме упоминавшегося сообщения Страбона о том, что Август дал Элию Галлу специальное поручение «исследовать» не только Аравию, но и Эфиопию (XVI. 780), на это прямо указывает сам Август (RgdA. 26. 5), подчеркнувший, что оба похода были предприняты по его инициативе (*meo iussu et auspicio*).

После вторжения Петрония в Эфиопию, взятия и уничтожения царской столицы Напаты в эфиопской крепости Премнисе был оставлен римский гарнизон в 400 чел. с запасом продовольствия на два года. Эфиопы после ухода главных сил римлян предприняли попытку контрнаступления и осадили Премнис, но Петроний вовремя подоспел на выручку гарнизону.

Когда римлянам удалось деблокировать крепость, эфиопы предложили мирные переговоры, и Петроний отправил их послов к Августу на Самос. Приняв эфиопское посольство, император проявил необъяснимое на первый взгляд великодушие, удовлетворив все просьбы послов и

освободив эфиопов от уплаты наложенной на них римлянами дани.

Чтобы выяснить, почему Август, начав территориальную экспансию в Африке, внезапно отказался от нее, следует обратить внимание на хронологию этих событий. По словам самого принцепса, экспедиции в Аравию и Эфиопию состоялись «примерно в одно и то же время» (*eodemque fere tempore*) (RgdA. 26.5). Уточняя эту расплывчатую формулировку, Ш. Джеймсон приходит к выводу, что вторжение эфиопов в Египет имело место осенью 25 г., первый поход Петрония в Эфиопию — в конце весны - начале лета 24 г., а вторая кампания, вероятно, завершилась в 22 г. до н. э.²

В 25-24 гг. до н. э. положение Августа было довольно деликатным: несмотря на пропагандистскую шумиху по поводу завоевания Кантабрии и Астурии (далеко не окончательного), «покорения» Британии и с ней всей западной половины обитаемого мира, в Риме было достаточно людей, скептически настроенных в отношении мнимого всемогущества принцепса. В эти годы оправдать свою единоличную власть Август мог прежде всего осуществлением обширной программы внешних завоеваний, чем и объясняется буквально лихорадочная военная активность Рима от Атлантики и Рейна до Аравии и Эфиопии.

Внутриполитический кризис в Риме назрел к 23 г. до н. э., на который приходится такие события, как судебный про-

¹ Это упоминание Страбона о податях (*φόρος*) Ш. Джеймсон справедливо трактует в том духе, что в период между первой и второй эфиопскими кампаниями Петрония жители этой страны считались подданными Римской империи, пока Август по каким-то причинам не отказался от завоеванной территории (*Jameson Sh. Op. cit. P. 81*).

² *Jameson Sh. Op. cit. P. 81 f.*

цесс Прима, заговор Цепиона и Мурены, смерть Марцелла, племянника Августа, тяжелая болезнь самого принцепса, наконец, предоставление ему пожизненной трибунской власти и проконсульского империя над всеми провинциями.

Август, с его политическим чутьем и многолетним опытом, должен был предвидеть момент кульминации кризиса и с наступлением таковой бросить на чашу весов как можно более весомые доказательства своей деятельности на благо Рима: новые территориальные приобретения. Когда кризис миновал, целесообразность удержания Эфиопии оказалась сомнительной: эфиопское войско, как ясно видно из слов Страбона, подготовилось к реваншу, цена римского контроля над столь отдаленной территорией становилась чрезмерной, а особых богатств для римской казны эта страна не доставила. Поэтому Август, уже затеявший к тому времени новую (и грандиозную) внешнеполитическую комбинацию с Парфией в качестве главного объекта, с легким сердцем решил пожертвовать завоеванной в Эфиопии территорией в обмен на мир и стабильность на южной границе Египта.

4. Кризис 23 г. до н. э.

Основная причина разразившегося в 23 г. политического кризиса заключалась в том, что компромисс 27 г. до н. э. был паллиативом, который не мог надолго устроить ни принцепса, ни постепенно приходившую в себя после времени «большого террора» старую аристократию. Как уже упоминалось, формально Август располагал властью лишь над императорскими провинциями, которые он к тому же обещал возвращать «сенату и народу» по мере умиротворения, общегосударственные же его полномочия основывались лишь на консулате, повторавшемся из года

в год. Иначе говоря, легальное положение Августа после 27 г. было достаточно неустойчивым, и у его недоброжелателей вполне мог возникнуть соблазн вытеснить его с занятых в результате гражданских войн позиций.

Август вернулся в Рим из Испании в 24 г. до н. э., после трехлетнего отсутствия. Хотя он постарался окружить себя ореолом победителя Запада, а Петроний весьма кстати прислал с Востока экзотический подарок — тысячу темнокожих пленников (*Strab.* XVII. 1. 54 (821)), положение принцепса продолжало оставаться достаточно шатким, и любой его неверный шаг был чреват грозными последствиями.

Когда принцепс заболел настолько опасно, что уже готовился оставить земные дела в полном порядке, он передал наиболее важные официальные документы своему коллеге по консулату Кальпурнию Пизону, и лишь перстень с личной печатью — Агриппе (*Dio Cass.* LIII. 30. 2). Этот предпринятый при драматических обстоятельствах шаг должен был продемонстрировать лояльность Августа в отношении республиканских устоев и отсутствие у него монархических поползновений. Как видно, самообладание и расчетливость не изменили императору даже на краю могилы.

В том же году состоялся судебный процесс бывшего наместника Македонии Марка Прима, известный только со слов Диона Кассия (LIII. 3. 2-3). Прим был отдан под суд за превышение полномочий — несанкционированный поход на фракийцев-одрисов. Обвинение было беспрецедентным, и самим фактом военных действий его не объяснить: тот же Красс всего за пять лет до Прима располагал полной свободой в этом отношении.

Представляется очевидным, что дело было не в личности Прима, человека малоизвестного (τις), инициаторы процесса явно метили не в злосчастного экс-наместника,

а много выше — в самого Августа. Македония как провинция «сената и народа» и расположенные там вооруженные силы формально были независимы от Августа, так что последний (опять-таки формально) не имел права вмешиваться в чужую сферу компетенции.

Щекотливость положения заключалась в том, что обвиняемый заявлял в свое оправдание, будто поход на одрисов был предпринят им с одобрения Августа или Марцелла (?). Ссылка на юного племянника императора выглядит настолько несерьезно, что приходится предположить, что Дион Кассий не разобрался в своих источниках. Иное дело сам Август, который по собственной инициативе явился на судебное заседание и на вопрос защитника о том, какая причина привела его туда, лаконично ответил: «Государственная необходимость» (τό δημόσιον).

Смысл судебного процесса, очевидно, состоял в том, что оппозиция решила дискредитировать императора, доказав его причастность к противозаконной акции. Но Август ловко выпутался из затруднения, дезавуировав главный довод своих оппонентов — император отрицал, что он дал санкцию Приму на поход против одрисов. Пожертвовав бывшим наместником, принцепс получил возможность продемонстрировать свое уважение к авторитету сената и верность компромиссу 27 г. В таком случае понятно, для чего потребовалось личное присутствие Августа на процессе (ведь обвинительный приговор был предрешен и без этого), — чтобы подсудимый не сказал ничего лишнего (подобную практику давления на ход процесса одним своим присутствием принцепс использовал неоднократно. См.: *Suet. Aug.* 54. 3-4).

Ценой такого рода уступок 1 Август стремился создать условия для решающего прорыва по обеспечению концентрации реальной власти в собственных руках. Традиция сохранила далеко не все детали тактики Августа, но вполне очевидно, что затеянная им комбинация увенчалась блестящим успехом: предоставление ему *imperium proconsular maius* — и пожизненной трибунской власти (*Dio Cass. LIII. 32. 5*) — означало, что устранение его с политической сцены легальным путем стало невозможным. Поэтому вполне логичным выглядит возникновение заговора на его жизнь, возглавленного Цепионом и Муреной.²

Питательной средой, в которой созрел заговор, было, очевидно, недовольство консервативно настроенной знати неожиданным укреплением политической позиции Августа. В определенном отношении 23 г. до н. э. напоминает ситуацию, сложившуюся накануне мартовских ид 44 г.

¹ Сюда же следует отнести ссылку Августа на необходимость того, чтобы сенат утвердил сделанное принцепсом по возвращении с Испанской войны обещание раздать римскому плебсу по 100 денариев, и поспешную передачу из-под императорской юрисдикции «сенату и народу» двух провинций — Кипра и Нарбонской Галлии. Столь же нарочитым выглядит предоставление консулата Луцию Сестию, ревностному приверженцу Брута, свято хранившему память о вожде республиканцев, а также подчеркивание Августом приоритета сената при решении внешнеполитических вопросов (*Dio Cass. LIII. 28. 1; 32.4; 33. 1-2; LIV. 4.1*).

² Об этом заговоре см.: *Hanslik R. Horaz und Varro Murena // RM. 1953. Bd. 96. S. 282 f.; Atkinson K. M. T. Constitutional and Legal Aspects of the Trials of Marcus Primus and Varro Murena // Historia. 1960. Bd. 9. H. 4. S. 440 f.; Stockton D. Primus and Murena // Historia. 1965. Bd. 14. H. 1. S. 18 f.; Bauman R. A. Tiberius and Murena // Historia. 1966. Bd. 15. H. 4. S. 420 f.*

до н. э. Но, в отличие от «божественного Юлия», Август не пренебрегал мерами личной безопасности. Заговор был раскрыт, заговорщики казнены, и с этого времени режим личной власти Августа больше никогда не ставился под сомнение.

ГЛАВА 4

«ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС»: ВОЕННЫЙ АСПЕКТ

Из внешнеполитических проблем, доставшихся Августу в наследство, наиболее сложной была парфянская. Парфия представлялась основным препятствием на пути к мировому господству, к тому же ее завоевание являлось неотъемлемой частью политического наследия Цезаря, так что удачливый завоеватель становился в глазах римлян вровень с исполинской фигурой обожествленного диктатора. С окончанием гражданской войны римское общественное мнение настойчиво требовало взять реванш за поражение Красса.¹ Вопрос о справедливости этой войны даже не возникал, хотя даже с точки зрения античного международного права она была по меньшей мере спорной. Во-первых, в кампании Красса 54-53 гг. до н. э., предпринятой по сугубо эгоистическим соображениям, откровенным агрессором были римляне, а парфяне осуществили свое законное право на оборону. Во-вторых, достаточным отмщением за Красса мог считаться разгром Вентидием Бассом, полководцем Антония, вторгшихся в римские пределы парфян и гибель при этом наследника царского тро-

¹ См.: Meyer H. D. Die Aussenpolitik des Augustus und die augusteische Dichtung. Köln; Graz, 1961. S. 7, 17.

на Пакора.¹ К тому же не следует забывать, что парфянское вторжение было инспирировано римлянами же и являлось запоздалой реакцией на борьбу республиканцев и цезарянцев.² Бесславный парфянский поход Антония в 36 г. до н. э. опять-таки являлся агрессивной акцией, вызванной соперничеством с Октавианом и предпринятой даже без объявления войны: *ne imaginaria quidem belli indictione* (*Flor.* II. 20. 2). Таким образом, доставшийся Октавиану на Востоке груз проблем требовал осмотрительности. Впрочем, наследник Цезаря по самой своей натуре не был расположен к авантюрам. Военной области это касалось в особенности: зная свои более чем скромные способности по этой части, он сформулировал собственное кредо в знаменитом сравнении опрометчивого полководца с рыболовом, удышим рыбу на золотой крючок (*Suet.* Aug. 25. 4).

Когда после победы над Антонием в руках Октавиана сосредоточилось командование всеми вооруженными силами Рима, казалось, не было ничего проще, чем обрушить всю эту вооруженную громаду на Парфию, решив все проблемы одним молниеносным ударом. Но такое представление совершенно неадекватно той обстановке, которая сло-

¹ «Так гибелью Пакора мы отплатили за поражение Красса» (*sic Crassianam cladem Pacori caede pensavimus.* — *Flor.* II. 19. 6).

² Брут и Кассий направили к парфянскому царю посольство с просьбой о военной помощи. Дело это решалось по-восточному неторопливо, пока разгром при Филиппах не превратил послов в политических эмигрантов, а главу посольства Кв. Лабиена — в парфянского военачальника, который вместе с Пакором руководил силами вторжения. Лабиен, сын знаменитого легата Цезаря, даже чеканил монету со своим портретом и легендой Q. LABIENUS PARTHICUS IMP. (*Cohen H.* Description historique des monnaies frappées sous l'Empire Romain... Graz, 1955. T. I. P. 30. № 1-2).

жилась после победы при Акции и падения Александрии. Как уже отмечалось, массовая демобилизация началась сразу же по завершении Актийской кампании. Это показывает, что Октавиан не планировал немедленно начать крупные завоевательные войны. Понять его несложно: во время гражданских войн противоборствовавшие стороны выставляли вооруженные силы с максимальным напряжением всех усилий, предельно истощая людские и материальные ресурсы подвластных им территорий. Не говоря уже о том, что качество набранных таким образом войск оставляло желать лучшего, подобное положение дел не могло продолжаться бесконечно из-за опасности экономического краха и его неизбежного следствия — социального взрыва. А парфянский поход, необходимость которого была по меньшей мере проблематичной, требовал, как показал опыт Красса и Антония, долгой и тщательной подготовки.

Парфия, со своей стороны, не проявляла заинтересованности в агрессивных действиях, да и не была к ним тогда способна из-за династических раздоров и обострения сепаратистских тенденций внутри царства Аршакидов. Рим, судя по уверенным действиям Октавиана на Востоке, был об этом неплохо осведомлен. Как раз во время Актийской кампании в Парфии против царя Фраата восстал некий Тиридат, так что Фраат должен был бежать к среднеазиатским кочевым племенам (Юстин называет их скифами) и лишь при их поддержке был восстановлен на престоле (*Iustin.* XLII. 5. 5-6).

Во время междуусобной борьбы обе стороны обращались за помощью к Октавиану, но тот предпочел тянуть с ответом, выжидая, кто одержит верх. Позднее он, извиняясь за нарушение дипломатического этикета, ссылаясь на занятость египетскими делами. В действительности же, за-

мечает Дион Кассий, он рассчитывал на то, что соперники максимально ослабят друг друга (LI. 18. 2).

Победа Фраата должна была побудить нового повелителя Рима определить свою позицию, но Октавиан и здесь оказался верен себе. Приняв бежавшего к римлянам Тиридата, он позволил ему жить в Сирии и назначил богатое содержание. С другой стороны, посольству Фраата, прибывшему с требованием выдачи беглого претендента и прихваченного им с собой сына Фраата, был оказан дружественный прием. Тиридата Октавиан, правда, не выдал, но заверил послов, что не предоставит ему вооруженной поддержки. В качестве «жеста доброй воли» царский сын был возвращен парфянам без выкупа.¹ Та же политическая линия прослеживается в предоставлении римлянами убежища еще одному изгнаннику — индийскому царю, бывшему союзнику Антония, и возвращении ему его дочери Иотапы, некогда обрученной с сыном Антония от Клеопатры (*Dio Cass.* LI. 16. 2). Все это показывало, что в восточной политике приоритет на ближайшие годы отдан дипломатическим методам и крупная военная акция не предусмотрена. Но отказ от немедленной военной интервенции вовсе не означал, что Парфия в качестве объекта стратегического планирования выпала из поля зрения Августа.

В этой связи обращает на себя внимание установление прямых контактов Рима с Индией, начало которых, судя по намеку Вергилия (*Georg.* II. 171-172), относится ко времени после победы над Антонием. Правда, сведений о римских посольствах в Индию не сохранилось вообще,² но это

¹ *Dio Cass.* LI. 18. 3; *Iustin.* XLII. 5. 6-9. Дион Кассий допускает явный анахронизм, отправляя царского сына в Рим в качестве заложника.

² См.: *Бонгард-Левин Г. М., Ильин Г. Ф.* Индия в древности. М., 1985. С. 593.

еще не основание отрицать их наличие. С другой стороны, хотя античные источники информируют всего о двух индийских посольствах к Августу (принятых им в 25 г. до н. э. в Тарраконе и в 20 г. до н. э. на Самосе), сам император упомянул о том, что такие посольства были частыми (*RgdA.* 31.1), что явно предполагает достаточно высокий уровень дипломатических отношений. Несомненно, с этим связано многократное возрастание торгового оборота — Страбон (XVII. 1.13) сообщает, что в морское плавание из Египта в Индию ежегодно снаряжались целые флоты по сравнению с какими-нибудь двумя десятками судов при Птолемах.

Однако Августа интересовали не только проблемы торговли: об этом свидетельствует информация об индийском посольстве 20 г. до н. э. Со слов Николая Дамасского, который встретился с послами в Антиохии и ознакомился с личным посланием индийского царя Августу (письмо было написано на пергаменте по-гречески), Страбон передает, что индийский контрагент Августа предоставлял римлянам право свободного прохода через свою страну и обещал всестороннее содействие (XV. 1. 73). Из контекста ясно, что речь шла в первую очередь о военном сотрудничестве. Дион Кассий (LIV. 9. 8) подтверждает, что в 20 г. до н. э. на Самосе был заключен по всем правилам союзный договор между Августом и правителем одного из индийских государств. Думается, антипарфянская направленность этого договора очевидна. Есть основания полагать, что формальный римско-индийский союз являлся составной частью широкомасштабного дипломатического наступления, предпринятого Августом на исходе 20-х гг. до н. э., в результате которого парфяне возвратили трофейные римские знамена и пленных.

Поэзия, монументальная пропаганда, колоссального объема монетная эмиссия¹ — все это было призвано прочно запечатлеть успех Августа в умах всех обитателей Римской мировой державы. Для сравнения заметим, что подобное же достижение Антония, который в 34 г. до н. э. добился возврата индийским царем римских знамен и пленных, утраченных в кампании 36 г., известно только благодаря Диону Кассию (XLIX. 44. 2). Чтобы понять, почему Август придавал такое значение соглашению 20 г. до н. э. между Римом и Парфией,² придется обратиться к обстоятельствам его заключения.

Дион Кассий (LIV. 8. 1) и Юстин (XLII. 5. 10) утверждают, что парфянский царь уступил требованиям римлян, испугавшись войны из-за невыполнения им некоторых прежних обязательств, о которых мы, правда, ничего не знаем. Реальной ли была эта угроза? Надо признать, что Август блестяще разыграл эту комбинацию, создав полную иллюзию серьезной подготовки к вторжению. В Сирию, в дополнение к развернутым в этой провинции легионам, прибыла с Запада новая армия под командованием Тиберия, пасынка императора.³

¹ *Mattingly H.* Nrs. 56-59, 332, 410-423, 427-429, 679-681, 703.

² Не вполне ясно, был ли тогда заключен формальный мирный договор. См.: *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 324. № 3.

³ *Vell.* II. 94. 4; *Suet.* Tib. 14. 3; *Dio Cass.* LIV. 9. 6. Светоний и Дион Кассий упоминают о том, что когда Тиберий, ведя войско через Македонию, посетил поле битвы при Филиппах (может быть, чтобы отдать дань памяти похороненного там своего деда Ливия Друза, который сражался на стороне республиканцев и покончил с собой после их разгрома, — *Vell.* II. 71. 2), то на алтарях, воздвигнутых Антонием в честь победы (примечательно, что у Светония вместо Антония фигурируют безликие «победоносные легионы»), сам собою вспыхнул огонь — предзнаменование великого будущего для молодого вождя.

Существует соблазнительная гипотеза, согласно которой экспедиция Тиберия в Армению для утверждения там на престоле римского ставленника Тиграна предшествовала соглашению с Парфией и таким образом создавала угрозу комбинированного наступления римских войск из Армении и Сирии. А. Н. Шервин-Уайт отвергает такую возможность на том основании, что Тиберий лично принял от парфян знамена и пленных и, следовательно, его армянская экспедиция имела место после этого события.¹ В подтверждение мнения английского исследователя можно сослаться на Диона Кассия (LIV. 8. 1; 9. 4-5), излагающего события именно в такой последовательности. Однако большинство авторов сообщает, что восстановление римского протектората над Арменией предшествовало урегулированию отношений с Парфией.² Если это соответствует действительности (а веских оснований для сомнений нет), то надо признать, что у парфянского царя были основания для тревоги, более того, для него ситуация должна была выглядеть достаточно зловеще: Рим свернул свою военную активность на Западе, армия во главе с Тиберием перебрасывается на Восток и оккупирует Армению, угрожая вторжением в самое сердце державы Аршакидов. К сирийским легионам прибывает сам Август. Наконец, Рим заключает союз с одним из индийских государств, создавая для Парфии угрозу еще и с востока.

И, учитывая довольно шаткое положение Фраата на престоле, не приходится удивляться, что он пошел на уступки, которые, во всяком случае, не задевали жизненно важных интересов Парфии. Мог быть доволен и Август, которому было важно убедить общественное мнение в том,

¹ *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 323.

² *Strab.* XVII. 1. 54; *Vell.* II. 94. 4; *Suet.* Aug. 21. 3; *Tib.* 9. 1.

что условия соглашения продиктованы Римом «с позиции силы».

Самое интересное заключается в том, что вся проведенная Августом операция фактически являлась грандиозным военно-дипломатическим шантажом — большой войны властелин Рима опасался не меньше, если не больше, чем парфянский царь. Косвенное, но, думается, веское свидетельство этого — отсутствие в тот момент на Востоке Агриппы, «организатора победы» Октавиана в гражданской войне, лучшего полководца Империи и фактического руководителя армии. Ясно, что приоритет отдавался дипломатическим методам, не исключавшим, конечно, силового давления, но только до определенного предела.

Обстоятельный анализ причин отказа Августа от решения парфянской проблемы военным путем содержится в исследовании Шервин-Уайта,¹ доводы которого трудно оспаривать, в особенности главный: «Основной причиной отказа Августа было нежелание подвергнуться возможности военного поражения, которое могло вызвать крушение его режима».² И действительно, риск такого поражения был налицо — существовавшие структура и тактика римской армии уже продемонстрировали свою неэффективность против парфянской панцирной кавалерии и конных лучников и, как заметил Э. Габба, требовали коренной реорганизации, чтобы были шансы на успех войны на Востоке.³ Однако, как отмечал еще Эд. Мейер, такая реорганизация потребовала бы отказа Августа от коренных принципов его внутренней политики и полного напряжения

¹ *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 328-333.

² Ibid. P. 333.

³ *Gabba E.* Per la storia dell' esercito romano in età imperiale. Bologna, 1974. P. 47.

всех сил Рима, на что первый принцепс пойти не мог.¹ Кроме того, даже в случае полной удачи восточный поход, как показал пример Александра, требовал углубиться в просторы Азии на много лет, что для Августа, в отличие от македонского завоевателя, было совершенно неприемлемо. Доверить столь масштабное предприятие другому лицу император не мог по политическим соображениям — справедливо указал М. А. Леви, что «для Октавиана восточная проблема имела достаточно заметный персональный аспект».² Иными словами, парфянский поход являлся неотъемлемой частью политического наследия Цезаря, монопольное право на которую имел только император, не говоря уже о том, что победитель Востока значительно укрепил бы свой авторитет политического лидера. Предоставить командование человеку, которому Август доверял бы абсолютно (если таковой вообще существовал), было невозможно: пасынки императора Тиберий и тем более Друз были еще слишком молоды и неопытны, Агриппа же, второй человек в государстве, зять (после смерти Марцелла), соправитель и предполагаемый преемник Августа, был правой рукой принцепса³ и не имел возможности оставить государственные дела для похода на Восток.

Заключая оценку соглашения 20 г. до н. э., следует учесть и наличие у Рима и Парфии общих экономических интересов, которые неизбежно пострадали бы в случае

¹ *Meyer Ed.* Kaiser Augustus // Meyer Ed. Kleine Schriften zur Geschichtstheorie und zur wirtschaftlichen und politischen Geschichte des Altertums. Halle, 1910. S. 487.

² *Levi M. A.* Il tempo di Auguste Firenze, 1971. P. 374.

³ По словам Мецената, с которым Август советовался о кандидатуре нового мужа для овдовевшей Юлии, Агриппа достиг такого положения в государстве, что должен был либо стать зятем принцепса, либо умереть (*Dio Cass.* LIV. 6. 5).

войны.¹ Но все же едва ли стоит соглашаться с Г. Берве, подчеркнувшим, что здесь «с очевидностью проявился невоинственный дух нового правительства»² — если судить о воинственности или миролюбии созданного Августом политического режима, то характер отношений с Парфией едва ли может служить в этом главным критерием.

Урегулирование римско-парфянских отношений 20 г. до н. э. позволило Риму сконцентрировать основное внимание на других стратегических направлениях. Однако при всех стараниях Августа убедить римлян в том, что Парфия подчинена римскому влиянию, и поставить мирное соглашение даже выше военной победы,³ идея кровавого реванша (Ж.-М. Андре метко назвал ее *l'obsession parthe*)⁴ продолжала жить в римском общественном мнении. Надежды на победу над Востоком стали возлагаться на тогда еще малолетних Гая и Луция Цезарей:

*sive aliquid pharetris Augustus parcat Eois,
differat in pueros ista trophaea suos.*
(«Только затем и щадит еще Август колчаны
Востока,
Чтобы своим сыновьям эти трофеи отдать».

Propert. IV. 6. 81-82. Пер. Ф. А. Петровского).

Казалось, этот час настал на исходе 1 в. до н. э. Дело в том, что гарантом стабильности римской восточной границы были, во-первых, внушительных размеров вооруженные

¹ See: Heichelheim F. M., Yeo C. A. Op. cit. P. 283.

² Berve H. Kaiser Augustus. S. 430.

³ Meyer H. D. Op. cit. S. 4 f.

⁴ André J.-M. Le siècle d'Auguste. P., 1974. P. 139.

силы, развернутые близ парфянских рубежей,¹ и, во-вторых, римское влияние в «буферных» царствах — обломках великого эллинистического мира. Среди них особую важность имела Армения — даже если не принимать во внимание экономическую роль этой страны, через которую пролегал путь в Иберию, Колхиду и Северное Причерноморье, римское присутствие в ней создавало постоянную угрозу вторжения с севера в Месопотамию и в какой-то степени гарантировало от повторения событий 40-38 гг. до н. э., когда римлянам пришлось отражать парфянское наступление. Поэтому угроза римским интересам в Армении должна была встретить весьма однозначную реакцию. И когда в этой стране, внутривосточная обстановка в которой была крайне нестабильной, к власти пришла антиримская группировка, поддержанная парфянами,² то Август должен был прибегнуть к решительным мерам.

Обстановка требовала присутствия на Востоке лица, облеченного чрезвычайными полномочиями. По словам Диона Кассия, при подборе подходящей кандидатуры принцепс оказался в серьезном затруднении — сам он не решился взяться за это дело из-за преклонного уже возраста, Тиберий находился в изгнании на Родосе, кандидатура любого другого лица, не принадлежавшего к императорскому дому, исключалась по политическим соображениям. Поэтому выбор пал на Гая Цезаря, старшего внука и приемного сына императора, хотя юный «принц крови» имел в

¹ На сравнительно небольшой территории римской провинции Сирии располагались четыре легиона со вспомогательными войсками — целая консульская армия, если вспомнить о временах Республики. В Египте при Августе стояли три легиона, которым оставалось разве что заниматься хозяйственными работами.

² *Vell.* II. 100. 1; *Dio Cass.* LV. 10. 18.

активе лишь опыт непродолжительного командования дунайскими легионами в мирное время (*Dio Cass.* LV. 10.17). Гая срочно женили (для солидности, поясняет Дион Кассий), он был облечен проконсульским империем и назначен, по терминологии Светония, который, очевидно, базировался на официальных источниках, «правителем Востока» — *Orienti praepositus* (*Suet. Tib.* 12. 2). Его отбытие из Рима сопровождалось шумной рекламной кампанией — даже ее уцелевшие фрагменты впечатляют. Такой сугубо мирный поэт, как Овидий, и тот счел необходимым воспеть грядущий парфянский триумф юного вождя (*Ovid. Ars amat.* I. 177-227).

Видимо, к этому же времени относится монетная эмиссия золота, серебра и меди с изображением на реверсе вооруженного Гая Цезаря на коне.¹ С пребыванием юного наследника принципата на Востоке принято связывать также чеканку римского золота и серебра с изображением Гая и Луция Цезарей.² В надписи из афинского театра

¹ *Mattingly H.* Nrs. 498-503. Мэтингли «с уверенностью» относит этот выпуск к 8 г. до н. э. (Р. СХШ, СХVI). Однако представляется более вероятным, что эта эмиссия приурочена ко времени освящения храма Марса Мстителя и отбытия Гая на Восток, т. е. ко 2 г. до н. э. — в таком случае изображение на реверсе этой монеты (слева от Гая) легионного орла и значков должно символизировать помещение в храм Марса тех знамен, что вернули парфяне в 20 г. до н. э. В подкрепление этого тезиса можно сослаться и на то, что в изображении Овидия Гай Цезарь предстает как любимое дитя Марса и Августа (*Bowersock G.* Augustus and the East: The Problem of the Succession // *Caesar Augustus. Seven aspects* / Ed. by Millar F. and Segal E. Oxf., 1984. P. 171).

² *Mattingly H.* Nrs. 514-518 (ауреус), 519-538, 540-543 (денарий). См.: *Машкин Н. А.* Принципат Августа. М.; Л., 1949. С. 524; *Бокщанин А. Г.* Парфия и Рим. М., 1966. Ч. II. С. 166.

Диониса льстивые потомки Фемистокла и Аристиды величают Гая «новым Аресом» (IG. II².3250). Открытая в 1960 г. мессенская надпись, относящаяся уже к действиям Гая Цезаря на Востоке, подчеркивает, что сын Августа «сражается с варварами за спасение всего человечества».¹ Становится очевидным, что столь шумная и масштабная пропагандистская кампания была рассчитана не только (и, может быть, не столько) на римлян: «Вся эта реклама имела целью обеспечить Гая непререкаемым авторитетом на самом Востоке».²

Когда слухи о миссии Гая Цезаря достигли Парфии, ее молодой царь Фраат V (которого принято называть уничтожительным именем Фраатак) отправил к Августу посольство с объяснениями своих действий в отношении Армении. В качестве условия соблюдения мира он потребовал вернуть его братьев, живших в Риме на положении заложников. Август, сочтя поведение нового парфянского царя (который захватил власть, убив своего отца) (*Ios. Ant. Iud.* XVIII. 1. 4) неприемлемым, решил «поставить его на место», намеренно нарушив дипломатический этикет: не говоря уже о достаточно жестком содержании послания, в котором юному отцеубийце предлагалось отказаться от

Прим. 64. Монеты этого типа, выпущенные огромным тиражом, распространились от Закавказья до Индии, причем они были «наиболее распространенным типом монет Августа во всем Закавказье вообще и в Армении в частности» (*Саркисян Г. В.* Монеты с изображением Августа и Армения // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 1. С. 249. Ср.: *Кропоткин В. В.* Клады римских монет на территории СССР. М., 1961. С. 104 сл., 107 сл., 111; *Mattingly H.* P. 85).

¹ *Zetzel J. E. G.* New Light on Gaius Caesar's Eastern Campaign // *GRBS.* 1970. Vol. 11. № 3. P. 259. Lin. 11 f.

² *Bowersock G.* Op. cit. P. 172.

царского титула, а заодно и от притязаний на Армению, оно было адресовано просто «Фраатаку», без какой-либо титулатуры. Тот не остался в долгу и ответил, как замечает Дион Кассий, в чрезвычайно высокомерном тоне (ὑπερφρόνως), именуя себя «царем царей», а Августа — всего лишь «Цезарем» (LV. 10. 20). Отношения между двумя государствами оказались на грани разрыва, и возникла реальная угроза войны, о чем свидетельствует, в частности, связанная, по словам Диона Кассия (LV. 10а. 3), с восточными делами приостановка военной активности Рима в Германии.

Очевидно, Гай Цезарь прибыл на Восток с войсками — в дополнение к развернутым на восточных рубежах Римской империи соединениям.¹ Кроме того, из Египта были переброшены подкрепления под командованием трибуна преторианской когорты (*Dio Cass.* LV. 10а. 1). Таким образом, в Сирии должна была сконцентрироваться мощная войсковая группировка, и римляне дали понять своему контрагенту, что настроены они решительно.² В то же время Август, по словам Диона Кассия, войны с Парфией не желал и боялся такого поворота событий (LV. 10. 21).

¹ *Sherwin-White A. N.* Op. cit. P. 326.

² Уже упоминавшаяся мессенская надпись и пизанский кенотаф Гая доказывают, что во время его консулата (1 г. н. э.) римские войска вели боевые действия за пределами своей территории (*ultra finis extremas populi Romani*), «победив или принудив к покорности самые воинственные и величайшие народы» (ILS. 140. Lin. 10-13). Основываясь на этих данных, Дж. Зетцель приходит к заключению, что «командование Гая на Востоке явно имело большее военное значение, чем мы привыкли считать, и, хотя мы все еще находимся в неведении относительно сущности кампании Гая в 1 г. н. э., больше нельзя игнорировать само ее наличие» (*Zetzel J. E. G.* Op. cit. P. 266).

Поэтому в ход был пущен уже отработанный в 20 г. до н. э. сценарий: кроме бряцания оружием, Август постарался активизировать деятельность проримской «партии» в Армении и тем самым выбить из рук парфян этот козырь.¹

Учтя все эти обстоятельства, Фраатак, положение которого на троне было довольно шатким, счел необходимым пойти на примирение. Личная встреча молодого парфянского царя с наследником римского принцепса описана ее очевидцем Веллеем Патеркулом, который начинал тогда свою военную карьеру и находился в свите Гая (*Vell. II.* 101. 1-3). Эта встреча, сопровождавшаяся взаимной демонстрацией военной мощи, все же проходила в подчеркнуто доверительной атмосфере.² Результатом ее явилось взаимоприемлемое соглашение, вновь снявшее для Рима остроту «восточного вопроса». На этот раз оно было оформлено в виде договора о дружбе и союзе между двумя дер-

¹ *Dio Cass.* LV. 10. 20-21. Существует мнение, что Гай Цезарь совершил две экспедиции в Армению — до и после встречи с Фраатаком (*Бокщанин А. Г.* Указ. соч. С. 166 сл.). Однако эта версия не находит подтверждения в источниках, согласно которым вторжение римлян в Армению произошло после прибытия Гая в Сирию и нового соглашения с парфянами: *Vell. II.* 101. 1-3; 102. 2; *Dio Cass.* LV. 10. 7; 10а. 4-8. См. к этому: *Zetzel J. E. G.* Op. cit. P. 265. Если бы попытка силового решения армянской проблемы была предпринята раньше, т. е. в момент, когда римско-парфянские отношения оказались на грани разрыва, это неминуемо означало бы большую войну, а такой вариант инструкции Августа Гаю Цезарю должны были исключать категорически.

² «Саммит» на Евфрате принято датировать 1 г. н. э. Не исключено, однако, что встреча состоялась на следующий год. См.: *Anderson G. C.* The Eastern Frontier under Augustus // САН. 1934. Vol. 10. P. 275. Note 3; *Zetzel J. E. G.* Op. cit. P. 261.

жавами.¹ Впоследствии этот договор высоко оценивался не только Парфией, но и Римом: когда уже при Тиберии состоялась встреча царя Артабана с Германиком, последний не пожалел высоких слов для восхваления римско-парфянской дружбы (*Tac. Ann.* II. 58. 2).

Сложившимся при Августе отношениям Рима и Парфии была суждена долгая жизнь. Хотя не вызывает особых возражений мнение М. А. Леви о том, что сам принцепс считал найденное решение паллиативным, а парфянскую проблему — по-прежнему открытой,² это «временное явление» оказалось на редкость постоянным, пережив и Парфию, и Рим.³ Рецидивы завоевательных амбиций (как пра-

¹ По мнению А. Н. Шервин-Уайта, формальный договор не мог быть заключен в 20 г. до н. э., потому что тогда «признание равенства Парфии не отвечало намерениям Августа — ее следовало представить принужденной к покорности» (*Sherwin-White A. N. Op. cit.* P. 324). К тому же гораздо логичнее приурочить заключение договора к первой римско-парфянской встрече на высшем уровне. Сами условия договора известны плохо — наш основной источник сообщает только, что Парфия отказывалась от претензий на Армению, а римляне обязались удерживать у себя братьев Фраатака (*Dio Cass.* LV. 10a. 4). Отсюда, кстати, ясно, что, во-первых, требование Фраатака вернуть из Рима его сводных братьев было выдвинуто отнюдь не всерьез, а во-вторых — что выдача в свое время Фраатом IV заложников Августу означала не признание зависимости Парфии от Рима, а стремление убрать подальше нежелательных претендентов на престол (что было подмечено уже античными авторами. Ср.: *Strab.* XVI. 1.28; *Tac. Ann.* II. 1. 2).

² *Levi M. A. Op. cit.* P. 385.

³ Г. Бенгтсон считает, что состояние римско-парфянского дуализма «нашло свой конец только вместе с крушением Парфянского царства» (*Bengtson H. Kaiser Augustus. München, 1981. S. 75*). Фактически же оно было унаследовано державой Сасанидов и Византией.

вило, римской стороны) лишь подтвердили впоследствии невозможность существенно поколебать сложившееся соотношение сил. Главной причиной столь продолжительного мирного сосуществования двух великих держав древности было отнюдь не стремление Августа к «миру и консолидации»¹ и даже не опасение того, что «покорение Парфии лишь поставило бы Рим перед новыми опасными соседями...»² Рим не собирался отказываться от идеи военного разгрома Парфии, иное дело, что она рассматривалась пока в качестве довольно отдаленной перспективы.³ Главным сдерживающим фактором в отношениях Рима и Парфии был, и это следует подчеркнуть со всей определенностью, военно-стратегический паритет, хотя недостатка в желании изменить его в свою пользу у Августа явно не было.

¹ *Anderson G. C. Op. cit.* P. 256.

² *Meyer H. D. Op. cit.* S. 8 f. Если учесть довольно смутные географические представления римлян о Востоке, такого рода геополитические соображения едва ли приходили Августу в голову.

³ *Bowersock G. Op. cit.* P. 173.

ГЛАВА 5 «КРОВАВЫЙ МИР»

1. *Rex Augusta: миф и реальность*

После Испанской войны и нормализации отношений с Парфией в Риме на смену воинственной риторике приходят иные мотивы. Теперь «Юлиевых приказов не нарушают ни те, что пьют из глубокого Данаувию, ни геты, ни серы и коварные персы, ни рожденные у реки Танаиса» (*Hor.* Od. IV. 15. 21-24). Самые отдаленные уголки Земли признали власть римлян, Августу подвластно все на этом свете (*Ovid.* Fast. II. 138). Подобными сентенциями изобилует римская литература «века Августа»,¹ хотя «певец любви, певец богов» на собственном опыте убедился, насколько далеки они от реальности.²

Фикция мирового владычества пропагандировалась не только средствами изящной словесности. Символы мирового господства присутствуют на монетах и геммах того

¹ *Verg.* Aen. VIII. 720-728; *Hor.* Carm. saec. 53-56; Od. IV. 5. 25-28; 14. 41-48; *Epist.* II. 1. 253-256; *Ovid.* Fast. I. 701-702, 709-719; II. 225-230, 831-832, 857-862; VI. 359-360; *Trist.* IV. 2. 1-2; *Epist.* 1.4.29-30; *Vell.* II. 89. 6; 126; 131.

² *Ovid.* Epist. I. 2. 81-82; II. 5. 17-18.

периода.¹ Царица далекого Боспора Динамия величает своего «спасителя и благодетеля» Августа «владыкой всей земли и всего моря» (КБН. 1046). В качестве властелина мира Август почитался на греческом Востоке.² В латинских надписях из Италии и провинций император выступает в роли «охранителя римских граждан и всего мира», «правителя земного круга»; даже дата получения юным Октавианом первых официальных полномочий (всего-навсего пропретора) в перечне официальных праздников обозначается как «день, в который он впервые получил власть над миром» (ср.: ILS. 108, 112, 137, 140). Подводя итоги своего жизненного пути, пережив жестокое разочарование именно в области внешней политики, Август тем не менее заявляет, что он «подчинил обитаемый мир власти римского народа» (RgdA. Introd.).

Таким образом, усилиями массивированной пропаганды в течение принципата Августа была создана впечатляющая картина полного торжества римского оружия в масштабах всей ойкумены (особенно выразительно у Тита Ливия (1. 16. 7): nullasopes humanasarmis Romanis resistere posse). Попытаемся теперь разобраться, насколько все это соответствовало действительности.

В 20 г. до н. э., т. е. сразу после заключения соглашения с Парфией, Август в специальном послании сенату

¹ *Mattingly H.* Nrs. 217, 465-467, 496, 504-505; *Kaiser Augustus und die verlorene Republik. Eine Ausstellung im Martin-Gropius-Bau, Berlin 7 Juni - 14 August 1988.* Berlin; Mainz, 1988. S. 371. Nr. 24; S. 466. Nr. 245; S. 468. Nr. 256; S. 470. Nrs. 260-264; S. 471. Nrs. 272, 275.

² См.: *Свенцицкая И. С.* Полис и империя: эволюция императорского культа и роль «возрастных союзов» в городах малоазиатских провинций в I—II вв. // ВДИ. 1981. № 4. С. 36 слл.

сообщил, что практика дальнейших территориальных захватов нецелесообразна и для Римского государства имеет смысл ограничиться уже приобретенным (*Dio Cass.* LIV. 9. 1). Некоторые исследователи делают из этого факта далеко идущие выводы. Так, Ж.-М. Андре полагает, что в этом году было положено начало отступлению от традиционных принципов римской внешней политики.¹ Еще более решительно высказался Г. Бенгтсон: «По существу, дело Августа было делом мира».² Однако практические действия Августа настолько не соответствовали этой декларации 20 г. до н. э., что она нуждается в объяснении. Если учесть, что сведения о ней приводит только Дион Кассий, то возможно предположить, что этот автор, который настойчиво подчеркивал оборонительный характер политики первого принцепса (LIII. 10. 4-5; LIV. 9. 1; LVI. 41. 7), вполне мог приписать ему собственные идеи, актуальные для времени Северов, но уж никак не для новорожденной Империи.³ Даже если это заявление и было сделано Августом, оно, как подчеркивает К. Уэллс, могло иметь в виду только Восток, где Рим тогда старался не прибегать к масштабным военным акциям.⁴

При ближайшем рассмотрении оказывается, что знаменитый рах Augusta был исключительно метко назван «кровавым миром» (*Tac. Ann.* I. 10. 4), недаром и в эти, каза-

¹ *André J.-M.* Op. cit. P. 141.

² *Bengtson H.* Grundriss der Römischen Geschichte mit Quellenkunde. München, 1982. Bd. I. S. 282. Новизной эта точка зрения не отличается — ср.: *Berve H.* Kaiser Augustus. S. 431.

³ См.: *Brunt P. A.* Rec. in: *Meyer H. D.* Die Aussenpolitik des Augustus... // *JRS.* 1963. Vol. 53. P. 172.

⁴ *Wells C. M.* The German Policy of Augustus. An examination of the archaeological evidence. Oxf., 1972. P. 9.

лось бы, самые мирные годы принципата Августа ворота храма Януса Квирина не закрывались.¹

Суть происходивших тогда событий удачно выразил Р. Сайм: «В течение принципата Августа Рим под прикрытием красивых заявлений о мире начал продуманную и длительную политику завоеваний в Европе».² Первым после Испанской войны серьезным шагом в этом направлении стало полное покорение всего альпийского региона.

Традиционно принято считать, что военные действия полководцев Августа против альпийских племен имели, в сущности, оборонительный характер, имея целью безопасность северных рубежей Италии и ее сухопутных коммуникаций с Галлией.³ Подозрительно, правда, то обстоятельство, что автором этой точки зрения является не кто иной, как сам Август, который счел необходимым подчеркнуть, что все народы, населявшие Альпы, были покорены только «по справедливости» (*RgdA.* 26. 3). О направле-

¹ Первое закрытие храма при Августе произошло в 29 г. до н. э., второе относится к 25 г. до н. э. Дата третьего считается неустановленной, хотя Орозий, казалось бы, не оставляет места для сомнений: «В 752 году от основания Города Цезарь Август, соединив все народы единым миром, лично закрыл тогда ворота Януса в третий раз» (*VI.* 22. 1). Однако это сообщение принято игнорировать, кажется, с тех пор, как Моммзен назвал его «ложью столь же благочестивой, сколь и нелепой» на том основании, что христианский автор отнес к тому же году и рождение Иисуса Христа (*Mommsen Th.* Res gestae divi Augusti. В., 1883. P. 51). Р. Сайм, полагавший, что третье закрытие храма Януса во 2 г. до н. э. было невозможно, затем смягчил свою точку зрения. Ср.: *Syme R.* Danubian Papers. Bucharest, 1971. P. 33 f; *Idem.* The Crisis of 2 B. C. München, 1974. P. 3.

² *Syme R.* Danubian Papers. P. 13.

³ *Levi M. A.* Op. cit. P. 390; *Luttwak E. N.* Op. cit. P. 49.

ности его пропаганды можно судить и по упоминаниям о крайней жестокости обитателей Альп, которые не только нападали на римлян и их союзников, пересекавших горы, но и постоянно угрожали набегами Италии и Галлии.¹ Все это, мол, и вынудило Августа отдать приказ о начале военных действий.

Прежде чем перейти к освещению альпийской кампании, позволим себе несколько предварительных замечаний. Нельзя не согласиться с Р. Саймом в том, что военная история Рима в эти якобы мирные годы трудновосстановима из-за характера источников² — не случайно Тацит констатировал, что серьезные историки времени Августа перестали заниматься современной историей из-за прогрессирующего раболепия общества перед принцепсом (Ann. I. 1. 2). Однако даже уцелевшие фрагменты былого массива информации позволяют зримо представить, как трещал и разваливался в разных регионах огромной Им-

¹ Ср.: *Vell. II. 95. 2; Strab. IV. 6. 8; Flor. II. 22. 5; Dio Cass. LIV. 22. 1-2*. У Страбона и Диона Кассия рассказывается о том, что горцы не только убивали всех мужчин-пленников от мала до велика, но не щадили даже тех, кто находился еще в утробе матери, распознавая их пол посредством гадания.

² «Античные свидетельства о войнах и завоеваниях Августа не только фрагментарны — сами фрагменты произвольны и могут ввести в заблуждение. Неведение или безразличие последующих компиляторов прекрасно отразило пристрастность историков-современников. Успехи принцепса и его пасынков широко прославлялись, затмевая действия их полководцев. ...Не всем генералам Августа посчастливилось быть упомянутыми на страницах Диона Кассия или Веллея Патеркула — они пропущены случайно или даже намеренно, и вместе с ними немалый кусок истории либо утрачен полностью, либо едва избежал забвения» (*Syme R. Op. cit. P. 40 f.*).

перии призрачный «Августов мир». В 19 г. до н. э. вновь поднялась уже многократно усмиренная Кантабрия. Инсургенты были настолько хорошо знакомы римским солдатам, что одно известие о восстании и необходимости в очередной раз подавлять его вызвало волнения в армии; при наведении порядка один из легионов был лишен присвоенного ему за несколько лет до того почетного имени Августа.

Подавлением восстания руководил сам Агриппа, и оно действительно стоило римлянам немалых жертв. «Умиротворение» страны было достигнуто только после уничтожения почти всех способных носить оружие кантабров и переселении остальных из гор на равнину (*Dio Cass. LIV. 11. 2-5*). Вскоре после этих событий восстали альпийские племена каммуниев и венниев. Обитатели Паннонии и Норика опустошили Истрию (*Histria*) в непосредственной близости от Италии.

Поднялось антиримское движение в Далматии, вновь заволновалась Испания. Недавние римские союзники денетелеты и скордиски огнем и мечом прошли по Македонии. Подняли против римлян оружие бессы — одно из сильнейших фракийских племен. Переправились через Дунай и вторглись в римские пределы сарматы. Германские племена сугамбров, узипетов и тенктеров форсировали Рейн, разграбили прирейнские области и часть Галлии, разбили высланные против них римские войска и беспрепятственно вернулись на родину (*Dio Cass. LIV. 20. 1-5*).

Все это должно было убедительно показать главе государства неэффективность существовавшей системы обеспечения безопасности Империи. Римские военачальники в провинциях должны были в экстренных случаях действовать на свой страх и риск. Такая нескоординированность, во-первых, могла оказаться неэффективной с чисто военной точки зрения, но, кроме того, не могла не усилить их

самостоятельность, что было крайне нежелательно для центральной власти. Разумеется, в годы, о которых идет речь, серьезная опасность существованию этой власти не угрожала (мятежные племена были вновь подчинены силой оружия, сарматы побеждены и отброшены за Дунай, наместники провинций вели себя безупречно лояльно), но Август всегда помнил о том, что он не вечен, и, строя свою династическую политику, не мог не задумываться как о зависимости грядущей династии от военно-политической ситуации внутри державы и на ее границах, так и об уязвимости существовавшей военной организации, которая фактически все еще находилась в стадии становления. Результатом стали крупные перемены и во внешней политике Рима, и в основном инструменте ее проведения — армии. Согласившись с Р. Саймом, который давно и настойчиво утверждал, что Августом был разработан грандиозный план завоевания континентальной Европы,¹ мы можем определить, что этот план принял окончательную форму между 20 и 15 гг. до н. э.: первая дата — широковещательное заявление о ненужности дальнейших завоеваний, вторая — начало таких завоеваний.

Первым после Испанской войны (Август взялся за дело только после полной ликвидации сопротивления кантабров — типичное для него нежелание рисковать без острой необходимости) серьезным шагом по осуществлению этого плана стало полное покорение альпийских областей в 15 г. до н. э. Ход кампании известен лишь в общих чертах, но, во всяком случае, необходимо учесть, что все предпосылки для «блицкрига» 15 года были созданы в 16 г. до н. э. П. Силием Нервой, который подавил восстание каммуни-

¹ *Syme R. The Spanish War...* P. 295; *Idem. Livy and Augustus.* P. 67; *Idem. The Roman Revolution.* P. 390.

ев и венниев и, разбив паннонцев, сумел использовать их для покорения их же вчерашних союзников — жителей Норика (*Dio Cass. LIV. 20. 1-2*). Тем самым были созданы удобные плацдармы для решительного наступления, раз-вернутого на следующий год.

Значение боевых действий 15 г. до н. э. подчеркивалось тем, что они велись под наблюдением Августа, находившегося тогда в Галлии (*Suet. Aug. 21. 1*; *Dio Cass. LIV. 22.3*), а командовать операциями были назначены его пасынки Друз и Тиберий. Не отрицая личного мужества обоих,¹ следует все же оговориться, что римляне воевали против неизмеримо более слабого противника, поэтому исход борьбы был предreshен. Несомненно, учтен был испанский опыт и должны были быть использованы отозванные из Испании войска, тем более что они имели тяжело приобретенный опыт горной войны.² Вероятность такого предположения возрастает от того, что альпийская кампания была разыграна без единого сбоя — если учесть специфику театра военных действий и противника, то очевидно, что

¹ *Hor. Od. IV. 4; 14. 7-40; Suet. Claud. 1.4.* Друз в изображении Горация — прямо-таки юный лев и орел в одном лице.

² Испанцы, которые столь яростно защищали свою свободу, теперь должны были отбирать свободу у других народов, сражаясь под римскими знаменами (*Strab. III. 3. 8*). В начале принципата Тиберия в Испании оставались три легиона (*Strab. III. 3. 8; 4.20; Tac. Ann. IV. 5. 1*). переброска войск оттуда началась сразу же после 19 г. до н. э.; возможно, был момент (5 г. н. э.), когда гарнизон испанских провинций был ограничен двумя легионами.

Ср.: *Syme R. Some notes...* P. 22 f; *Abraham A. F. Zur Geschichte der germanischen und pannonischen Kriege unter Augustus.* Berlin, 1875. S. 15. Подробно о римских легионах в Испании см.: *Roldán Hervás J. M. Hispania y el ejército romano* Salamanca, 1974. P. 188-212.

оперировавшие в Альпах римские войска уже воевали в подобных условиях.

Общий ход кампании известен по ее краткому обзору у Диона Кассия (LIV. 22. 3-5) и по двум одам Горация (IV. 4. 17-24; 14. 11-40). Первым начал военные действия Друз, который уничтожил большой отряд противника недалеко от Тридента. Затем он вторгся в Ретийские Альпы и срыл горные крепости генавнов и бревнов. В результате была устранена даже гипотетическая опасность Италии с севера. Затем по приказу Августа в помощь Друзу был командирован Тиберий, и оба молодых полководца, разделив армию на несколько частей (прием, оправдавший себя в Испании), вторглись в еще непокоренные области Реции. Генеральное сражение было дано Тиберием 1 августа 15 г. до н. э. (*Hor. Od. IV. 14. 34-38*). После этого практически вся боеспособная часть мужского населения завоеванного края была депортирована, чтобы исключить возможность восстания (как видим, и здесь был учтен испанский опыт). Заключительным аккордом «умиротворения» Альп и прилегающих к ним районов стало покорение в 14 г. до н. э. все еще свободных до этого лигуров на западе и подавление восстания паннонцев на востоке.

Полное завоевание альпийского региона потребовалось Августу не только и не столько для того, чтобы обеспечить полную безопасность Италии — ведь мирился же Рим с наличием свободных альпийских племен целых два века после завоевания Цизальпинской Галлии. И захват римлянами золотых рудников в Альпах¹ был не более чем сопутствующим обстоятельством, хотя и не лишним для финансирования дальнейшей территориальной экспансии. Главное было в другом — эта война была первым практическим

¹ *Strab.* IV. 6. 7 (у салассов); 12 (у таврисков в Норике).

шагом Рима по осуществлению глобальной политики. Теперь римские войска вышли к южной окраине Германии на всем ее протяжении и получили возможность (при наличии достаточных сил, конечно) реализовать классическое правило стратегии — удар с двух сторон по сходящимся направлениям, т. е. с запада и юга в сердце Европы.

Подготовка к новой большой войне проводилась основательно и неторопливо. Одновременно с военной, экономической и дипломатической деятельностью на Западе (сам Август провел в Галлии три года, с 16 по 13 г. до н. э.) были приняты меры безопасности на Востоке, куда был направлен Агриппа. Его восточный вояж, тоже приходящийся на эти годы (обстоятельство, которое едва ли было случайным совпадением), следует рассматривать именно в контексте перехода Рима к глобальной политике с надеждой на реальное завоевание мирового господства если и не в ближайшей перспективе, то в обозримом будущем.

Одно из направлений деятельности Агриппы в восточных провинциях было связано с массовым наделением ветеранов землей, пик которого приходится на 14 г. до н. э. Это мероприятие проводилось в рамках заключительного этапа военной реформы, и сам Август приравнял по масштабу выведение ветеранов на землю в 14 г. до н. э. и военную колонизацию по окончании гражданских войн (*RgdA. 16. 1*). В то время, как сам император занимался этим в Галлии и Испании (*RgdA. 28; Dio Cass. LIV. 23. 7*), Агриппа, в частности, вывел ветеранов V Македонского и VIII Августова легионов в Верит (совр. Бейрут)¹ — так появилась первая римская колония на территории Сирии. При-

¹ *Strab.* XVI. 2. 19; *Reinhold M. Marcus Agrippa. A Biography* Geneva; New York, 1933. P. 110.

мерно тогда же им была основана колония Александрия Троида.¹

2. Боспорская проблема

Вторая крупная акция Агриппы на Востоке связана с Боспорским царством, которое (по первому впечатлению — совершенно неожиданно) оказалось в фокусе «большой политики». Наиболее подробно об этих событиях сообщает Дион Кассий (LIV. 24. 4-6), относя их к 14 г. до н. э.: «В Боспоре Киммерийском произошло восстание. Некто Скрибоний, выдававший себя за внука Митридатова и уверявший, что он получил царскую власть от Августа после смерти Асандра, взял в замужество супругу его по имени Динамия, которой было передано мужем управление государством и которая действительно была дочерью Фарнака и внучкой Митридата, и стремился овладеть Боспором. Проведав об этом, Агриппа послал против него Полемона, царя прилежащей к Каппадокии части Понта. Полемон уже не застал в живых Скрибония, так как боспорцы раньше убили его, узнав о его замысле; когда же они и ему оказали сопротивление из страха быть отданными под его власть, он вступил с ними в битву и одержал победу, но не успел подчинить их себе, пока Агриппа не прибыл в Синопу с намерением идти и на них походом. Тогда они положили оружие и сдались Полемону; Динамия сделалась его женой, очевидно, по решению Августа» (пер. **В. В. Латы-**

¹ Хотя точно определить дату основания этой колонии трудно (ясно только, что между 27 и 12 гг. до н. э.), наиболее вероятным представляется 14 г. до н. э. См.: *Kornemann. Coloniae* // RE. 1900. Hbd. 7. Sp. 550; *Ritterling. Legio* // RE. 1924. Hbd. 23. Sp. 1227, 1241.

шева). Другие авторы добавляют к этому немного. Псевдо-Лукиан в сочинении «О должителях» утверждает, что Скрибонию пришлось воевать против 93-летнего Асандра, который, увидев измену своих воинов, покончил с собой (*Ps.-Luc. Masob.* 17). Иосиф Флавий позволяет обратить внимание на быстроту действий римлян: когда небезызвестный Герод Иудейский (библейский Ирод) с эскадрой отправился к Агриппе, то уже не застал своего покровителя, как рассчитывал, на Лесбосе и нагнал его лишь в Синопе, сборном пункте готовившейся экспедиции (*Ios. Ant XVI.* 2. 2).

Кроме нарративных источников, в распоряжении исследователей имеются эпиграфические и нумизматические, которые, однако, не позволяют интерпретировать их однозначно. Вся эта история (на что обратил внимание еще Д. П. Каллистов)¹ производит странное впечатление — и появление загадочного узурпатора, его непонятная роль в Боспорском царстве, и неожиданно горячая заинтересованность Рима в боспорских делах. Думается, удовлетворительно объяснить «смутное время» на Боспоре возможно лишь в контексте грандиозных завоевательных планов Августа.

К этому времени Боспорским царством долго и удачно правил царь Асандр. Выходец из местной знати, он, вовремя восстав против Фарнака, сумел отстоять свою власть от всех посягательств на нее (в том числе и со стороны Рима) и в конце концов был признан царем и «другим римского народа».² Выпуск им золотой монеты со своим

¹ *Каллистов Д. П. Политика Августа в Северном Причерноморье* // ВДИ. 1940. № 2. С. 69.

² Именно так следует понимать термин *φιλόμενος* в его титулатуре (КБН. 30; С. 47 сл.).

портретом и царским титулом, по типу соответствующей эмиссии ушедших в небытие могучих эллинистических царств,¹ многозначительное употребление им титула «великий царь царей» (КБН. 30) — с подобным поведением Август мог мириться лишь до тех пор, пока не приступил к осуществлению своих амбициозных внешнеполитических планов. Тогда существование проводившего достаточно независимую политику Боспорского царства стало совершенно нетерпимым, во-первых, из-за возможности рецидива Митридатовых войн тогда, когда римляне сконцентрировали бы свои военные усилия на Западе, а во-вторых, потому, что Боспор сам по себе приобретал важное стратегическое значение, так как находился в тылу сарматских племен, с которыми Рим уже вступил в боевое соприкосновение. Но, видимо, подходящего повода для вмешательства в боспорские дела не находилось, и тогда было решено его создать в лице новоявленного претендента на трон.² Если попытаться уточнить последовательность событий,

¹ Анохин В. А. Монетное дело Боспора. Киев, 1986. № 228-245.

² Вилькен и Штайн принимают версию Псевдо-Лукиана, к ней же склоняется Андерсон. Напротив, Шиллер и Брандис уверены в том, что Скрибоний объявился после смерти Асандра (*Wilcken. Asandros* // RE. 1896. Hbd. 4. Sp. 1517; *Stein. Dynamis*. Sp. 1879; *Idem. Scribonius* // RE. 1921. 2. R. Hbd. 3. Sp. 859; *Schiller H.* Op. cit. S. 203; *Brandis. Bosporos* // RE. 1897. Hbd. 7. Sp. 778; *Anderson J. G. C.* The eastern frontier under Augustus // CAH. 1934. Vol. X. P. 267). Интересную гипотезу предложил С. Ю. Сапрыкин, который попытался объединить противоречивые данные нарративных источников и пришел к выводу, что римский ставленник Скрибоний действовал в союзе с Динамией с конца 20-х гг. и воевал с Асандром не менее трех лет (*Сапрыкин С. Ю.* Уникальный статер боспорской царицы Динамии // СА. 1990. № 3. С. 209 сл.).

связанных с установлением прямого римского контроля над Боспором, то мы вынуждены вступить на зыбкую почву предположений. Постараемся держаться при этом пусть немногих, но твердо установленных фактов.

Одним из таких бесспорных фактов является самостоятельное правление Динамии, засвидетельствованное как эпиграфическим материалом, так и уникальным статером 281 г. б. э. = 17/16 г. до н. э.¹ Поэтому конец правления Асандра было принято относить к 17-16 гг. до н. э.² Но уже К. В. Голенко отметил, что «это положение абсолютно бездоказательно — золото Динамия могла чеканить в любой год своего самостоятельного правления», и отнес смерть Асандра к 19 г. до н. э.³ Как недавно выяснилось, это предположение было недостаточно смелым: в 1983 г. был найден новый статер Динамии — уже 277 г. б. э. = 21 / 20 г. до н. э.⁴ Таким образом, у царицы насчитывается несколько лет самостоятельного правления — между смертью или

¹ Анохин В. А. Указ. соч. № 254. Штайн и Миннс относят выпуск этой монеты к периоду между смертью Асандра и браком Динамии со Скрибонием (*Stein. Dynamis*. Sp. 1879; *Minns E. H.* Scythians and Greeks. Cambridge, 1913. P. 592).

² Голубцова Е. С. Северное Причерноморье и Рим на рубеже нашей эры. М., 1951. С. 100; *Ростовцев М. И.* Эллинизм и иранство на юге России. Пг., 1918. С. 145; *Гайдукевич В. Ф.* Боспорское царство. М.; Л., 1949. С. 315; *Машкин Н. А.* Указ. соч. С. 529 сл.; *Каллистов Д. П.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1952. С. 157.

³ Голенко К. В. Керченский клад медных боспорских монет конца I в. до н. э. // НЭ. 1971. Т. IX. С. 49. Собственно, эта мысль высказывалась и раньше: *Каллистов Д. П.* Этюды из истории Боспора римского времени // ВДИ. 1938. № 4. С. 170.

⁴ Новиченкова Н. Г. Раскопки античного святилища // АО — 1983. М., 1985. С. 27; *Она же:* Святилище Крымской войны // ВДИ. 1994. № 2. С. 74. Рис. 25. Монета опубликована В. А. Анохиным: *Анохин В. А.* Указ. соч. С. 77 сл., 148, № 253.

отходом от дел Асандра и появлением на Боспоре Полемона — и можно согласиться с Н. А. Фроловой в том, что только этот период единоличной власти Динамии можно считать надежно установленным.¹ Это мнение резко контрастирует с прочно установившейся в науке благодаря М. И. Ростовцеву точкой зрения, согласно которой Динамия вновь пришла к власти после гибели Полемона и правила еще более 16 лет; логическим завершением этой конструкции, в которой одно предположение доказывается другим (обычно отнюдь не бесспорным), является «открытие» В. А. Анохиным еще и третьего самостоятельного правления Динамии.² Попытаемся разобраться в довольно запутанной истории этого вопроса.

Если в прошлом веке считалось, что смерть Динамии последовала вскоре после 14 г. до н. э.,³ то М. И. Ростовцев, не согласившись с этим, в серии своих работ по истории Боспора доказывал, что после гибели Скрибония и передачи Римом боспорского престола Полемену Динамия, вынужденная выйти за него замуж, вскоре порвала с ним и после смерти римского ставленника вновь стала править единолично.⁴ Вплоть до настоящего времени этот взгляд можно было считать господствующим.⁵ Аргумента-

¹ Фролова Н. А. О времени правления Динамии // СА. 1978. № 2. С. 49, 59 сл.

² Анохин В. А. Указ. соч. С. 93 сл.

³ Schiller H. Op. cit. S. 203; Stein. Dynamis. Sp. 1879.

⁴ Ростовцев М. И. Бронзовый бюст боспорской царицы и история Боспора в эпоху Августа // Древности / Тр. Имп. Моск. археол. об-ва. М., 1916. Т. 25. С. 14-19; *Он же*: Эллинизм... С. 146 сл.; *Он же*: Queen Dynamis of Bosporus // JHS. 1919. Vol. 39. P. 88-101, 103 f. Cf.; Minns E. H. Op. cit. P. 594, 601.

⁵ Каллистов Д. П. Политика Августа... С. 69 сл.; Дьяков В. Н. Пути римского проникновения в Северное Причерноморье: Понт и Мезия // ВДИ. 1940. № 3-4. С. 75; Гайдукевич В. Ф. Указ.

ция, приведенная Н. А. Фроловой (и довольно неубедительно критикуемая В. А. Анохиным), делает излишним новый анализ концепции М. И. Ростовцева.¹ Воспользовавшись предложенной Н. А. Фроловой схемой, попытаемся восстановить последовательность политических событий на Боспоре в те бурные годы. В принципе, переход власти от Асандра к Динамии мог пройти достаточно гладко. Наиболее неопределенным (и угрожающим) моментом должна была быть реакция Рима на такую династическую рокировку.²

соч. С. 316 сл.; Болтунова А. И. К надписи IOSPE, II, 400 // ВДИ. 1954. № 1. С. 174; КБН. С. 35, 45; Анохин В. А. Указ. соч. С. 88 сл.; Funck V. Das Bosporanische Reich und Rom zur Zeit des Kaisers Augustus // Altertum. 1986. Bd. 32. H. 1. S. 32.

¹ Ср.: Фролова Н. А. Указ. соч. С. 49-61; Анохин В. А. Указ. соч. С. 87 сл.; Грандмезон Н. Н. Рец. на: В. А. Анохин. Монетное дело Боспора. Киев, 1986 // ВДИ. 1988. № 2. С. 220. С. Ю. Сапрыкин (Указ. соч. С. 211 сл.) выдвинул новые аргументы против концепции «второго пришествия» Динамии. И все же проблему нельзя считать окончательно решенной. Если окажется справедливым предположение Ч. Б. Роуза, что на южном фризе Алтаря Мира рядом с Агриппой изображены Динамия и ее малолетний сын (*Rose Ch. B. «Princes» and Barbarians on the Ara Pacis* // AJA. 1990. Vol. 94. Nr. 3. P. 453 f.), то это неизбежно приведет к пересмотру современных взглядов на данный вопрос и хотя бы частичной реабилитации точки зрения М. И. Ростовцева. Подробнее эта гипотеза исследуется в моей статье «Dynamis, Agrippa und der Friedensaltar. Zur militärischen und politischen Geschichte des Bosporanischen Reiches nach Asander» // Historia. 1996. Bd. 45. H. 1. S. 95-103.

² По мнению С. Ю. Сапрыкина (Указ. соч. С. 210), в 20 г. до н. э. Асандр передал власть Динамии именно под давлением Рима. Но в таком случае непонятен выпуск Асандром золотой монеты в 19-17 гг. до н. э. (датировка самого же С. Ю. Сапрыкина): предположенное объяснение — «римляне вынуждены были санкционировать его право управлять государством» (с. 211) — не особенно убеждает.

Требовалось ли официальное признание римскими властями прав Динамии на боспорский трон? Здесь нельзя забывать, что позиция Рима в отношении зависимых от него соседей вовсе не предполагала автоматического признания очередного правителя.¹ И все же Динамии каким-то образом удалось урегулировать отношения с Римской державой, о чем свидетельствует титул *φιλῶνταιος*.² О цене этого признания можно лишь догадываться. Так, медные монеты, отчеканенные от имени общин кесарийцев и агриппийцев, позволили в свое время А. В. Орешникову предположить, что по инициативе Динамии Пантикапей был в честь Цезаря Августа переименован в Кесарию, а Фанагория — в Агриппию.³ Справедливость этой, по выражению А. Н. Зографа,⁴ «блестящей догадки» доказана как эпиграфическим материалом, так и топографией монетных находок.⁵ Однако с легкой руки автора этой гипотезы оказалось принятым за аксиому, что, во-первых, переименование обоих городов произошло одновременно (чему нет ни единого доказатель-

¹ «Так как римское право не знает наследственности царской власти, то после смерти царя — "друга римского народа", его наследник должен был обновить договор своего предшественника, по существу, заключить новый договор» (*Надэль Б.* Боспорская надпись IOSPE, II, 33 // ВДИ. 1948. № 3. С. 213. Прим. 5).

² КБН. 31. 1; 38. 4; 978. 2; 979. 1; 1046. 5. Буквальный перевод «римлянолюбивая» предпочитают Д. П. Каллистов и В. Н. Дьяков в своих цитированных выше работах. В действительности этот термин точно соответствует латинскому *amicus populi Romani*. См.: *Надэль Б.* Указ. соч. С. 212; *Болтунова А. И.* Указ. соч. С. 173 сл.; КБН. С. 47 сл.

³ *Орешников А. В.* Экскурсы в область древней нумизматики Черноморского побережья // НС. 1915. № 3. С. 37 сл.

⁴ *Зограф А. Н.* Античные монеты. М.; Л., 1951. С. 193.

⁵ *Голенко К. В.* Указ. соч. С. 43. Прим. 29. Ср., однако: *Денисова В. И.* Боспор I в. до н.э. - начала I в. н.э. (к проблеме переименования городов) // ΣΥΣΣΙΓΙΑ. Памяти Юрия Викторовича Андреева. СПб., 2000. С. 258-262.

ства), а во-вторых, что случилось это не ранее 14 г. до н. э.¹ Признавая, что удобнее всего связывать появление на политической карте античного Причерноморья Кесарии и Агриппин именно с установлением прямого римского контроля над Боспором, отметим, что это отнюдь не единственно возможный вариант. Так, не исключено, что Пантикапей мог быть переименован в честь не Августа (*Σεβαστός*), а диктатора Цезаря (*Καίσαρ*), или что это произошло до 27 г. до н. э., когда Октавиан был «только» Цезарем — в таком случае инициатива этой акции должна была принадлежать Асандру. Что же касается Агриппии, то Н. А. Фролова выдвинула интересное предположение о присвоении Фанагории этого имени в начале самостоятельного правления Динамии.² В. А. Анохин, ссылаясь на новонайденный статер Динамии 277 г. б. э., отвергает раннюю датировку переименования Фанагории, так как, по его мнению, «для 21/20 г. такое возвеличение Агриппы было преждевременным...».³ Однако этот тезис представляется по меньшей мере спорным — после смерти Марцелла, племянника Августа (23 г. до н. э.), Агриппа был единственным реальным наследником принципата — к 21 г. до н. э. это было очевидно для всех как в Римской империи, так, надо полагать, и для ее соседей.⁴ Кроме того, в 23-21 гг. до н. э. Аг-

Августа... С. 67 сл.; *Ростовцев*

М. И. Эллинство... С. 148; *Гайдукевич В. Ф.* Указ. соч. С. 317; *Голубцова Е. С.* Северное Причерноморье в античную эпоху. М., 1951. С. 107; *Голенко К. В.* Указ. соч. С. 41; *Шелов Д. Б.* Северное Причерноморье 2000 лет назад. М., 1975. С. 92; КБН. С. 559; *Анохин В. А.* Указ. соч. С. 88; *Финк В.* Op. cit. S. 34.

² *Фролова Н. А.* Указ. соч. С. 57-60. Ср.: *Сапрыкин С. Ю.* Указ. соч. С. 212.

³ *Анохин В. А.* Указ. соч. С. 88.

⁴ По мнению М. Гранта, Агриппа был обречен на роль «вечно второго» и не предназначался в наследники трона (*Grant M.*

риппа находился именно на Востоке и, имея резиденцию на Лесбосе, управлял восточными провинциями через своих легатов.¹ Таким образом, вполне вероятно, что Динамия была утверждена на царство именно тогда и именно Агриппой, выступавшим в качестве полномочного представителя Августа (с 23 г. до н. э. Агриппа обладал проконсульским империем над всеми императорскими провинциями).² Думается, этого было вполне достаточно для переименования в честь второго в Римской империи лица второго по значению города Боспорского царства.

Историческую репутацию Динамии трудно назвать безупречной — ее принято обвинять и в самом низкопробном сервиллизме перед владыкой Рима, и даже в исключительно аморальном поведении.¹ Первое обвинение основано на

Herod the Great. L., 1971. P. 176). Античные авторы, однако, иного мнения на этот счет: *Ios. Ant.* XV. 10. 2; *Tac. Ann.* 1.3. 1; *Dio Cass.* LIV. 6. 5.

¹ *Vell. II.* 93. 2; *Ios. Ant.* XV. 10. 2; *Suet.* Aug. 66. 3; *Tib.* 10. 1; *Dio Cass.* LIII. 32. 1.

² *Reinhold M.* Op. cit. P. 169, 173. Рейнгольд отмечает, что античные источники умалчивают о конкретном содержании деятельности Агриппы в этот период. Это, видимо, не случайно: существует предположение, что он был отправлен с тайной дипломатической миссией для подготовки соглашения с Парфией (*Magie D.* The Mission of Agrippa to the Orient in 23 B. C. // *CPh.* 1908. Vol. 3. P. 145 f.). Во всяком случае, популярная в античности версия о добровольном удалении на Лесбос из-за обиды на Марцелла, а заодно и на Августа, слишком легковесна. Между прочим, даже приверженец этой версии Веллей Патеркул все же упоминает, что официальной причиной отбытия Агриппы на Восток были государственные дела. Иосиф Флавий и Дион Кассий прямо указывают, что Агриппа был послан Августом, причем у Иосифа Агриппа здесь выступает уже в роли наследника принцепса (διάδοχος Καίσαρι).

надписях Динамии в честь Августа и Ливии (КБН. 38; 978; 1046). Однако содержащиеся в этих текстах «льстивые» эпитеты («спаситель и благодетель», «благодетельница», «владыка всей земли и всего моря») представляют собой широко распространенные в античном мире стандартные формулы² и поэтому дискредитировать Динамию не могут, а подчеркивание царицей своего происхождения от Фарнака и Митридата (КБН. 31) едва ли привело бы в восторг ее римских «благодетелей».³ Что же касается «моральной неустойчивости» довольно-таки пожилой правительницы Боспора, то Динамия, бесспорно, была одной из ярких представительниц ушедшей буквально на ее глазах в прошлое эллинистической эпохи,¹ и для нее, как и для ее

¹ *Дьяков В. Н.* Указ. соч. С. 75; *Stein.* Dynamis. Sp. 1880. Обвинение основано на том факте, что Динамия, выйдя замуж за убийцу своего отца, затем дважды становилась женой тех, кто являлся причиной смерти ее предыдущего супруга. Даже внешность царицы оскорбляет эстетические чувства Штайна: «Ее изображение на вышеупомянутой монете демонстрирует грубые, некрасивые черты, чисто варварский тип». Вилькен и Андерсон предполагают, что Динамия участвовала в заговоре против Асандра с тем, чтобы передать власть Скрибонию (*Wilcken.* Asandros. Sp. 1517; *Anderson J. G.* С. Op. cit. P. 267). К этому мнению склоняется и С. Ю. Сапрыкин (Указ. соч. С. 210 сл.).

² Ср.: *ILS.* 108; 112; 137; 140. См. также: *Голубцова Е. С.* Указ. соч., С. 105.

³ Политический портрет Динамии выглядит двуликим. С одной стороны, она не жалеет усилий, чтобы убедить Рим в своей лояльности. Но ее пропаганда, рассчитанная на собственных подданных, носила «митридатовский и антиримский характер» (*Navotka K.* The Attitude towards Rome in the Political Propaganda of the Bosporan Monarchs // *Latomus.* 1989. T. 48. Fasc. 2. P. 328 f. Ср.: *Зограф А. Н.* Указ. соч. С. 191, 194).

знаменитой современницы Клеопатры VII, смыслом жизни была власть. Применяемые при этом средства диктовались политической целесообразностью, а не моральными критериями.²

Подводя итоги обзора «смутного времени» на Боспоре, приходится еще раз подчеркнуть, что при современном состоянии источников полная и достоверная реконструкция событий интересующего нас периода невозможна. Даже имеющаяся в распоряжении исследователей информация может быть интерпретирована весьма неоднозначно.³

¹ «Ее история во многом напоминает историю многожущих и многогрешных, честолюбивых и выносливых, энергичных и умных женщин великих эллинистических дворов после Александра» (Ростовцев М. И. Бронзовый бюст... С. 12).

² Справедливость требует отметить, что мы не знаем ничего об обстоятельствах заключения всех трех известных браков Динамии (предположение о ее заговоре против Асандра недоказуемо), и едва ли хотя бы в одном таком случае у царицы была свобода выбора — рука внучки Митридата стала символом легитимности власти над Боспором, и не случайно Дион Кассий отмечает, что даже римскому ставленнику Полемону Август просто приказал жениться на Динамии.

³ Приведем несколько показательных примеров. В портретных изображениях на аверсе монет Асандра до получения им царского титула (Анохин В. А. № 221-224) видят либо Цезаря, либо Антония, либо Октавиана (Wilcken. Asandros. Sp. 1517). Строго говоря, не доказано, что на реверсе боспорских статеров 9/8 г. до н. э. — 7/8 г. н. э. помещен портрет Агриппы — это лишь догадка А. Л. Бертье-Делагарда (О монетах властителей Боспора Киммерийского, определяемых монограммами // ЗООИД. 1911. Т. 29. С. 117 сл.). Надпись агриппийцев в честь Динамии (КБН. 979), которую принято относить ко времени уже после гибели Полемона (Ростовцев М. И. Указ. соч. С. 16, 18; Голубцова Е. С. Указ. соч. С. 107), могла быть сделана и до его появле-

Учитывая все привходящие обстоятельства, рискнем тем не менее предположить, что разыгравшиеся на берегах Боспора Киммерийского бурные события в основном

ния на Боспоре (Фролова Н. А. Указ. соч. С. 58), и в промежуток времени между его прибытием и признанием его боспорцами под угрозой римской интервенции — в таком случае надпись свидетельствует о вполне определенной политической позиции горожан, поддержавших царицу в ее противостоянии новоявленному претенденту на престол. Косвенно подтвердить это предположение может археологически засвидетельствованный факт уничтожения Полемоном укрепленной резиденции Хрисалиска, бывшего при Асандре наместником азиатского Боспора (Соколовский Н. И. Таманский толос и резиденция Хрисалиска. М., 1976. С. 108, 116 сл.): крепость Хрисалиска была расположена близ Азовского моря и Ахтанизовского лимана всего в нескольких километрах от Фанагории-Агриппии. Наконец, в царя Аспурге исследователи видят то мужа, то сына, то внука Динамии. Ср.: Ростовцев М. И. Бронзовый бюст... С. 17; Он же: Эллинизм... С. 147; Дьяков В. Н. Указ. соч. С. 75; Зограф А. Н. Указ. соч. С. 191; Шелов Д. Б. Северное Причерноморье... С. 92; Анохин В. А. Указ. соч. С. 88; Сапрыкин С. Ю. Аспургиане // СА. 1985. № 2. С. 67 сл.; Виноградов Ю. Г. Очерк военно-политической истории сарматов в I в. н. э. // ВДИ. 1994. № 2. С. 153 сл.; Kiessling. Gorgippia // RE. 1912. Bd. 7. Sp. 1628; Minns E. H. Op. cit. P. 593 f; Anderson J. G. S. Op. cit. P. 268 f; Navotka K. Op. cit. P. 329. Даже, казалось бы, бесспорная идентификация женского портретного бюста (Эрмитаж. Инв. № ПАН. 1726) с Динамией, основанная на авторитете Ростовцева и благополучно дожившая до наших дней, в действительности отнюдь не бесспорна (Ростовцев М. И. Бронзовый бюст... С. 8 сл.; Соколов Г. Античное Причерноморье. Л., 1973. С. 116 сл.; Funck В. Op. cit. S. 30. Abb. 3. Ср., однако: Молчанов А. А. Искусство портрета на античном Боспоре (по нумизматическим материалам) // Вестник МГУ. 1971. № 4. С. 101; Voscinina A. Le portrait romain. Leningrad, 1974. P. 194 suiv.; Parlaska K. Das sog. Portrait der Königin Dynamis in der Eremitage // Проблемы античной истории и культуры. Ереван, 1979. Т. 2. С. 397 сл.).

явились результатом масштабной политической провокации, задуманной и осуществленной Римом. Признание в свое время Динамией «другом римского народа» было лишь тактическим ходом, не предполагавшим длительного сохранения такого положения дел. Как только приготовления к резкому увеличению масштаба завоевательных войн на Западе вступили в заключительную фазу, пришло время решить и боспорскую проблему: в стратегических замыслах римского военного командования эта часть периферии античного мира должна была приобрести немало важное значение.¹ Поскольку время было ограничено достаточно жестко — в 12 г. до н. э. римляне форсировали Рейн, положив начало серии германских кампаний, — камуфляж традиционной «справедливости» в случае с Боспором не имел серьезного значения. Это с полной ясностью продемонстрировал эпизод со Скрибонием, на котором имеет смысл остановиться более подробно.

Совершенно очевидно, что появление самозванца на Боспоре было выгодно только Риму, так как давало необходимый предлог для прямого вмешательства в дела Бос-

¹ Речь шла уже не только о проблеме «утверждения реальной власти над завоеванными ранее территориями и укрепления границ» (Каллистов Д. П. Политика Августа... С. 65). Независимый Боспор с основанной Митридатом династией во главе потенциально угрожал спокойствию Малой Азии, что (да еще при наличии такого соседа, как Парфия) было недопустимо в условиях широкого римского наступления на Западе. Кроме того, Боспорское царство имело интенсивные и многосторонние контакты с обширным сарматским миром, первые военные столкновения которого с Римом относились как раз к этому времени. При планировании римской глобальной политики возможность удара по сарматам с дунайского и боспорского плацдармов должна была представляться римским стратегам весьма соблазнительной.

порского царства. Обстоятельства, при которых это произошло, освещаются в источниках по-разному: если Дион Кассий указывает, что Скрибоний объявился после смерти Асандра, то из Псевдо-Лукиана следует, что это произошло при жизни законного царя. Во всяком случае, трудно отказаться от мысли, что неожиданно объявившийся претендент на боспорский трон должен был создать ситуацию, которая потребовала бы немедленной реакции Рима, и едва ли случайно Агриппа оказался на Востоке именно в это время.¹

Сама личность Скрибония остается загадкой. Некоторые предпочитают видеть в нем римского вольноотпущенника,² однако большинство исследователей считает его представителем романизованной понтийской знати³ или просто безвестным авантюристом, самозванцем и узурпатором.⁴ Между тем его имя, будучи типично римским (пле-

¹ Мысль о том, что Скрибоний действовал на Боспоре в качестве агента римских властей, высказывалась М. И. Ростовцевым и Д. П. Каллистовым, вероятность этого признает и С. Ю. Сапрыкин (Ростовцев М. И. Эллиństwo... С. 145; Каллистов Д. П. Указ. соч. С. 76; Сапрыкин С. Ю. Указ. соч. С. 210). Напротив, В. Ф. Гайдукевич полагал, что Скрибоний появился на Боспоре «независимо от воли римлян» (Гайдукевич В. Ф. Указ. соч. С. 315).

² Машкин Н. А. Принципат Августа. С. 529 сл.; Сапрыкин С. Ю. Указ. соч. С. 210; Gardthausen V. Op. cit. S. 842.

³ Ростовцев М. И. Бронзовый бюст... С. 13; Он же: Эллиństwo... С. 145; Голубцова Е. С. Северное Причерноморье... С. 101.

⁴ Каллистов Д. П. Северное Причерноморье... С. 157; Блаватский В. Д. Очерки военного дела в античных государствах Северного Причерноморья. М., 1954. С. 138; Шелов Д. Б. Северное Причерноморье... С. 92; Schiller H. Op. cit. S. 203; Stein E. Scribonius // RE. 1921.2. R. Hbd. 3. Sp. 859 f; Idem. Dynamis // RE. 1905. Hbd. 10. Sp. 1879; Reinhold M. Op. cit. P. 113.

бейский род Скрибониев известен со времени Ганнибаловой войны,¹ позволяет предположить какую-то связь эфемерного властелина Боспора с императорским домом.² Наивно думать, что такая женщина, как Динамия, могла выйти замуж за первого встречного авантюриста: Скрибоний явно должен был представить веские доказательства своего высокого происхождения, а его борьба за боспорский трон должна была финансироваться из какого-то крупного источника, в котором нетрудно угадать римскую императорскую казну.³

Что же касается социального статуса Скрибония, то он, очевидно, относился к романизованной провинциальной знати (Ростовцев и Андерсон не исключают и его принадлежности к царскому роду).⁴ Его римское имя следует объяснять тем, что в результате получения им гражданских прав его патроном стал какой-то представитель рода Скрибониев, в котором есть все основания видеть брата бывшей жены Августа, видного политического деятеля времени второго триумvirата Луция Скрибония Либона, который в 35 г. до н. э. перешел от Секста Помпея к Анто-

¹ Münzer. Scribonius // RE. 1921. 2. R. Hbd. 3. Sp. 858.

² См.: Сапрыкин С. Ю. Указ. соч. С. 210.

³ Если признать достоверным сообщение Псевдо-Лукиана о переходе к Скрибонию армии Асандра, то очевидно, что узурпатор располагал собственным войском (которое, естественно, нужно было содержать) и имел средства на подкуп воинов противника (трудно предположить иные причины их измены Асандру). Таким образом, деньги, которые должен был иметь в своем распоряжении Скрибоний, — это не состояние частного человека, а внешний и практически неисчерпаемый источник финансирования, т. е. римский фиск.

⁴ Ростовцев М. И. Бронзовый бюст... С. 13; Anderson J. G. С. Op. cit. P. 267.

нию (*App.* В. с. V. 139. 579) и вместе с последним был ординарным консулом 34 г. до н. э. (CIL. I². 66). Скрибоний Либон достаточно долго находился в восточных провинциях, чтобы обзавестись клиентелой из числа обязанных ему провинциалов, а получение новыми гражданами имен в честь виднейших приверженцев Антония было на Востоке в те годы обычной практикой.¹

Положение Скрибония при Динамии, которая, очевидно, сохраняла свою власть, неизвестно. Предположение М. Гранта о том, что он стал «вице-королем при местной царице»,² весьма маловероятно: институт делегирования правителем части своих полномочий (*collega imperii*) был типично римским и для Боспора того времени явно не подходит. Статус супруга правящей царицы слишком напоминает современную Великобританию, чтобы допустить вероятность такого варианта. Остается одна возможность — если верно, что в активе Скрибония была военная победа над Асандром, то в соответствии с эллинистическими канонами его должны были провозгласить царем. Подтверждения этому факту в источниках нет, однако надо учитывать, что после убийства Скрибония все связанное с его именем, очевидно, подверглось намеренному уничтожению (для сравнения заметим, что на Боспоре неизвестны надписи и монеты с именем Полемона, царский титул которого вне сомнений).

Скрибоний с успехом сыграл свою роль, вызвав политический кризис в Боспорском царстве и создав тем самым повод для прямого вмешательства Рима. Он был убит именно во избежание такого вмешательства, тем самым восста-

¹ См.: Cuntz. O. Op. cit. Pass.

² Grant M. Op. cit. P. 178.

навливалась во всей полноте своих прав Динамия, давно признанная Римом в качестве легитимной царицы. Но для римлян это отступление от разработанного ими сценария уже не имело значения: на Боспор был отправлен понтийский царь Полемон, назначенный «по совместительству» царем и в Пантикапее. Его сообщение о встреченном им ожесточенном сопротивлении вызвало незамедлительную реакцию: Агриппа спешно прибыл в Синопу и стянул туда силы для десанта, которым вознамерился командовать лично (что подтверждает первостепенное значение Боспорского царства для Рима в этот момент). Известие об этом заставило Боспор капитулировать и признать власть Полемона. Женитьба последнего на Динамии по приказу Августа может свидетельствовать о том, что вся операция была задумана заранее: Август, находившийся тогда в Галлии, явно не имел возможности контролировать ситуацию.¹

С утверждением (как позднее оказалось, недолговременным) Полемона на боспорском престоле цель — подчинение этого царства напрямую римскому контролю — могла считаться достигнутой.² Важное значение этой акции подчеркивалось декретированием Агриппе триумфа

¹ Иосиф Флавий, сообщая о пребывании Агриппы в гостях у Герода Иудейского, указывает как на внезапное отбытие римлянина в Ионию, так и на то обстоятельство, что царь Иудеи, управляясь весной с флотом к своему римскому покровителю, уже знал, что тот планирует экспедицию на Боспор (*Ios. Ant.* XVI. 2. 1-2), — еще одно подтверждение наличия хорошо продуманного плана действий.

² Едва ли возможно считать, что римляне послали на Боспор Полемона, лишь убедившись в непопулярности там Скрибония (*Сапрыкин С. Ю.* Указ. соч. С. 211), — не было никаких оснований полагать, что понтийский царь встретит там более теплый прием.

над Боспором¹ (для сравнения отметим, что Август за дипломатическую победу над Парфией в 20 г. до н. э. получил лишь овацию) (*Dio Cass.* LIV. 8. 3).

Деятельность Полемона, скорее всего, должна была подготовить почву для полной аннексии Боспорского цар-

¹ *Dio Cass.* LIV. 24. 7. Орозий (VI. 21. 28) сообщает о военной победе Агриппы над боспорцами и возвращении римских знамен, взятых некогда Митридатом. М. Рейнгольд полагает, что это сообщение не заслуживает доверия, так как, во-первых, об этих знаменах не упомянул Август в соответствующей главе своего политического завещания, а во-вторых, потому, что между Римом и Боспором задолго до 14 г. до н. э. установились хорошие отношения (*Reinhold M.* Op. cit. P. 114. Note 53). Эти аргументы не особенно убеждают: Август, писавший свои «Деяния» незадолго до смерти, мог умолчать об этом факте по династическим соображениям, учитывая довольно щекотливую ситуацию, связанную с опальным Агриппой Постумом. Второй довод Рейнгольда тоже уязвим: Асандр проводил достаточно самостоятельную политику, а иметь трофейные римские знамена было приятно и престижно. К тому же у Рима в те годы, когда на Боспоре правил Асандр, хватало и более неотложных забот. Наконец, нельзя не учитывать, что фактологическую основу Орозия составляет здесь такой надежный источник, как Тит Ливий. Объяснить эту кажущуюся неправдоподобной информацию можно следующим образом. Полемон утвердился на Боспоре силой оружия; известно, в частности, что Херсонес послал ему вспомогательный отряд (*IOSPE.* 12. 419; *Соломоник Э. И.* Каменная летопись Херсонеса. Симферополь, 1990. С. 26 сл. № 15). Если учесть, что царь действовал по приказу Августа и Агриппы, т. е. под римскими ауспигиями, то сообщение Орозия—Ливия о военной победе римлян над Боспором становится вполне понятным. Кроме того, нельзя исключить того, что кратковременная военная интервенция под руководством Агриппы все-таки состоялась. Ср.: *Масленников А. А.* Полемон I на Боспоре // Боспорский сборник. М., 1999. Вып. 3. С. 158-167.

ства Римом. Во-первых, это вытекает из чисто умозрительного соображения о невозможности длительного существования практически воссозданной державы Митридата Евпатора, пусть даже с верным Риму правителем во главе ее — династическая ситуация всегда могла измениться.¹ Во-вторых, если судить по знаменитой карте Агриппы, то Боспорское царство уже считалось вошедшим в состав Римской империи.² Надо отметить, что известные основа-

¹ Это, кстати, объясняет, почему Рим примирился с гибелью Полемона и реставрацией власти местной династии на Боспоре. Меткую характеристику политической ситуации при Аспурге дает М. И. Ростовцев: «Тем, что он удержался во главе государства после смерти Динамии, он, вероятно, обязан был, как и Асандр, своим талантам правителя и военачальника, а также тому, что на это время падает окончательное крушение завоевательной политики Августа... Риму было достаточно того, что Аспург не претендовал на расширение прав боспорского владыки» (*Ростовцев М. И. Эллинистическое...* С. 149). Чтобы «сохранить лицо», Август вызвал Аспурга в Рим и, возможно, продержал его там несколько лет, но в конце концов либо сам престарелый принцепс, либо уже Тиберий подтвердил его право на трон. Ср.: *Блаватская Т. В. Рескрипты царя Аспурга* // СА. 1965. № 2. С. 197–209; *Она же: Аспург и Боспор в 15 г. н. э.* // СА. 1965. № 3. С. 28–37; *Фролова Н. А. К вопросу о начале правления Аспурга на Боспоре* // ВДИ. 1979. № 1. С. 144; *Heinen H. Festdeutungen der dvaβaοic und der Politik des bosporanischen Königs Aspurgos* // *Hyperboreus*. 1998. Vol. 4. Fasc. 2. S. 340–361; *Idem. Zwei Briefe des bosporanischen Königs Aspurgos (AE1994,1538)* // ZPE. 1999. Bd. 124. S. 133–142.

² *Plin. N. h. IV. 91. См.: Ростовцев М. И. Эллинистическое...* С. 146 сл.; *Она же: Скифия и Боспор*. Л., 1925. С. 10,44; *Голубцова Е. С. Указ. соч.* С. 122. Косвенно подтверждает это и один картографический курьез: город Трапезунт на позднеантичных и ранне-средневековых картах (восходящих к карте Агриппы) почему-то «перенесен» в Северное Причерноморье. По предположению

ния для такого рода «картографической агрессии» были: судя по боспорской монетной чеканке того времени, финансовая система Боспорского царства была поставлена под римский контроль,¹ Боспор был обязан поставлять вспомогательные войска в римскую армию.² Таким образом, успешным решением боспорской проблемы завершилось урегулирование римских дел на Востоке, начатое заключением в 20 г. до н. э. соглашением с Парфией, и Август получил возможность сосредоточить основное внимание на военных приготовлениях к решающему этапу завоеваний в Европе.

3. Новая армия

...После крупных увольнений 14 г. до н. э. вступила в свой завершающий этап военная реформа. Прежде всего она была отмечена новым всплеском военной колонизации, сопоставимым по своим масштабам лишь с демобилизацией 30–28 гг. до н. э.³ Однако если в первом случае массо-

А. В. Подосинова, эта странная традиция связана именно с участием Агриппы в установлении римской власти над Боспором (*Подосинов А. В. Из истории римской картографии* // *История и культура античности*. 3-й научные чтения памяти профессора С. Я. Лурье. Львов, 1990. С. 41–44).

¹ После 17/16 г. до н. э. с боспорских статов исчезает царский портрет, его заменяет изображение Августа на аверсе и, как принято считать, Агриппы на реверсе, золото чеканится анонимно, причем по весу статов соответствует римскому ауреусу.

² Это доказывается достаточно ранней (8–7 гг. до н. э.) надписью из Антиохии Писидийской, упоминающей префекта когорты боспорцев (ILS. 9503).

³ Если в 30–28 гг. до н. э. из армии было уволено 85 тыс. легионеров, в последующие полтора десятилетия (27–15 гг.) —

вое наделение ветеранов землей знаменовало окончание гражданских войн, то во втором, по выражению Ферреро, «было новым знаком собиравшейся грозы».¹ Массовые увольнения резко изменили облик армии — в ней больше не осталось участников гражданских войн.² Ушли те, кому случалось видеть Октавиана в критической обстановке, к кому он в свое время был вынужден обращаться как к боевым товарищам, те, кто знал истинную цену его военным дарованиям. Для более молодых солдат, пришедших на службу уже в годы принципата Августа, авторитет императора был непререкаем. Это должно было гарантировать от внутривластных осложнений в условиях новых завоевательных войн; видимо, именно такого рода соображениями объясняется рискованно большой процент уволенных опытных кадров по отношению к общей численности личного состава легионов (не менее четверти).³

Последнее при Августе массовое наделение ветеранов землей — причем сам он не забыл отметить, что в 14 г. до н. э., как и в 30-м, заплатил бывшим владельцам (RgdA.

50 тыс., то в одном только 14 г. до н. э. — 70 тыс. (*Brunt P. A. Italian Manpower...* P. 341. Cf.: *Cavaignac E. Les effectifs de l'armée d'Auguste*. P. 294).

¹ *Ферреро Г.* Величие и падение Рима. Т. V. Август и великая Империя. М., 1923. С. 39.

² См.: *Brunt P. A. Op. cit.* P. 511. Table XV. По словам Р. Сайма, «легионы были омоложены и дисциплинированы, так как теперь ветераны гражданских войн были устроены в италийских и провинциальных колониях. Свежий материал и лучшая традиция заняли их место» (*Syme R. The Roman Revolution*. P. 389).

³ На парадоксальность массовой демобилизации, которая осуществлялась, несмотря на уже шедшие и только еще запланированные войны, обращает внимание Джоунз (*Jones A. H. M. Augustus. L.*, 1970. P. 66).

16. 1) — было и последним отзвуком установившихся за годы гражданских войн порядков, когда победоносная армия требовала и добивалась земли за счет гражданского населения.

Новый, 13 г. до н. э., принес и новые порядки. По словам Диона Кассия (LIV. 25. 5-6), Август, вернувшись из Галлии в Рим, информировал сенат о новом военном уставе, согласно которому граждане впредь были обязаны служить в армии определенное количество лет — двенадцать для преторианцев и шестнадцать для остальных. Устанавливалась также денежная сумма, которую ветераны должны были получать при отставке вместо земельного надела.

Комментируя эти действия принцепса, Дион полагает, что введение точного срока службы должно было устранить обычный предлог для мятежей. Он же сообщает, что отмена наделения ветеранов землей была с энтузиазмом встречена гражданским населением, которое теперь могло не опасаться за судьбу своих земельных владений, армия же отнеслась к нововведениям спокойно (из последнего видно, что увольнение старых солдат накануне было тактическим ходом, который полностью оправдал себя).

Смысл новшества объяснил еще Ю. А. Кулаковский: «Август снял с государства обязанность обеспечивать каждого ветерана поземельным наделом, которую создали полководцы в период борьбы за *imperium*, но он не имел в то же время никакой надобности ограничивать своих преемников на будущее время, а потому за государством осталось право заменять по своему усмотрению деньги землей».¹

¹ *Кулаковский Ю. А.* Надел ветеранов землей и военные поселения в Римской империи. Киев, 1881. С. 15. М. Грант объясняет эту меру так: «Не каждый солдат мог быть компетентным фермером, поскольку опыт был давно утрачен. Другой причиной

Итак, в определенном смысле 13 г. до н. э. оказался ключевым в развитии римской военной системы, завершив процесс формирования постоянной армии.¹ Возникает естественный вопрос: почему Августом был избран именно этот хронологический рубеж? Обычно на него отвечают так — коль скоро при Республике гражданин был обязан до выхода из призывного возраста участвовать в шестнадцати походах, то принцепс приурочил изменения в военном уставе ко времени, когда солдаты, набранные на службу после битвы при Акции, отслужили по 16 лет.² Соображение выглядит вполне резонным: излишним пиететом перед освященной древностью традицией «сын божественного Юлия» не отличался, хотя для публики и любил выглядеть консерватором доброго старого времени. Так и здесь — традиция не помешала ему установить льготные условия службы для преторианцев или произвольно продлевать, иногда на много лет, пребывание солдат под знаменами уже после выслуги установленного срока. Видимо, связывать определение продолжительности военной службы с ожиданием, пока этот срок не выслужат намерован-

для изменения было желание Августа показать себя добрым республиканцем — земельные пожалования были типичной тягостной особенностью прошедшего дурного периода гражданских войн, так что положить им конец было бы хорошо принятой и популярной мерой» [Grant M. The Army of the Caesars. P. 82).

¹ Ср.: Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. B., 1924. Bd. 1. S. 222 f.; Smith R. E. Service... P. 73; Starr Ch. G. The Roman Empire... P. 18.

² Wright F. Marcus Agrippa. Organizer of Victory. L., 1937. P. 173; Webster G. The Roman Imperial Army... P. 43. Этому благоприятствовала и уже сложившаяся практика: по мнению Р. Смита, в конце Республики солдаты расквартированных в провинциях армий служили максимум по 16 лет (Smith R. E. Op. cit. P. 36).

ные уже в мирное время войны, неверно — в принципе Августу ничто не помешало бы сделать такой шаг в любой момент. И все же год завершения военной реформы был выбран отнюдь не случайно.

Как известно, Август, исходя из долговременных политических соображений, стремился сохранить италийский характер основы римской военной мощи — легионов, и хотя со временем это становилось делать все сложнее, ему это в целом удавалось.¹ Хотя формально сохранялась всеобщая воинская повинность римских граждан, на практике император стремился избегать применения этой непопулярной меры, рассчитывая на приток в армию добровольцев.² Следовательно, Августу в его мобилизационных планах необходимо было прогнозировать наличие ресурсов, на которые он мог рассчитывать при вербовке новобранцев. Несомненно, самым надежным поставщиком новых кадров для армии были колонии ветеранов — и потому, что военная служба там являлась семейной традицией, и из-за того обстоятельства, что «на гражданке» у младших сыновей, особенно в семьях отставных рядовых солдат, не было хороших шансов устроить свою судьбу.

Интересно, с другой стороны, что Август, увольняя в 14 г. до н. э. свыше четверти регулярной армии, должен был иметь уверенность в том, что эту убыль он восполнит в короткий срок именно за счет добровольцев (о чрезвычай-

¹ См.: Парфенов В. Н. К оценке военных реформ Августа // АМА. 1990. Вып. 7. С. 71.

² Ср.: Gardthausen V. Augustus und seine Zeit. Leipzig, 1896. Tl. I. Bd. 2. S. 632 f., 641; Rostovtzeff M. The Social and Economic History of the Roman Empire. Oxford, 1926. P. 42; Stevenson G. H. The Army and the Navy // САН. 1934. Vol. 10. P. 222; Piganiol A. Histoire de Rome. P., 1946. P. 222; Cavaignac E. Op. cit. P. 294.

ных мерах в это время по призыву военнообязанных ничего не известно, в отличие от ситуации, сложившейся в 6—9 гг. н. э.). Причины этой уверенности понятны, если вспомнить о том очевидном факте, что последствием массовой демобилизации конца 30-х - начала 20-х гг. до н. э. должно было стать резкое повышение рождаемости среди определенной категории населения Римской державы.

Экскурс в область демографии необходим, чтобы учесть, что в 14-13 гг. до н. э. сыновья ветеранов гражданских войн как раз вступали или уже вступили в призывной возраст. «Демографический взрыв» начала 20-х гг. до н. э. должен был обеспечить армию резервами на много лет, и это обстоятельство делает понятным, почему уже в 12 г. до н. э. римская внешняя политика резко активизируется: теперь Август рассчитывал, что потери во время боевых действий возможно будет легко компенсировать.

* * *

Второе десятилетие до н. э., начавшись с кровавого подавления восстания кантабров, прошедшее в сопровождении все новых и новых вспышек военных действий, близилось к концу. На востоке державы царило спокойствие, развернутые в западных провинциях вооруженные силы Рима были готовы выполнить приказ. Стратегические предпосылки для полного покорения континентальной Европы были налицо: римские войска стояли на Рейне и Дунае, в тылу у племен юга Восточно-Европейской равнины находился покорный Риму Боспор. Мощный военный

кулак был уже занесен над пока еще свободной Германией, и никакая случайность не могла остановить набирающую обороты машину римских завоеваний.¹

¹ Когда в конце 13 г. до н. э. до Рима дошла информация о готовящемся восстании в Паннонии, туда, несмотря на зиму, был направлен сам Агриппа, облеченный чрезвычайными полномочиями. Узнав о приближении первого полководца Империи, паннонцы сочли за благо отказаться от своих планов, и Агриппа вернулся в Италию, где внезапно заболел и вскоре скончался (*Dio Cass. LIV. 28. 1-3*). Но и его смерть была не в состоянии ничего изменить — разработанный им стратегический план начал воплощаться в жизнь.

ГЛАВА 6

ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА

1. Последние приготовления

Первые военные столкновения римлян и германцев относятся к концу II в. до н. э., когда племена кимвров и тевтонов, разгромив несколько римских армий и наведя ужас на Италию, были в конце концов уничтожены Марией. Галльские войны Цезаря сделали германцев постоянными (и беспокойными) соседями римлян — естественной границей между римскими владениями и свободной Германией являлся Рейн. После Цезаря и до начала кампаний Друза римские войска форсировали эту реку лишь однажды: когда в 38-37 гг. до н. э. Агриппа вел в этом регионе боевые действия против восставших галлов, он, видимо, стремясь покарать их германских союзников, вторгся на правый берег Рейна.¹ Эпизодические столкновения имели место и в 20-е годы до н. э.: в 29 г. Гаю Каррине пришлось

¹ *Dio Cass.* XLVIII. 49. 3. Как показал дендрохронологический анализ, тогда же (38 г. до н. э.) римлянами было заложено новое укрепление на левом берегу Рейна (*oppidum Ubiorum*), позднее ставшее крупным городским центром (совр. Кёльн) (*Doppelfeld D., Biegel A., Bracher J.* *Das römische Köln. I. Ubier-oppidum und Colonia Agrippinensium* // ANRW. 1975. Тl. II. Bd. 4. S. 718 f.).

иметь дело со свевами, поддержавшими восстание галлов, а в 25 г. Марк Виниций совершил карательную экспедицию против германцев, которые убили римских купцов.¹ Новые неприятности, чувствительно задевшие римский престиж, принес 16 г. до н. э.: сугамбры и их союзники узипеты и тенктеры перешли Рейн, разграбили подвластные римлянам территории, разбили Марка Лоллия, наместника этой провинции (взяв при этом орла V легиона), и без особой спешки возвратились к себе на родину.²

Некоторые исследователи полагают, что именно это событие повлекло за собой решение Августа покончить с германской проблемой военным путем.³ Однако можно усомниться в том, что частному эпизоду римско-германских отношений император придавал такое значение, тем более что конфликт с сугамбрами был урегулирован по их же инициативе.⁴ Очевидно, начавшиеся через несколько

¹ *Dio Cass.* LI. 21.6; LIII. 26. 4.

² *Vell.* II. 97. 1; *Suet.* Aug. 23. I; *Dio Cass.* LIV. 20. 4-6. Возможно, поражение Лоллия относится к 17 г. до н. э. К проблеме датировки см.: *Syme R.* *The Northern frontiers under Augustus* // CAH. 1934. Vol. X. P. 360. Note 1.

³ *Hann K.* *Augustus und seine Zeit.* Wien, 1953. S. 155; *Bengtson H.* *Kaiser Augustus.* S. 81.

⁴ *Dio Cass.* LIV. 20. 6. Наличие мирного соглашения, в сущности, подтверждает Гораций в стихотворении, датированном 13 г. до н. э.:

Te caede gaudentes Sygambri

Conpositis venerantur armis.

(«Перед тобой, сложив оружие, склонились кровожадные сугамбры») (*Hor.* *Od.* IV. 14. 51-52).

Р. Сайм вообще отказывается видеть связь между данным инцидентом и прибытием Августа в Галлию (*Syme R.* *Op. cit.* P. 347), но это, конечно, крайность: античные авторы на эту связь указывают.

лет после набега сугамбров германские войны Рима, судя по их масштабу и продолжительности, нисколько не зависели от «мелочей», подобных этой.

Главная цель трехлетнего (16-13 гг. до н. э.) пребывания Августа в Галлии понятна: император и его штаб занимались подготовкой крупномасштабной наступательной войны. Подробности этой грандиозной подготовительной работы источниками отражены слабо, но ясно, что она подразумевала создание системы снабжения действующей армии, переброску войск для концентрации ударной группировки, строительство флота и инженерное обеспечение его выхода в открытое море, сбор информации о противнике и о будущем театре военных действий.¹ Командующим армией вторжения был назначен младший пасынок императора Нерон Клавдий Друз, который после окончания альпийской кампании находился вместе с Августом в Галлии.² Возможно, этот выбор был продиктован таким непредвиденным обстоятельством, как смерть Агриппы: Г. Ферре-

¹ О продуманности и четком функционировании системы снабжения свидетельствуют материалы археологических раскопок крупного (около 54 га) зимнего лагеря, разбитого за Рейном в 11 г. до н. э. Несмотря на кратковременность его существования, туда доставлялись оливы, инжир, виноград, миндаль, даже перец в зернах, не говоря уже о вине в бочках и амфорах (*Kühlborn J.-S. Die Zeit der augusteischen Angriffe gegen rechtsrheinischen Germanenstämme // KAVR. S. 533 f. Vgl.: Ternes C. M. Die römerzeitliche Civitas Treverorum im Bilde der Nachkriegsforschung. I. Von der Gründung bis zum Ende des dritten Jahrhunderts // ANRW. 1975. Tl. II. Bd. 4. S. 336.*

² Когда Август вернулся в Рим, Друз остался во главе новоорганизованной провинции *très Galliae* с резиденцией в Лугдуне и должен был закончить подготовку большой войны против германцев. См.: *Stein. Nero Claudius Drusus // RE. 1899. Bd. 3. Sp. 2709.*

ро убедительно показал, что план завоевания Германии, предусматривавший мощное техническое обеспечение операций и широкое использование флота, носит несомненный отпечаток незаурядной личности Марка Агриппы, который должен был руководить осуществлением этого плана, если бы смерть не постигла его столь неожиданно. Чтобы понять, почему выбор Августа остановился на Друзе, надо учитывать, что пятидесятилетний принцепс постоянно держал в поле зрения вопрос о своем преемнике; внезапная смерть его друга, соправителя и ровесника Агриппы, не только вновь остро поставила эту проблему, но и самым неделикатным образом напомнила Августу, что и он не вечен. В свое время, с рождением у Юлии, единственной дочери Августа, сыновей Гая и Луция и последующим усыновлением императором своих родных внуков, будущее династии казалось гарантированным, пока был жив Агриппа. Его кончина создавала иную династическую ситуацию: если бы столь же внезапно умер и Август, императорскую власть было бы невозможно передать его прямым наследникам из-за их малолетства. Проанализировав династическую политику Августа, Б. Левик предлагает вернуться к созданной в свое время Э. Корнеманом схеме «двойного принципата».² Она полагает, что Август стремился вообще снять проблему наследования императорской власти,

¹ *Феррепо Г. Т. 5. С. 51, 67 сл.* Грандиозное гидротехническое сооружение в низовьях Рейна, названное именем Друза (*fossa Drusiana*) и служившее для обеспечения безопасного выхода флота в открытое море (*Suet. Claud. 1. 2; Tac. Ann. II. 8. 1*), было, видимо, лишь завершено Друзом. См.: *Stein. Op. cit. Sp. 2710.* В таком случае начало строительства «канала Друза» должно быть связано с именем Агриппы.

² *Kornemann E. Doppelprinzipat und Reichsteilung in Imperium Romanum. Lpz.; B., 1930. S. 5-35.*

создав пары правителей — с тем, чтобы освобождавшаяся в старшей паре вакансия автоматически замещалась кем-то из младшей. По ее мнению, до смерти Агриппы эта система выглядела следующим образом: действующую пару властителей составляли Август и Агриппа; «в запасе» были (возможно) Тиберий и Друз, и Гай и Луций Цезари (безусловно).¹ Хотя эта точка зрения безоговорочно принята, к примеру, Ш. Джеймсон,² она, как и любая другая схема, едва ли может претендовать на абсолютное понимание династических планов Августа. По внешнему впечатлению, карьера обоих пасынков принцепса развивалась строго параллельно, причем Тиберий как старший шел с опережением (его консулат относится к 13 г. до н. э., Друза — к 9 г. до н. э.), оба они, и в первую очередь Тиберий, получали все магистратуры досрочно.³ Однако нельзя не учитывать роли того, что можно назвать личностным фактором: к старшему, замкнутому и надменному Тиберию,⁴ Август и тогда, и позже относился достаточно прохладно, тогда как к Друзу он явно благоволил, снисходительно

¹ *Levick B. M. Tiberius' Retirement to Rhodes in 6 B. C. // Latomus. 1972. T. 31. Fasc. 3. P. 761 f; Ead. Tiberius the Politician. L., 1976. P. 31 f; Ead. Drusus Caesar and the Adoptions of A. D.4 // Latomus. 1966. T. 25. Fasc. 2. P. 227 f.*

² *Jameson Sh. Augustus and Agrippa Postumus // Historia. 1975. Bd. 24. H. 2. S. 287.*

³ *Levick B. M. Tiberius the Politician. P. 32; Corbett J. H. The Succession Policy of Augustus // Latomus. 1974. T. 33. Fasc. 1. P. 88 f.*

⁴ *Suet. Tib. 21. 2; Tac. Ann. I. 10. 7.* Возможно, не так уж примитивна точка зрения Н. А. Машкина, считавшего, что до самой смерти Гая и Луция Цезарей Тиберий «всегда занимал второстепенное место» (*Машкин Н. А. Указ. соч. С. 538*).

смотря даже на его республиканские увлечения.¹ Только в отношении Друза принцепс счел возможным официально заявить в сенате, что младший пасынок является его сонаследником вместе с Гаем и Луцием.² Римское общественное мнение видело в Друзе «будущего великого принцепса и уже великого полководца» (*Sen. Cons. ad Marc. 3. 1*). Подлинной причиной предпочтения, которое Август явно оказывал Друзу, были не только его личные качества и ог-

¹ По словам Тацита, много позже у римского народа сохранялась добрая память о Друзе, так как считали, что если бы он пришел к власти, то возвратил бы Риму свободу (*Tac. Ann. 1.33. 2; II. 82. 2*). При жизни формированию такого мнения активно способствовал сам Друз, который открыто заявлял о своем намерении при первой возможности восстановить прежний государственный строй (*pristinum rei publicae statum*) (*Suet. Claud. 1.4*). Светоний сообщает, что Друз даже написал Тиберию письмо, в котором предлагал брату, чтобы они вместе заставили Августа «восстановить свободу»; адресат не замедлил передать это послание самому Августу (*Suet. Tib. 50. 1*). Б. Левик полагает, что Светоний тенденциозно истолковал этот факт, считая выдачу письма свидетельством ненависти Тиберия к Друзу. В действительности же отношения между братьями были превосходными, к тому же Друз не делал из своих взглядов секрета. По мнению Б. Левика, необходимо учитывать, что эта история относится к тому времени, когда оба Клавдия стояли во главе мощных войсковых группировок (Друз в Германии, Тиберий на Балканах), так что их позиция должна была иметь немалый политический вес. «Выдавая предложение Нерона Друзу действовать безотлагательно, Тиберий мог надеяться одновременно умерить автократические тенденции принцепса и обезоружить революционное движение, которое могло привести к гражданской войне, хаосу и деспотизму» (*Levick B. M. Tiberius the Politician. P. 32 f. Cf.: Ead. Tiberius' Retirement... P. 801*).

² *Suet. Claud. 1. 5.* Эпизод явно относится ко времени после смерти Агриппы.

ромная популярность, хотя все это не могло не импонировать принцепсу. Отношение императора к его младшему пасынку необходимо оценивать с учетом одного постоянного фактора в династической политике первого принцепса: «Август, сам лишь приемыш в роде Юлиев, во что бы то ни стало хотел, чтобы наследники его принадлежали к роду Юлиев...».¹ Казалось бы, это не имело отношения к Клавдию Друзу, если не учитывать одного любопытного обстоятельства, которое не особенно тогда и скрывалось: Друз, официальным отцом которого считался Тиб. Клавдий Нерон, в действительности был родным сыном Октавиана.²

Смерть Агриппы четко выделила расстановку фигур в династической партии, которую разыгрывал Август: Тиберий, которому было приказано развестись с дочерью Агриппы и жениться на его вдове,³ должен был выполнять трудную и неблагодарную задачу по подавлению очередного восстания в Паннонии (*Dio Cass.* LIV. 31. 2-4), Друзу же, по выражению современного исследователя, пред-

¹ *Гаспаров М. Л.* «Ибис» и проблема ссылки Овидия // ВДИ. 1977. № 1. С. 119. Правда, Дж. Корбетт подвергает сомнению подобные воззрения, считая, что для Августа старая римская традиция усыновления была важнее, чем кровное родство (*Corbett J. H.* Op. cit. P. 90). Этот скептицизм едва ли основателен, о чем достаточно красноречиво свидетельствует отношение Августа к Гаю и Луцию Цезарям.

² *Suet.* Claud. 1.1. Кровное родство Августа и Друза объясняет, почему Август не женил его на овдовевшей Юлии: та фактически являлась его сводной сестрой, что делало такую матримонциальную комбинацию невозможной.

³ Помолвка состоялась уже в 12-м, брак — в 11 г. до н. э. (*Dio Cass.* LIV. 31.2; 35. 4). Думается, что, пока был жив Друз, этот брак не имел того политического значения, какое он приобрел после 9 г. до н. э.

стояло вести в Германии «молниеносные войны в стиле Александра».¹ Справедливости ради надо отметить, что он действительно подходил для такой роли гораздо лучше, чем медлительный и осторожный Тиберий, так что выбор Августа был оправдан и в этом отношении, хотя сам он считал качества своего старшего пасынка наилучшими для полководца.² Для претворения в жизнь плана германской войны, который предусматривал стремительные марши в глубину вражеской территории, рискованные обходные маневры, короче говоря, умение и желание полководца рисковать, был нужен именно Друз, в котором «горела искра гения Цезаря».³

Назначение Друза на пост командующего армией вторжения показывает, что предстоявшая война преследовала далеко идущие цели. Те историки, которые считают европейскую политику первого принцепса оборонительной в своей основе, утверждают, что германские войны должны были всего лишь обеспечить безопасность Галлии и сократить линию границы, которую римлянам приходилось защищать.⁴ Последовательное применение этого постулата к фактической внешней политике Августа приводит к выводу, граничащему с абсурдом: «Оборона Империи требовала политики агрессивных войн, беспрецедентных в рим-

¹ *Labuske H.* Die Römer am Kimbernkap // *Klio.* 1989. Bd. 71. H. 1. S. 145.

² Ср.: *Suet.* Aug. 25. 4; Tib. 21. 4-6.

³ *Фепперо Г.* Указ. соч. С. 109.

⁴ Ср.: *Фепперо Г.* Указ. соч. С. 45 сл.; *Frank T.* Roman imperialism. N. Y., 1921. P. 351; *Rostovtzeff M.* Gesellschaft... S.48; *Piganiol A.* Histoire de Rome. P. 225; *Meyer H. D.* Die Aussenpolitik... S. 3; *Levi M. A.* Il tempo di Augusto. P. 390; *Grant M.* The Army... P. 61, 103; *Idem.* History of Rome. L., 1978. P. 207.

ской истории».¹ Р. Сайм уверен в наличии «грандиозного плана Августа по завоеванию Центральной Европы»,² суть которого автор гипотезы определил по-военному четко: продвижение римской границы с линии Кёльн — Базель — Вена на рубеж Гамбург — Лейпциг — Прага — Вена.³

Соблазнительное своей простотой и логичностью, это предположение, к сожалению, является «не более чем современной спекуляцией — в античных источниках об этом нет ни единого слова».⁴ П. Брант с полным основанием иронически заметил: нельзя забывать, что в распоряжении Августа не было современных географических карт, один взгляд на которые обнаруживает целесообразность установления римской границы по схеме Р. Сайма.⁵ С другой стороны, противоположной крайностью является точка зрения К. Криста, полагающего, что у Августа вообще не было определенной концепции внешней политики и вытекающих из нее «крупных проектов, твердых планов и стратегических догм» — формирование внешней политики Рима при первом принце было процессом, в котором взаимодействовали «очень разнородные силы» внутри Империи и вне ее, а равнодействующая этих сил складывалась стихийно.⁶ На это можно возразить, что Августу не было необходимости изобретать в этой сфере что-либо

¹ *Heichelheim F. M., Yeo C. A. A History of the Roman People.* P. 268. Cf.: *Rostovtzeff M.* Op. cit. S. 48.

² *Syme R.* *Livy and Augustus.* P. 67.

³ *Idem.* *The Northern frontiers...* P. 353.

⁴ *Bengtson H.* Op. cit. S. 82.

⁵ *Brant P. A.* Rec. in: *Meyer H. D.* *Die Aussenpolitik des Augustus und die augusteische Dichtung.* P. 172.

⁶ *Christ K.* *Geschichte der römischen Kaiserzeit: Von Augustus bis zu Konstantin.* München, 1988. S. 132 f.

принципиально новое — справедливо подчеркнул Г. Д. Мейер, что «претензия на мировое господство... стала составной частью идеологии принципата».¹ Рассмотрение германских войн Августа как раз позволяет оценить степень соответствия теоретических выкладок современных историков конкретным действиям Рима на внешнеполитической арене.

Перед тем как перейти к освещению фактов, относящихся к военно-политической деятельности римлян в Германии, имеет смысл обратить внимание на состояние самого мощного орудия внешней политики — армии — после преобразований 14-13 гг. до н. э.

Как уже упоминалось, после окончания гражданских войн в строю было оставлено 28 легионов, и к началу широкомасштабных боевых действий в Германии их количество не изменилось. Но много это или мало для великой средиземноморской державы? Достаточно давно было высказано убеждение в том, что Август, исходя из внутривнутриполитических и экономических соображений, сознательно «запрограммировал» военную слабость Римской империи; это мнение имеет авторитетных сторонников и в наше время.² Однако в справедливости такого утверждения позволительно усомниться по следующим соображениям.

¹ *Meyer H. D.* *Die Aussenpolitik...* S. 103 f. Правда, этот исследователь считает, что, в отличие от своих современников-поэтов, Август, сознательно насаждая в умах подданных убеждение в том, что он является «покорителем и властелином мира», в то же время понимал всю неосуществимость идеи достижения мирового господства, поэтому его внешняя политика носила оборонительный характер, а европейские завоевания осуществлялись «в рамках его оборонительных планов» (S. 9, 66, 107 f.).

² *Ростовцев М. И.* *Рождение Римской империи.* Пг., 1918. С. 137 сл.; *Gardthausen V.* Op. cit. Bd. I. Tl. 2. S. 642; *Webster G.* Op. cit. P. 44; *Gabba E.* *Per la storia...* P. 43.

Если в конце Республики (ок. 60 г. до н. э.), по подсчетам Р. Смита, в римских провинциях дислоцировалось 14 легионов, то удвоение их количества, даже с учетом новых территориальных приобретений Рима, невозможно объяснить, исходя только из оборонительных потребностей Римской державы — это явно была «армия мирного времени в масштабах времени военного».¹ Еще Г. Дессау подчеркнул, что при Августе штатная численность и боевые возможности легиона значительно возросли по сравнению со временем гражданских войн.² Кроме того, ударная мощь римской армии времени Августа практически удвоилась за счет так называемых вспомогательных сил, по численности примерно равных легионам.³ Наконец, нельзя забывать о наличии «огромной качественной диспропорции между римской армией и ее вероятным противником».⁴ Учитывая все это, трудно спорить с Г. Дессау, пришедшим к заключению, что такая армия «не имела иного права на существование и, по старой традиции, не могла иметь иной цели, кроме прогрессирующего (fortschreitenden) завоевания».⁵ Даже современный стратегический анализ, сделанный профессиональным специалистом в этой области, показы-

¹ Smith R. E. Op. cit. P. 25 f; 71; Cf.: Grant M. Op. cit. P. 58.

² Dessau H. Geschichte der römischen Kaiserzeit. В., 1924 Bd. 1. S. 221.

³ См.: Christ K. Op. cit. S. 114; Grant M. Op. cit. P. 56. М. Грант отмечает, что практика широкого использования ауксилиариев стала привычной за время гражданских войн, Август же усовершенствовал ее и намеренно приравнял их количество к численности легионеров, что, в свою очередь, имело далеко идущие последствия.

⁴ Luttwak E. H. Op. cit. P. 50.

⁵ Dessau H. Op. cit. S. 231. Vgl.: Starr Ch. C. Op. cit. P. 18; Webster G. Op. cit. P. 46; Keppie L. Op. cit. P. 149.

вает, что военная система Августа «была достаточна не только для обороны Империи, но и для поддержания экспансии — крупная войсковая группировка для завоевательных войн могла быть сосредоточена в любой момент...».¹ Первым полигоном для выяснения эффективности этой системы и должна была стать Германия...

2. Восточный поход: европейский вариант

Последовательность действий Друза в кампании 12 г. до н. э., которой началась серия германских войн, занявших всю последнюю четверть века правления Августа, установить довольно сложно: как отметил еще Ферреро, Орозий и Флор, вероятно, вообще пренебрегли событиями этого года, а Дион Кассий явно путает происшедшее в 12 и 11 гг. до н. э.² Между тем именно события 12 г. до н. э. являются ключом к германской политике Августа, так как анализ действий римлян в течение этого года позволяет определить масштабы и цель намеченных ими завоеваний.

Предварительное строительство в низовьях Рейна уже упомянутого «канала Друза» свидетельствует о плановом характере операций 12 г. до н. э. и не позволяет согласиться с И.-С. Кюльборном, который считает, что поход Друза был спровоцирован сугамбрами, отправившимися в новый набег на римские владения.³ В данном случае нет оснований не доверять Диону Кассию, сообщающему, что Друз атаковал германцев при их переправе через Рейн.⁴ Отсю-

¹ Luttwak E. H. Op. cit. P. 50.

² Ферреро Г. Указ. соч. С. 97. Прим. 1.

³ Kühnborn J.-S. Op. cit. S. 531 f.

⁴ Dio Cass. LIV. 32. 1. Ср.: Liv. ep. 139. Оба автора сообщают, что военная активность германцев была связана с волнениями в Галлии, вызванными цензом, который провел перед этим Друз.

да логично заключить, что в этот момент римляне тоже были в положении нападающей стороны и сумели навязать противнику встречный бой в самых невыгодных для того условиях.

О деталях сухопутной кампании этого года можно спорить, но ясно, что она имела место по обе стороны Рейна, однако заняла недолгое время, так как «важнейшим событием 12 года была морская экспедиция». ¹ Если ограничиться имеющейся у Диона Кассия информацией, то придется констатировать, что действия римского флота тоже не отличались особенным размахом: спустившись по Рейну, римляне вышли в Океан (Северное море). Фризы, жившие на побережье, изъявили им свою покорность и должны были сопровождать римские корабли, двигаясь по берегу. ² Затем Друз вторгся в страну хавков и посадил при этом свои суда на мель, так как не учел опасности отлива, незнакомого жителям Средиземноморья. Будучи выручен из беды фризами, он вернулся назад из-за приближения зимы, чем и завершилась кампания этого года (*Dio Cass.* LIV. 32. 2).

Однако имеются веские основания полагать, что сообщение Диона Кассия восходит к традиции, сложившейся в годы принципата Тиберия и намеренно преуменьшавшей достижения Друза. Начало этой традиции мы можем видеть в освещении действий римского флота в германских войнах Веллеем Патеркулом, участником походов Тиберия. Этот автор сообщает, что, когда в 5 г. н. э. сухопутная армия под командованием самого Тиберия достигла Аль-

¹ *Ферреро Г.* Указ. соч. С. 97. Прим. 1.

² Кроме «налога кровью», Друз приказал им выплачивать римлянам подать бычьими шкурами, шедшими на изготовление военного снаряжения (*Tac. Ann.* IV. 72. 1).

биса (Эльбы), то с ней соединился вошедший в реку флот, который прибыл через «неведомое и не исследованное прежде море» (II. 106. 3). Таким образом, хотя офицер штаба Тиберия не мог не знать истинного положения дел, он все же предпочел «ложь in maiorem Tiberii gloriam», приписав своему покровителю честь первого достижения Эльбы морским путем. ¹ Это намеренное искажение истины оказалось живучим — до сих пор принято считать, что именно в 5 г. римский флот впервые достиг этих мест и, в частности, Ютландии, где жили остатки племени кимвров, давних знакомцев римлян. ² При этом упускается из виду, что флоту Тиберия не было ни времени, ни необходимости достигать Кимврского мыса (северная оконечность Ютландии), чтобы войти в устье Эльбы, которое находится западнее этой точки. Если привлечь другие источники, то становится очевидным, что территории кимвров, которые при этом направили к Августу посольство с просьбой простить вину их предков перед римлянами (*Strab.* VII. 2.1), достигла какая-то другая экспедиция, не имевшая отношения к Тиберию. Ее отмечает в списке своих достижений Август, ³ о ней же в своей «Естественной истории» пишет Плиний Старший, ⁴ но ни в том, ни в другом случае имя

¹ *Labuske H.* Die Römer am Kimbernkap. S. 139.

² *Christ K.* Op. cit. S. 129.

³ «Мой флот проплыл через Океан от устья Рейна в восточном направлении до самой области кимвров, которой не достигал до этого времени ни один римлянин ни сушей, ни морем» (*RgdA.* 26. 4).

⁴ «Флот по поручению божественного Августа обогнул Германию до Кимврского мыса, увидел оттуда лежавшее перед ним необъятное море и, как говорят, услышал, что оно простирается до страны скифов и до крайне влажной местности» (*Plin.* N. h. 11. 167).

флотоводца не названо. И только Тацит, отдавая должное отваге римлянина, который едва не достиг северных пределов Европы (где, по слухам, тоже находились столбы Геркулеса), констатирует: «У Друза Германика не было недостатка в смелости, но сам Океан воспротивился исследованию как себя, так и того, что касается Геркулеса. С тех пор на это никто больше не решался, считая, что благочестивее и почтительнее верить в деяния богов, чем постигать их разумом».¹ Информация эта принципиально важна в трех отношениях: во-первых, речь идет именно о Друзе, посмертно получившем имя Германика, а не о его сыне, который был бы назван Цезарем Германиком; во-вторых, Друз, похоже, не собирался на этом останавливаться, но дальнейшему плаванию каким-то образом помешала сама морская стихия; в-третьих, до времени Тацита подобных попыток больше не предпринималось. Таким образом, есть все основания согласиться с Г. Лабуске, доказывающим, что плавание римского флота до Кимврского мыса относится к 12 г. до н. э. и является неотъемлемой частью намеченного Августом плана завоевания Европы.² Цитированные выше слова Плиния Старшего доказывают, что Друз действовал по приказу императора, а отнюдь не по личной инициативе.³

¹ Tac. Germ. 34. 2. Пер. С. П. Моравского.

² Labuske H. Op. cit. S. 138-145. Впрочем, эта мысль не нова. См.: Древние германцы. Сб. док-тов. Сост. Б. Н. Граков, С. П. Моравский, А. И. Неусыхин / Под ред. А. Д. Удальцова. М., 1937. С. 75. Прим. 1.

³ Компетентность Плиния Старшего в германских делах не вызывает сомнений: он был автором капитального (в двадцати книгах) сочинения о германских войнах Рима. Роль Друза интересовала его особенно: Плиний Младший сообщает со слов дяди, что, когда тот проходил военную службу в Германии, ему однажды

Установление точной даты сверхдальней морской рекогносцировки Друза позволяет возвратиться к вопросу о цели германских войн Августа и предположить, что они замышлялись в качестве решающего рывка к мировому господству, уже не фиктивному, а подлинному. Новая война обещала иметь примерно такую же степень трудности, как галльские войны Цезаря. Более того, шансы Августа на успех выглядели гораздо предпочтительнее: в его распоряжении были ресурсы всей огромной державы, кампания была тщательно подготовлена в техническом отношении,¹ римские войска приобрели ценный боевой опыт в Испании и в Альпах, а сильные и слабые стороны германцев на поле боя были со времен Мария и Цезаря хорошо известны.² Плавание Друза должно было подтвердить самые оптимистические прогнозы: когда взорам римлян предстало море, якобы простиравшееся до Скифии (на самом деле это была Балтика), это, казалось, подтверждало мысль о сравнительно небольших размерах той территории ойкумены, что

приснился Друз, который «поручил помнить о нем и просил защитить его от незаслуженного забвения» (*Plin. Min.* Ep. III. 5. 4).

¹ О размахе приготовлений, кроме упомянутых уже фактов, свидетельствуют и такие детали: вдоль Рейна Друз поставил свыше пятидесяти крепостей (*Flor.* II. 30. 26), которые, несомненно, должны были служить базами для операций армии и флота. Как выяснил Н. Рид, не позднее 12-10 гг. до н. э. возникли две связанные между собой военной дорогой военно-морские базы в Бонне (для германского флота) и Булони, причем тот флот, что базировался на берегу Ла-Манша, видимо, сразу же получил многозначительное название Британского (*Reed N. Drusus and the «Classis Britannica» // Historia.* 1975. Bd. 24. N. 2. P. 315—323)

² Ср.: *Caes.* BG. VI. 24. 1; *Strab.* IV. 4. 2; VII. 1.2; *Tac.* Germ. 24. 1.

еще не была завоевана. Если учесть, что на карте Агриппы Каспийское море было обозначено как залив Океана, а расстояние от Рейна до побережья Дальнего Востока составляло всего 3,5 величины протяженности Галлии с запада на восток (около 3300 римских миль безлюдного или малонаселенного пространства),¹ то вполне возможно предположить, что в кампании 12 г. до н. э. Август видел пролог к полному покорению мира.²

Достаточно веским доводом в пользу того, что Августом вынашивался именно такой план, служит внимание, которое уделялось в официальной пропаганде образу Александра Македонского.³ Разумеется, имя Александра было связано с идеей покорения Востока, однако сопоставление Августа с великим македонским завоевателем было возможно и по другой линии: если последний был окружен славой покорителя Востока, власть которого будто бы признали и народы Запада, то принцепс выступал в роли завоевателя Запада, которому без боя подчинились жители Востока.⁴ Упомянутое Светонием изображение Александра на личной печати Августа (*Suet.* Aug. 50) тоже выглядит достаточно многозначительно — Г. Бенгтсон, безусловно, прав, заметив по этому поводу: «В основе здесь лежит Alexander-Ideologie, идея мирового господства».⁵ Но если

¹ См.: *Brunt P. A.* Op. cit. P. 175 f; *Wells C. M.* The German Policy of Augustus. P. 6 f; *Labuske H.* Op. cit. S. 141, 145.

² Дальнее плавание 12 г. до н. э. должно было «прежде всего наметить операционную область. В основу при этом были, несомненно, положены планы мирового господства в стиле Александра» (*Labuske H.* Op. cit. S. 141).

³ См.: *Sidari D.* Problema partico ed imitatio Alexandri nella dinastia giulio-claudia. Venezia, 1982. P. 18-46.

⁴ *Oros.* VI. 21. 19. См. К этому: *Sidari D.* Op. cit. P. 37.

⁵ *Bengtson H.* Kaiser Augustus. S. 306.

Август был римским Александром, так сказать, в теории, то на практике образ действий македонского завоевателя демонстрировал Друз, который и внешне подходил для этого амплуа гораздо больше, нежели пожилой уже Август. Создается впечатление, что Друз прекрасно сознавал это и намеренно подражал Александру как своей отвагой на поле боя (*Suet.* Claud. 1. 4), так и стремлением проникнуть как можно дальше в неведомое.

Таким образом, кампания 12 г. до н. э. имела прежде всего рекогносцировочный характер и, казалось, подтвердила возможность достигнуть восточного предела ойкумены. На следующий, 11 г. до н. э., римляне приступили к последовательному осуществлению стратегического плана Августа. Проведя зиму в Риме, в то время как войска зимовали на своих базах на левом берегу Рейна, весной Друз во главе сухопутной армии вновь пересек Рейн.¹ Цель этого сезона была достаточно ограниченной (не в манере молодого римского военачальника — видимо, он должен был следовать полученным зимой жестким инструкциям Августа, который всегда предпочитал избегать неоправданного риска): подчинение узипетов, тенктеров и хаттов, поэтому боевые действия развернулись на пространстве между Рейном и Везером. Без неожиданностей, однако, не обошлось: Друз все же «перевыполнил задание». Воспользовавшись тем, что сугамбры ушли в поход на хаттов, которые отказались вступить с ними в союз, римская армия, не встречая на пути серьезного сопротивления, вторглась

¹ Нарративные источники по реконструкции событий этого года: *Flor.* II. 30.23; *Dio Cass.* LIV. 33.1-4; *Oros.* VI. 21.5. В этот и последующие годы война шла главным образом на суше, действия флота, о которых источники, как правило, умалчивают, явно играли вспомогательную роль.

на территорию племени херусков. Друз повернул назад лишь от Визургиса (Везера), и то, по словам Диона Кассия, только из-за нехватки продовольствия и приближения зимы.

На обратном пути римляне постоянно подвергались нападениям из засад и однажды едва не были истреблены полностью, но дисциплина и организованность выручили их — рискнувшие вступить в большое сражение германцы были разбиты. Этот контрудар был настолько ошеломляющим, что Друз, как сообщает Дион Кассий, счел возможным основать за Рейном два укрепления, одно из которых должно было держать под контролем сугамбров, другое — хаттов.¹ Тот факт, что римляне впервые оставили гарнизон на зиму во вражеской стране, доказывает, что стратегическая ситуация в это время стабилизировалась.²

10 г. до н. э. обещал быть тревожным, причем настолько, что во время боевых действий за Рейном Август вместе с Тиберием находился в Галлии, ожидая вероятного германского контрнаступления (*Dio Cass.* LIV. 36. 3). Столь серьезный прогноз был сделан, очевидно, потому, что римляне получили сведения о том, что несколько германских племен объединились и противопоставили силу силе.³

¹ *Dio Cass.* LIV. 33. 4. Можно согласиться с мнением, что уже упоминавшийся постоянный лагерь у Оберадена (в месте слияния Липпе и Сесеке) был первым из этих укреплений (*Schnurbein S. Die Archäologie der augusteischen Feldzüge nach Germanien // Altertum, 1989. Bd. 35. N. 2. S. 97*). Этот лагерь, рассчитанный на два легиона, был, как показывает дендрохронологический анализ остатков укреплений, разбит в конце лета или осенью 11 г. до н. э.

² *Kühlborn J.-S. Op. cit. S. 533.*

³ Видимо, к кампании 10 г. до н. э. относится сообщение Флора о союзе херусков, свевов и сугамбров, которые при заключе-

Хотя эти тревожные ожидания не сбылись — новая кампания принесла новые успехи римскому оружию — блицкриг за Рейном явно не получался: сопротивление германцев носило ожесточенный характер, несмотря на то, что римляне предавали все на своем пути огню и мечу, порой война принимала характер настоящего геноцида.¹ Несомненно, римская жестокость была вполне сознательной и должна была подавить волю противника к сопротивлению. Похоже, временный эффект такой способ ведения войны все же возымел, что позволило Друзу на следующий год предпринять беспрецедентный по дерзости рейд в глубинную вражеской территории.

Подробный анализ последней кампании Друза, предпринятый Д. Тимпе, привел германского исследователя к предположению о том, что, кроме армии самого Друза, за Рейном на этот раз действовала еще одна римская войсковая группировка под командованием одного из его легатов. Таким образом, наступление 9 г. до н. э. представляло собой попытку захватить противника в клещи (*das Zangenangriff*) — «хорошо знакомую для времени Августа и вообще для ранней Империи стратегему».² Надо отметить, что этот стратегический прием, целью которого было окружение и уничтожение живой силы противника, был перед германскими войнами хорошо отработан в горах Испании и в Альпах. В данном случае его применение явно означало, что 9 г. до н. э. должен был принести решающий успех в деле покорения Германии.

нии договора заранее определили долю добычи каждого племени (II. 30. 24).

¹ Ср.: *Tac. Germ.* 37.4; *Oros.* VI. 21. 15.

² *Timpe D. Drusus' Umkehr an der Elbe // RM. 1967. Bd. 110. N. 4, S. 303,*

Противостоял римлянам тот же противник, что и в кампании предыдущего года — хатты, свевы и херуски. Последние находились на направлении главного удара, и их покорение должно было ознаменовать торжество Рима на всей территории Германии.

Военные действия 9 г. до н. э. носили, как подчеркивает Дион Кассий, исключительно ожесточенный характер и сопровождались большими потерями с обеих сторон; Друз, сея на своем пути смерть и разрушения (πάντα λорυόν), продвигался все дальше на восток (*Dio Cass.* LV. 1.2). Однако, хотя свевы подчинились Риму, херуски, как полагает Д. Тимпе, уклонились от решающего столкновения, и Друз безрезультатно преследовал их до самой Эльбы.¹ Отказавшись по какой-то причине от форсирования реки, он двинулся назад к Рейну. По пути молодой полководец очень неудачно упал с лошади: результатом был сложный перелом бедра и, очевидно, гангрена, которая послужила причиной смерти.²

Причина прекращения победоносного марша Друза на восток интриговала античных авторов и продолжает занимать современных исследователей. У античных историков объяснение этого факта облечено в мифологическую форму. По словам Светония, Друзу явился «призрак женщины-варварки, более величественный, чем свойственно человеку, и на латинском языке запретил победителю продвигаться далее вперед» (*Suet.* Claud. 1. 2). Дион Кассий сообщает, что «ему явилась некая женщина, более величественная, чем свойственно человеческой природе, и ска-

¹ *Timpe D.* Op. cit. S. 304.

² Друз умер 14 сентября 9 г. до н. э. в возрасте 29 лет. Перечень источников, сообщающих об этом событии, дает Штайн (*Stein.* Op. cit. Sp. 2715).

зала: "Куда же ты спешишь, ненасытный Друз? Не суждено тебе познать абсолютно все. Но уходи — ведь уже близится конец твоим подвигам и самой жизни"» (*Dio Cass.* LV. 1.3).

Это явление римскому полководцу чужеземного божества не раз было предметом рассмотрения в научной литературе.¹ По мнению Д. Тимпе, в трактовке окончания похода Друза отчетливо прослеживается уподобление молодого римского военачальника Александру Македонскому: здесь и воздвигнутый в знак завершения похода трофей на берегу Эльбы (наподобие алтарей на Гифасисе), и употребление в обращении загадочной женщины к Друзу определения *αχόρεστος* («ненасытный») — типичного для исторической традиции, негативно оценивающей Александра. По мнению исследователя, «контекст и слова не оставляют никакого сомнения в критическом, порицающем смысле избранной параллели. Таким образом, Друз является ненасытным завоевателем, которому присуще опасное отсутствие такой добродетели, как чувство меры; юным героем, ранняя и внезапная кончина которого на вершине успеха явно выдавала роковое внутреннее сходство с македонским царем».² Эта мысль Д. Тимпе, безусловно, справедлива, и к его подбору системы аналогий Друз—Александр можно добавить примечательно *καὶ ἄρ σοι* («ведь и у тебя») оригинала в обращении к Друзу загадочного призрака. Можно согласиться с германским коллегой и в том, что мнение о «ненасытности» Друза сложилось в историографии в годы принципата Тиберия, будучи экстраполяцией на уже далекие годы начала германских войн неодобрительного отношения принцепса к действи-

¹ К библиографии вопроса см.: *Timpe D.* Op. cit. S. 290. Anm. 4.

² *Timpe D.* Op. cit. S. 291; Vgl.: *Labuske H.* Op. cit. S. 144.

ям Германика.¹ Римское общественное мнение, напротив, смотрело на Друза и его старшего сына совсем по-иному; трагический смысл сходству Друза с македонским завоевателем придает не молодость римского «двойника» Александра, не блестящие достижения и популярность, а неожиданная смерть на вершине военного счастья и славы. Печальная участь Друза и его фамилии дала основание для горького замечания Тацита о том, что «недолговечны и несчастливы любимцы римского народа».²

Обосновывая решение Друза отказаться от форсирования Эльбы, Д. Тимпе полагает, что к прекращению похода римского командующего могли побудить позиция армии и мнение штаба: войска не хотели воевать на краю света, а военные специалисты считали продолжение кампании непростительным легкомыслием.³ Однако эта гипотеза не подтверждена вескими доказательствами, и думается, что не следует преувеличивать как степень самостоятельности Друза в его планах и действиях, так и его влияние на Августа.⁴ В настоящее время следует решительно отказаться от устаревшего взгляда на политику первого принцепса, согласно которому Август отличался лишь осторожностью, медлительностью да осмотрительностью: как справедливо заметил П. Брант, человека, который в девятнадцать лет дерзнул включиться в борьбу за единоличную власть, а в тридцать два добился ее, можно упрекнуть в чем угодно,⁵ но только не в недостатке решительности и отваги.

¹ *Timpe D.* Op. cit. S. 294.

² *Tac. Ann.* II. 41. 3 (пер. А. С. Бобовича).

³ *Timpe D.* Op. cit. S. 294, 304 f.

⁴ Особенно рельефно это преувеличение выступает у Г. Лабуске, полагающего, что вместе с Друзом «была похоронена и его германская политика» (*Labuske H.* Op. cit. S. 144).

⁵ *Brunt P. A.* Op. cit. P. 176.

Император был не из тех людей, что легко поддаются чьему бы то ни было влиянию, и можно не сомневаться, что Друз должен был действовать в соответствии с планами Августа, а не наоборот. Косвенным, но, думается, надежным свидетельством тому являются ежегодные, по завершении каждой военной кампании, возвращения Друза в Рим, где Август, несомненно, принимал у него отчет и снабжал инструкциями на предстоявший сезон.¹

Об усиленном внимании, которое Август уделял германским войнам, свидетельствует и тот факт, что во время кампаний 10-9 гг. до н. э. он находился вблизи театра военных действий.² Наконец, отказ Друзу в титуле императора, несмотря на уже состоявшуюся аккламацию, тоже наглядно демонстрирует понимание принцепсом значения этой войны.³

* * *

Неожиданная смерть Друза явилась тяжелым ударом для Августа и потому, что она стала очередным потрясением для столь заботливо соорудившейся и, казалось, обладавшей многократным запасом прочности династической конструкции, и из-за невозможности найти ему равно-

¹ 12 г. до н. э. — *Dio Cass.* LIV. 32. 3; 11 г. — *Dio Cass.* LIV. 33. 5; 10 г. — *Dio Cass.* LIV. 36. 3.

² *Dio Cass.* LIV. 36. 3-4; LV. 2. 1.

³ Вместе с тем, если Тиберию за подавление восстания 12 г. до н. э. в Паннонии Август позволил лишь триумфальные отличия, запретив уже вотируванный сенатом триумф (LIV. 31. 4), то Друз, кроме триумфальных отличий, был удостоен овации и получил проконсульские полномочия сразу после претуры (*Dio Cass.* LIV. 33. 5).

ценную замену в командовании действовавшей на территории Германии армией. Но император вовсе не собирался отказываться от по-прежнему маячившей на горизонте глобальной цели. Правда, походы Друза показали, что единственного мощного рывка для достижения мирового господства оказалось недостаточно — до возобновления экспансии необходимо было закрепить римское господство между Рейном и Эльбой. В этом отношении смерть Друза была символична: она ознаменовала переход к новому этапу германской политики Рима, на котором блестящие импровизации в стиле Александра и Цезаря должны были уступить место планомерному освоению захваченной территории.

ГЛАВА 7

КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ

1. Тиберий в Германии (1)

После пышных похорон Друза на должность главнокомандующего римскими войсками в Германии был назначен его старший брат (*Dio Cass.* LV. 6. 5). Первые действия Тиберия на новозавоеванной территории показали, что, хотя цель римской политики не изменилась, методы ее достижения стали более гибкими. Локализована была и выполняемая задача — Август запретил своим полководцам переходить Эльбу, опасаясь, что в противном случае племена по обе стороны реки могут объединиться в борьбе против римлян (*Strab.* VII. 1. 4). Разумеется, запрет этот не мог не носить временного характера, и его следует отнести к периоду непосредственно после смерти Друза.¹

Находясь в Германии, Тиберий, кроме карательных экспедиций, предпринял переселение 40 тыс. германцев на левый берег Рейна.² За ходом дел в Германии внимательно наблюдал Август, находившийся в это время в Галлии.

¹ По мнению Г. Лабуске, он «может относиться только к ситуации 8 г. до н. э.» (*Labuske H.* Op. cit. S. 144).

² *Suet.* Aug. 21. 1; *Tib.* 9. 2; *Strab.* IV. 3. 4; *Tac.* Ann. II. 26. 3; XII. 39. 2; *Oros.* VI. 21. 24; *Eutrop.* VII. 9.

Стремясь обезглавить то упорное сопротивление завоевателям, что неизменно оказывали зарейнские племена, римляне не брезговали и прямым вероломством. Так, когда уstraшенные размахом новых военных приготовлений Рима германцы направили к Августу послов для заключения мира, Август отказался вести переговоры, пока на них не будут представлены и сугамбры; когда же прибыли послы и от тех (а это были представители племенной верхушки), то они были схвачены и интернированы в разных городах на римской территории, после чего покончили с собой (*Dio Cass. LV. 6. 2-3*).

Многие детали военно-административной деятельности Тиберия в Германии неизвестны, но ясно, что она была достаточно эффективной: страна, казалось, надолго успокоилась, и Август счел ее покорение завершенным. Об этом убедительно свидетельствует целый ряд политических акций, предпринятых принцепсом: он сам и Тиберий были провозглашены императорами, Тиберию было дано разрешение отпраздновать триумф (он состоялся в январе 7 г. до н. э., после вступления Тиберия в должность консула), войска получили денежные награды, Август расширил территорию столицы и согласился на переименование месяца секстилия в свою честь.¹ Особенно показателен здесь перенос померия — на это имел право лишь тот, кто расширил пределы Римской державы. Иначе говоря, этот акт недвусмысленно свидетельствовал о полном и окончательном завоевании территории между Рейном и Эльбой.

¹ *Dio Cass. LV. 6. 4-6; 8. 1-2; Vell. II. 97. 4; Suet. Tib. 9. 2-3*. Дион Кассий отмечает, что раздача денег войскам была связана с представлением армии Гая Цезаря, старшего внука Августа. Но в данном случае важно то, что она явно входила в общий комплекс праздничных мероприятий.

Изменение военно-политической ситуации в Германии прослеживается и археологически. Самый крупный из римских военных лагерей времени Августа, лагерь у Оберадена, разбитый Друзом в 11 г. до н. э., был оставлен римлянами в 8 или 7 г. до н. э.¹

С. Шнурбайн усматривает несомненную связь между практически одновременным оставлением римскими войсками, кроме Оберадена, небольшого (3,3 га) лагеря Рёдген на Веттерау и крупного (минимум 12 га) лагеря в Данштеттене на Верхнем Рейне: «Для разделенных по прямой примерно пятьюстами километрами римских опорных пунктов обнаруживается близкая по времени дата эвакуации, что с полным основанием приводит к выводу о грандиозном, охватившем все стоявшее в Германии войско мероприятии, которое должен был начать Тиберий после принятия на себя главнокомандования».² По словам Веллея

¹ Еще недавно Д. Тимпе полагал, что лагерь был уничтожен сугамбрами в 10 или 9 г. до н. э., когда Друз предпринял поход против хаттов (*Timpe D. Drusus' Umkehr... S. 299 f.*). Однако предпринятое в последнее время тщательное археологическое исследование остатков лагерных сооружений не оставляет сомнения в том, что лагерь был эвакуирован самими римлянами после планомерного приведения его в негодность. Наиболее вероятно, что это произошло в 8 г. до н. э.: задачей расквартированных там войск было удержание в повиновении племени сугамбров. Когда те были переселены Тиберием на другой берег Рейна, лагерь утратил свое военное значение. Нумизматические данные подтверждают кратковременность его существования (*Kühlborn J.-S. Op. cit. S. 534; Schnurbein S. Op. cit. S. 96 f.*). Но в принципе возможно, что войска ушли оттуда и на следующий год, когда в Германии вновь появился Тиберий в связи с обострением там ситуации (см.: *Dio Cass. LV. 8. 3*).

² *Schnurbein S. Op. cit. S. 98 f.*

Патеркула (II. 97. 4), Тиберий в это время почти добился приведения Германии в положение обычной провинции (*in formam praene stipendiariae redigeret provinciae*). Однако передислокация войск должна была не только обеспечить более надежную оккупацию междуречья Рейна и Эльбы: хотя из маршевых лагерей и опорных пунктов римлян в этом регионе пока найдена лишь малая часть (большие надежды сейчас возлагаются на аэрофотосъемку), общая картина представляется достаточно очевидной: армия передвигалась ближе к очередному театру военных действий. Наступательный характер римской военной доктрины этого времени подтверждается даже конструкцией легионных лагерей и фортов — они строились исключительно из дерева, земли и кирпича-сырца, т. е. имели временный характер, а само их расположение отвечало целям дальнейшего наступления. По словам К. Уэллса, тогда римские командирующие еще не думали о строительстве линий оборонительных сооружений — у них полностью отсутствовал «психологический комплекс "линии Мажино"» (*the Maginot line mentality*).¹

Немедленный переход в наступление, тем не менее, не предусматривался: на примере кампаний 12-9 гг. до н. э. римляне убедились, что новый мощный натиск требовал как минимум столь же фундаментальной подготовки, а также спокойствия на других границах Империи.

2. Родосский изгнанник

В последнее десятилетие до н. э. положение на Востоке осложнилось, что было чревато нарушением баланса сил, признанного римско-парфянским соглашением 20 г.

¹ Wells C. M. *The German Policy of Augustus*. P. 246 f.

до н. э., и ставило под угрозу всю программу дальнейших завоеваний Рима. Изменение ситуации было вызвано в основном постепенным уходом Армении из-под римского контроля. Чтобы исправить положение, Август вознамерился направить на Восток Тиберия, предоставив ему перед тем трибунскую власть на пятилетие.¹ Однако Тиберий, вместо того чтобы урегулировать дела на Востоке и вновь заняться европейскими, неожиданно заявил о своем намерении удалиться в частную жизнь и, с большим трудом добившись разрешения Августа, отправился в добровольное изгнание на облюбованный им давным-давно Родос. О причинах столь неожиданного поступка строили предположения уже древние авторы,² но сама история продолжает оставаться темной. Политические последствия шага, который мгновенно низвел второго в государстве человека до положения фактического изгнанника, серьезно опасавшегося за свою жизнь (*Suet. Tib. 11.2*), были очень важны, поэтому проблема добровольной отставки тридцатилетнего Тиберия не могла не заинтересовать исследователей. Некоторые из них предпочитают придерживаться античной традиции. Так, М. Гельцер, констатируя, что в свое время римская публика предполагала все, что приходило ей в голову, сам считает главной причиной происшедшего ненависть Тиберия к Юлии.³ Дж. Корбетт, полагая, что отчасти решение Тиберия действительно можно объяснить раздором с Юлией, склоняется к тому, что пасынок императора был искренен, ссылаясь на свою усталость от службы и желание отдохнуть: «Если учесть его энергичную деятельность и несчастливый

¹ Vell. II. 99. 1; Suet. Tib. 9. 3; Dio Cass. LV. 9. 4.

² Vell. II. 99. 2; Suet. Tib. 10. 1-2; Dio Cass. LV. 9. 5-8.

³ Gelzer M. Iulius (Tiberius) // RE. 1917. Bd. X. 1. Sp. 485.

брак, мы действительно не можем не принимать во внимание такую возможность».¹ П. Саттлер предположил, что Тиберий удалился из-за нежелания Августа усыновить его.² Однако всем этим соображениям возможно противопоставить достаточно веские контраргументы. Так, Р. Сигер указывает, что уход Тиберия от дел объяснять разрывом с Юлией нельзя уже потому, что к тому времени он был уже свершившимся фактом, так что Тиберию не было никакой необходимости удалиться на Родос, чтобы избежать ее.³ Обидеться на то, что Август не усыновлял его, Тиберий не мог уже потому, что, во-первых, подобное усыновление противоречило бы римскому праву, так как Тиберий был мужем дочери Августа, а, во-вторых, усыновление поставило бы Тиберия в положение других приемных детей принцепса, т. е. несовершеннолетних Гая и Луция.⁴

Причиной столь неожиданного шага Тиберия едва ли могло стать его недовольство собственным положением, как предполагалось прежде.⁵ Б. Левик обоснованно указывает, что к 6 г. до н. э. он занял положение, с которого его не мог сместить никто (зять принцепса, обладатель *tribunicia potestas* и *imperium maius* над восточными провинциями), и в случае внезапной смерти Августа, бесспорно, унаследовал бы принципат, особенно если учесть, что он был

¹ Corbett J. H. The Succession Policy... P. 91.

² Sattler P. Julia und Tiberius // Augustus. Hg. v. Schmitthenner W. Darmstadt, 1969. S. 486 f. По словам Диона Кассия, некоторые авторы считали причиной удаления Тиберия именно то, что он «не был назван Цезарем», т. е. усыновлен Августом (*Dio Cass.* LV. 9. 7).

³ Seager R. Tiberius. P. 31.

⁴ Levick B. M. Tiberius' Retirement... P. 782.

⁵ Fitzler K., Seeck O. Iulius (Augustus) // RE. Bd. X. 1. Sp. 364; Vgl.: Jones H. S. The Principes // CAH. Vol. X. P. 155.

хорошо известен войскам на Рейне и Дунае.¹ Таким образом, вопрос остается открытым, и в новейшей историографии наблюдается явная тенденция к использованию уже предложенной когда-то гипотезы. В свое время Г. Ферреро счел причиной ухода Тиберия в частную жизнь интриги «партии Юлии», в результате которых 14-летний Гай Цезарь был в том же 6 г. до н. э. избран консулом, правда, с пятилетней отсрочкой вступления в должность.² Б. Левик добавляет к этому, что политические интриги Юлии и ее окружения внешне выразились, с одной стороны, в стремлении скомпрометировать Тиберия перед Августом, а с другой — в экстраординарном возвышении Гая Цезаря с нарушением «правил игры» — установленной самим же принцепсом системы наследования.³ Р. Сигер согласен с тем, что стержнем этого дела были взаимоотношения Тиберия с его пасынками, особенно старшим, и полагает, что столь экстравагантным образом Тиберий попытался гарантировать себе безопасность в будущем: либо доказав свою незаменимость для государства этой своеобразной забастовкой, либо, если Гай Цезарь против ожиданий быстро освоился бы на политической авансцене, показав ему свою полную лояльность и отсутствие честолюбия.⁴

Как бы там ни было, не приходится сомневаться, что Август был категорически против «отставки» Тиберия, как, впрочем, и в непреклонной решимости последнего добиться своего — вплоть до объявления голодовки (*Suet.* Tib. 10. 2). Позиция Августа понятна: уход от дел его пасынка де-

¹ Levick B. M. Op. cit. P. 782.

² Ферреро Г. Указ. соч. С. 140-146.

³ Levick B. M. Op. cit. P. 786-794; Ead. Tiberius the Politician. P. 38 f.

⁴ Seager R. Op. cit. P. 30 f.

лал невозможным продолжение программы завоевания мира — по уже изложенным соображениям руководить этим предприятием мог только представитель императорского дома. Смерть Друза, малолетство Гая и Луция Цезарей, возраст и здоровье самого Августа делали в этот момент Тиберия личностью в полном смысле слова незаменимой. Его добровольное изгнание, внешне труднообъяснимое, произошло при полном осознании им этого факта и, по сути дела, являлось хорошо замаскированной попыткой шантажировать принцепса.¹ Хотя причины и цели поведения Тиберия можно определять по-разному, одно обстоятельство совершенно очевидно: оба — и Август, и Тиберий — прекрасно понимали друг друга. То, что принцепс не пошел на уступки, продемонстрировало — расчет Тиберия оказался неверен: даже ради поддержания темпов осуществления внешнеполитической программы Август не был намерен жертвовать своими династическими принципами. Более того, сам факт, что самоустранение Тиберия действительно болезненно сказалось на внешнеполитическом положении Рима (*Vell.* II. 100. 1), сделал позицию Августа еще более жесткой и непримиримой: отныне его пасынок, потенциальная угроза Гаю и Луцию Цезарям, должен был навсегда распрощаться с политикой. Высокий престиж Тиберия в армии и административном аппарате государства (военные и администраторы разных рангов, от центу-

¹ Это заметил уже Ферреро: «Он знал, что был единственным генералом, способным руководить германской политикой, и рассчитывал, что, не будучи в состоянии обойтись без него, скоро придут умолять его вернуться, и тогда он будет в состоянии поставить свои условия» (*Ферреро Г.* Указ. соч. С. 143). См. также: *Jakov-Sonnabend W.* Tiberius auf Rhodos: Rückzug oder Kalkül? // *Rom und der griechische Osten. Festschrift für Hatto H. Schmitt zum 65. Geburtstag.* Stuttgart, 1995. S. 113-116.

риона до проконсула, считали своим долгом, направляясь на Восток, нанести визит на Родос) только усугубил подозрительность императора.¹ А когда Тиберию после семи лет пребывания на Родосе, ссылки, которая из добровольной стала принудительной, было наконец разрешено вернуться в Рим, то неперенным условием его возвращения был полный запрет на политическую деятельность.

3. Судьба династии

На годы опалы Тиберия приходится затишье в Германии: начиная с 6 г. до н. э. римская активность в этом регионе, несмотря на исключительно благоприятную военнополитическую конъюнктуру, резко упала. Правда, было одно исключение — между 5 г. до н. э. и 1 г. н. э. (точная дата неизвестна) Домиций Агенобарб первым и последним из римских полководцев перешел Эльбу, заключил союз с местными племенами и даже попытался ввести среди них культ Августа.² Этот поход имел рекогносцировочный характер (Дион Кассий специально указывает, что сражений с германцами не было за всю экспедицию) и был явно санкционирован Августом.³

Возможно, смысл этого мероприятия заключался в том, чтобы служить прелюдией к возобновлению завоевания Европы, но только после возвращения Гая Цезаря с Востока и принятия им на себя главнокомандования на Западе. Но Гаю Цезарю не суждено было вернуться живым, а

¹ Ср.: *Vell.* II. 99. 4; *Suet.* Tib. 12. 2-3.

² *Dio Cass.* LV. 9. 1; *Tac. Ann.* IV. 44. 2.

³ Полководец получил за свою деятельность триумфальные отличия (*Suet.* Ner. 4), следовательно, Август был доволен ее результатами.

когда дела на Востоке, казалось, грозившие большой войной (*Dio Cass.* LV. 10a. 3), были улажены, момент оказался упущенным: германские племена, которые восстановили свой военный потенциал за годы затишья, восстали вновь (они и до этого плохо мирились с римским диктатом — тому же Домицию Агенобарбу при возвращении с Эльбы не удалось навязать херускам их изгнанных соплеменников, очевидно, проримски настроенных аристократов. Эта дипломатическая неудача, в свою очередь, негативно сказалась на римском престиже в Германии).¹

Грандиозное восстание, казалось, окончательно покоренных племен, выразительно названное участником его подавления «огромной войной» (*Vell.* II. 104. 2), неожиданно оказалось связанным с радикальной переменой династической ситуации в Риме и, вероятно, повлияло на окончательный выбор Августом своего преемника...

...В полном соответствии с римской традицией во времена Августа необходимым компонентом «имиджа» государственного деятеля продолжала оставаться военная слава. Искусственно сконцентрировав ее на членах императорского дома, отведя роль простых исполнителей остальным военачальникам, сколь бы талантливы они ни были, Август все же должен был заботиться о хотя бы минимальном соответствии юных «принцев крови» необходимым критериям. Отсюда усиленное внимание именно военной стороне карьеры Гая и Луция Цезарей (приоритет отдавался Гаю как старшему, но брат шел по его стопам, точно повторяя все ступени его *cursus bonogum*).

С другой стороны, армия приучалась видеть в них своих будущих руководителей — это настойчиво внедрялось в ее сознание отработанными до совершенства методами

¹ *Dio Cass.* Loc. cit.; Comp.: *Tac. Ann.* I. 63. 4.

официальной пропаганды.¹ Но реализация честолюбивых замыслов Августа в отношении приобретения его внуками необходимого опыта военного и политического руководства завершилась трагически: смерть уносит обоих в течение всего лишь полутора лет.²

Луций умер в Массилии, когда направлялся к армии в Испанию, а Гай скончался по пути с Востока в Италию якобы от раны, полученной во время военных действий в Армении. Уже тогда молва настойчиво обвиняла в смерти обоих юношей их мачеху Ливию, мать Тиберия, и ставила в связь возвращение последнего с Родоса со скоростижным устранением его главных соперников.³ При современном состоянии источников подтвердить или опровергнуть это обвинение невозможно — уход в небытие Гая и Луция Цезарей, освободивший Тиберию дорогу к принципату, скорее всего, навсегда останется покрытым тайной.

Прямая связь между смертью внуков принцепса и усыновлением Тиберия Августом несомненна — даже Веллей Патеркул считает необходимым подчеркнуть, что при жиз-

¹ Разумеется, мы можем судить об этом лишь по уцелевшим фрагментам. Кроме золотой и серебряной монеты (как известно, основная масса денежных эмиссий из благородных металлов шла на выплаты войскам и на внешнюю торговлю), это, к примеру, бронзовая накладка, некогда украшавшая лицевую сторону ножен меча и найденная в Бонне. Миниатюрный (высотой 8,3 см) рельеф изображает женщину между двумя юношами, одетыми в панцирь и *paludamentum* (KAVR. S. 559. Nr. 385). Эти персонажи убедительно идентифицируются с дочерью Августа Юлией Старшей и ее сыновьями Гаем и Луцием Цезарями.

² ILS. 139-140; *Vell.* II. 102. 2; *Suet.* Aug. 65. 1; Tib. 15.2; *Tac. Ann.* I. 3. 3; *Dio Cass.* LV. 10. 9.

³ *Tac.* Loc. cit.; *Dio Cass.* LV. 10. 10. По Тациту, смерть Гая и Луция объясняется «судьбой или же злой звездой мачехи Ливии».

ни Гая и Луция это было невозможно.¹ Вынужденность такого шага Август констатировал и во время самой церемонии усыновления, заявив (Веллей Патеркул, вероятно, присутствовавший при этом, сохранил подлинные слова императора): «Я делаю это ввиду государственной необходимости».² Наконец, даже в завещании, составленном за год с небольшим до смерти, принцепс указал, что Тиберий стал его преемником лишь вследствие утраты законных наследников принципата: «Так как злая судьба лишила меня моих сыновей Гая и Луция, наследником моим... пусть будет Тиберий Цезарь» (*Suet. Tib.* 23).

Вместе с тем Август явно стремился показать, что он в данном случае стоит выше личной антипатии (которую он и тогда не особенно скрывал: см.: *Tac. Ann.* I. 10. 7) и руководствуется прежде всего интересами Рима. Решающим соображением стало то, что Тиберий из всех членов императорского дома был наиболее подготовлен к роли принцепса, накопив большой военной и вообще жизненный опыт (*Tac. Ann.* I. 4. 3).

Правда, Август сделал последнюю попытку обмануть судьбу, усыновив одновременно с Тиберием и своего последнего внука Агриппу Постума, родившегося у Юлии уже

¹ По словам этого автора, лично и достаточно хорошо знавшего Тиберия, Август хотел усыновить последнего сразу же после смерти Луция и еще при жизни Гая, от чего Тиберий наотрез отказался (II. 103.3). Вполне возможно, что, если Тиберий знал о неизбежной близкой смерти соперника, то ничем не рисковал, демонстрируя этим отказом свою скромность и отсутствие амбиции.

² Нос... rei publicae causa facio (*Vell.* II. 104. 1). Светоний повторяет ту же формулу: Rei publicae causa adoptare se eum, pro concione iuraverit... (*Suet. Tib.* 21. 3).

после смерти Марка Агриппы. Кроме того, он приказал Тиберию усыновить Германика, сына покойного Друза.¹

Дион Кассий видит причину введения Германика в фамилию Цезарей в опасении Августа утратить свое могущество после возвышения Тиберия — речь идет даже о возможности военного мятежа под руководством последнего. Но подобное объяснение явно отражает личный опыт автора, жившего в начале эпохи «солдатских императоров». Ближе к истине Тацит, который видел в этом приказе Августа стремление подстраховать будущее династии.

Возможно, это решение Августа диктовалось и соображениями дальнего прицела: Германик был женат на Агриппине, родной внучке принцепса, и Август мог рассчитывать, что хотя бы через поколение править Римской державой будет его законный прямой потомок (ожидание оправдалось — небезызвестный Калигула, сын Германика и Агриппины, действительно сменил Тиберия на троне цезарей).

Германик, как известно, повторил судьбу своего отца Друза: стремительная карьера, широкая популярность в Римской империи и за ее пределами — и неожиданная смерть во цвете лет. Еще более трагично сложилась судьба Агриппы Постума, который с 26 июня 4 г. стал именоваться Агриппой Юлием Цезарем.

Барбара Левик анализирует династические мероприятия 4 г. в соответствии с принятой ею на вооружение схемой «двойного принципата». По ее мнению, Тиберий и Агриппа Постум, став приемными сыновьями Августа, предназначались в его непосредственные преемники. Германик вместе с родным сыном Тиберия Друзом Младшим

¹ *Vell.* II. 103 f; 112; *Suet. Tib.* 15. 2; *Tac. Ann.* 1.3. 5; *Dio Cass.* LV. 13.2.

составляли следующий за Тиберием и Агриппой дуэт будущих повелителей Рима.¹

Хотя эта гипотеза безоговорочно поддержана Ш. Джеймсоном,² едва ли в действительности все обстояло так соблазнительно просто: совершенно немыслимо, чтобы Август мог доверить после себя управление государством двум столь разным во всем, начиная с возраста, людям. Даже Б. Левик вынуждена признать, что политический перевес Тиберия в системе наследования власти очевиден.³

Дж. Корбетт справедливо указывает, что после 4 г. единственным бесспорным наследником принципата являлся именно Тиберий. Исследователь вообще скептически относится ко всякого рода реконструкциям династических планов, полагая, к примеру, что приказание Августа усыновить Германика, адресованное Тиберию, вовсе не означало особого расположения принцепса к юному сыну Друза, а лишь имело целью поставить Германика под непосредственное покровительство Тиберия.⁴

Возвращаясь к проблеме Агриппы Постума, следует отметить, что его усыновление Августом было вообще нецелесообразно, если бы принцепс исходил из чисто политических соображений. В крайнем случае его мог усыновить Тиберий, тогда внук Августа занял бы в династической системе такое же положение, как Германик и Друз Младший, и это было бы гораздо более логично. Объяснить состоявшееся усыновление можно лишь личной прихотью Августа, которая в данном случае перевесила все контрар-

гументы: он только что потерял Гая и Луция, к которым был искренне привязан, и их брат должен был доставить деду хотя бы какое-то утешение после столь тяжелой потери.¹

Имело ли в таком случае усыновление Агриппы Постума самим Августом какое-либо политическое содержание? Р. Сигер отвечает на этот вопрос отрицательно: «Несмотря на утверждение Тацита, совершенно невероятно, чтобы кто-либо мог рассматривать его как серьезного претендента на принципат».² Подобное мнение, однако, разделяется далеко не всеми исследователями.³ Очевидно, прежде чем принять ту или иную точку зрения, необходимо рассмотреть факты, относящиеся к этой проблеме.

В 5 г. Агриппе Постуму исполнилось 16 лет; по словам Диона Кассия, «он был внесен в списки эфебов», но, в отличие от своих братьев в том же возрасте, никаких почестей не получил (LV. 22.3). Напрашивается вывод, что в течение года, прошедшего со времени усыновления, отношение Августа к своему внуку сильно изменилось. Казалось бы, должно было случиться нечто из ряда вон выходящее, но Тацит подчеркивает, что молодой Агриппа «не был изобличен ни в какой гнусности» (Tac. Ann. I. 3. 4).

Если суммировать то небольшое, что мы знаем об этой личности, то источники подчеркивают его необразован-

¹ Levick B. M. Drusus Caesar and the Adoptions of A. D. 4. P. 227-244.

² Jameson Sh. Augustus and Agrippa Postumus. P. 287.

³ Levick B. M. Tiberius the Politician. P. 51.

⁴ Corbett J. H. The Succession Policy of Augustus. P. 93.

¹ Б. Левик объясняет одновременное усыновление Тиберия и Агриппы Постума давлением на Августа двух придворных клик — сторонников Тиберия и Ливии, с одной стороны, «партии» Юлии Младшей и ее мужа, с другой (Levick B. M. Tiberius... P. 49). Думается, исследовательница явно переоценивает способность Августа поддаваться чужому влиянию.

² Seager R. Tiberius. P. 48.

³ Vgl.: Fitzler K., Seck O. Op. cit. Sp. 369; Levick B. M. Drusus Caesar... P. 242.

ность (*Tac. Loc. cit.*), «неблагородную натуру» (*Dio Cass. LV. 32. 1*), «низменный и дерзкий характер» (*Suet. Aug. 65. 1*), «удивительную уродливость души и нрава» (*Vell. II. 112. 7*).

Этот своеобразный набор личных качеств выглядит настолько странно, что Г. Ферреро решил, будто «Агриппа был одним из тех полубезумных дегенератов, которые довольно часто встречаются в знатных фамилиях».¹ В том, что этот внук Августа был душевнобольным, не сомневается Э. Холь.² Б. Левик констатирует: большинство исследователей склоняется к мнению, что Агриппа Постум страдал шизофренией, но тут же замечает: «Всё это было лишь предлогом».³ Ш. Джеймсон солидарна с ней и здесь: «Сумасшествие доказать не так-то легко».⁴

Конкретные детали поведения Агриппы Постума сообщает только Дион Кассий, упоминая, что тот «давал волю безудержному гневу, дурно отзывался о Ливии как о мачехе, а самого Августа часто упрекал в том, что тот не отдал ему отцовского наследства» (*LV. 32. 1*). Поставить диагноз, основываясь только на этих данных, затруднится любой современный психиатр. Во всяком случае, поведение Клавдия, брата Германика, выглядело гораздо более странным, что не помешало ему впоследствии (пусть даже игрою случая) стать не самым плохим из принципсов.

Весьма любопытны слова Тацита о необразованности юного «принца крови» (*quidem sane bonarum artium*), особенно если вспомнить, что его братьев Август сам учил

¹ Ферреро Г. Указ. соч. С. 173. Прим. 7.

² Hohl E. Primum facinus novi principatus // Hermes, 1935. Bd. 70. N. 3. S. 350.

³ Levick B. M. Tiberius... P. 58.

⁴ Jameson Sh. Op. cit. P. 301.

читать и писать, заботясь даже о том, чтобы они подражали его почерку (*Suet. Aug. 64. 3*). Возможны два объяснения такого феномена: либо Агриппа Постум был напрочь лишен каких-либо способностей, либо (что гораздо вероятней) его «неотесанность» явилась результатом чьего-то целенаправленного воздействия.

Агриппа Постум родился в 12 г. до н. э., вскоре после неожиданной смерти своего отца, и оказалось, что до осиротевшего еще в утробе матери мальчика никому не было дела: Август сосредоточил свое внимание на Гае и Луции, мать занималась собой и светскими развлечениями, пока не была скомпрометирована и сослана во 2 г. до н. э. Единственным человеком, который должен был удостоить подраставшего Агриппу Постума своим пристальным и недобрым вниманием, являлась императрица. Если принять гипотезу, что устранение Гая и Луция Цезарей — ее рук дело, то происшедшее с Агриппой Постумом становится гораздо понятнее. Уничтожить его физически было слишком опасно — смерть всех внуков Августа ни у кого не оставила бы сомнений в том, чьих рук это дело, но постараться, чтобы он не мог составить конкуренции Тиберию, Ливия была вполне в состоянии.

Ливию, которая с 4 г. стала его мачехой (и которая добилась ссылки его родной матери), Агриппа Постум ненавидел. Спровоцировать его на необдуманные высказывания особого труда не составляло. В результате Август был восстановлен против своего внука, «много и резко жаловался на поведение юноши» (*Tac. Ann. I. 6. 2*), и последствия не заставили себя ждать.

Дион Кассий (*LV. 32. 2*) связывает опалу Агриппы Постума с решением вопроса о том, кому выехать к армии, действовавшей против инсургентов в Паннонии и Далмации — ему или Германику (в звании военного трибуна или

десигнированного квестора, полагает Б. Левик).¹ Если наш информатор здесь точен и вопрос о посылке Агриппы Постума в армию действительно ставился, то это исключительно ценные сведения, проливающие свет на истинную причину его падения.

Ливия, которая, не стесняясь в средствах, пробивала Тиберию дорогу к власти, не могла допустить, чтобы сын Агриппы и Юлии, внук и приемный сын Августа, стал известен войскам — это сделало бы его реальным претендентом на императорскую власть. Его личные качества в таком случае становились делом второстепенным: в глазах армии он был бы окружен ореолом таких харизматических лидеров, как Цезарь и сам Август.² Такую опасность не следовало недооценивать, ведь даже после прихода Тиберия к власти и немедленного убийства Агриппы Постума появление самозванца, который выдавал себя за спасшегося Агриппу, могло, по словам Тацита, «до основания потрясти государство раздорами и гражданской войной» (Ann. II. 39. 1).

¹ Levick B. M. Tiberius... P. 57.

² Нельзя не согласиться с М. Грантом в том, что какие бы то ни было недостатки «персонажей Юлиевой крови» значения здесь не имели — для легионов основным фактором, определявшим их отношение к тому или иному претенденту на власть, была именно принадлежность к основанной Юлием Цезарем династии, тогда как Тиберий «по рождению принадлежал к другой фамилии» (Grant M. The Army of the Caesars. P. 113). Иначе говоря, дело могла решить та самая «глубоко укоренившаяся любовь к Цезарям» (Tac. Ann. II. 76.3), которую Август целенаправленно культивировал в армии. Уместно вспомнить, что уже после того, как Агриппу Постума постигла опала, был раскрыт заговор Авдасия и Эпикада, которые планировали похитить Агриппу и его мать Юлию из-под стражи и привезти их к войскам (Suet. Aug. 19. 2). К оценке этого заговора см.: Jameson Sh. Op. cit. P. 311 f.

Официальные меры, принятые против Агриппы Постума, Б. Левик датирует осенью 6 г. (исходя из хронологии отправления на Балканы с подкреплениями сначала Веллея Патеркула, а затем Германика).¹ Первоначально дело ограничилось ссылкой Агриппы в кампанский город Суррент, но затем он был переведен на крохотный островок Планазию (между Италией и Корсикой), где через несколько лет и встретил свою смерть.²

Опала и последующая гибель одного из членов императорского дома — первый такого рода случай в истории Рима, поэтому юридическое оформление данного прецедента небезынтересно.

По Светонию, Август «отрекся» (abdicavit) от своего приемного сына (Suet. Aug. 65. 1). Дион Кассий указывает, что Агриппа Постум «был публично отвергнут» (ἀλεχρήθη), а его имущество конфисковано (LV. 32. 2). Несомненно, у обоих авторов речь идет об одной и той же правовой процедуре, именуемой abdicatio liberorum.³ Она была удобна для Августа тем, что давала ему возможность распорядиться судьбой Агриппы Постума по своему усмотрению (в принципе, император мог и казнить его — так он собирався поступить в свое время с его матерью по праву все той же patria potestas (Suet. Aug. 65. 2)).

¹ Levick B. M. Op. cit. P. 57 f.

² Vell. II. 112. 7; Tac. Ann. I. 3. 4; Suet. Aug. 65. 1; Dio Cass. LV. 32. 2.

³ В «Кодексе Юстиниана» (VIII. 46. 6) указано, что понятие «abdicatio liberorum» идентично греческому ἀποχρήσις. Но, в отличие от последнего, оно, лишая сына или дочь законных прав, не отменяло отцовской власти. Ср.: Бартошек М. Римское право: понятия, термины, определения. М., 1989. С. 19; Levick B. M. Abdication and Agrippa Postumus // Historia. 1972. Bd. 21. H. 4. P. 675.

Режим содержания Агриппы Постума в Сурренте был, видимо, довольно либеральным. Но вскоре опальный внук принцепса был переведен на Планазию и взят под стражу (караул несли, очевидно, преторианцы) — это было уже лишением свободы в полном смысле слова. Более того, Август добился специального постановления сената, согласно которому заключение Агриппы Постума на Планазии являлось пожизненным.¹

О причинах столь резкого ужесточения условий содержания внука Августа источники не сообщают ничего определенного. Светоний, правда, отмечает, что в Сурренте Агриппа «нисколько не смягчился, напротив, с каждым днем становился все безрассуднее» (Aug. 65. 4), но эта туманная фраза может толковаться как угодно. Скорее всего, Агриппу перевели с материка по политическим соображениям, связанным не только и не столько с поведением самого узника, сколько со сложившейся вокруг него обстановкой.

Первоначальная ссылка в Суррент была, по мнению Ш. Джеймсона, произведена в форме *relegatio* (сравнительно мягкая разновидность изгнания с сохранением имущественных прав).² Полная изоляция Агриппы Постума потребовалась в скором времени. Внук Августа, будучи исключенным из рода Юлиев, автоматически вернулся в род Випсаниев, к которому принадлежал по рождению, и считал себя вправе потребовать от Августа возврата имущества Марка Агриппы. Тем самым он открыто бросил вызов всемогущему принцепсу, усугубив это оскорбительным для Августа намеком на морские победы Агриппы, обеспечившие в свое время Октавиану единоличную власть в Риме

¹ Tac. Ann. I. 6. 2; Suet. Aug. 65. 4.

² Jameson Sh. Op. cit. P. 302.

(именно так Б. Левик предлагает трактовать упомянутое Дионом Кассием (LV. 32. 1) увлечение Агриппы Постума рыбной ловлей; при этом он именовал себя Нептуном).¹ Упомянутое Светонием открытое письмо Юния Новата, составленное от имени Агриппы Постума, тоже, по мнению Б. Левика, содержало обвинения Августа в присвоении чужого имущества.² А если и заговор с целью похищения Юлии Старшей и Агриппы Постума относился ко времени пребывания последнего в Сурренте, то неудивительно, что Август (и не только он) увидел в лице своего внука усиливавшуюся политическую угрозу и принял жесткие контрмеры.

Перевод на Планазию был, вероятно, оформлен как *aqua et igni interdictio*, что влекло за собой полное лишение всех прав, т. е. гражданскую смерть; одновременно упраздняясь и отцовская власть Августа в отношении Агриппы Постума.³

Имущественная сторона этого дела имела немаловажное значение по понятным причинам: отец Агриппы Постума обладал огромным состоянием. С момента усыновления Агриппы Постума Августом распоряжение этим состоянием переходило в руки императора, который выступал в роли опекуна своего приемного сына.

Казалось бы, после формального отречения Августа от усыновления это имущество должно было вернуться к законному наследнику. Но, как уже указывалось, *abdicatione liberogum* не отменяло отцовской власти, так что Август мог на законном основании отвергать все притязания своего внука.

¹ Levick B. M. Tiberius the Politician. P. 59 f.

² Ibid. P. 60; Ead. Abdication... P. 696.

³ Jameson Sh. Op. cit. P. 303 f.

Следующая стадия решения проблемы — *aqua et igni interdictio* — выводила Агриппу из-под отцовской власти Августа, но одновременно лишала его имущественных прав. Теперь принцепсу ничто не мешало попросту присвоить спорное имущество — но все оно было передано в созданную к тому времени военную казну — *aerarium militare* (*Dio Cass.* LV. 32. 2). Вне всякого сомнения, этим неожиданным шагом принцепс хотел подчеркнуть свое бескорыстие и парировал выдвинутые против него обвинения.¹

Пожизненное содержание Агриппы Постума на Планазии, подтвержденное постановлением сената, в теории делало несостоятельными все связанные с ним политические расчеты: в этом смысле его больше просто не существовало. Поэтому неудивительно, что Август в своем завещании, не забыв запретить хоронить в своем мавзолее обеих Юлий, дочь и внука (*Suet. Aug.* 101.3), имя Агриппы Постума вообще обошел молчанием.

4. Тиберий в Германии (II)

Сразу после урегулирования в 4 г. вопросов, связанных с наследованием принципата, Тиберий был направлен в Германию. До этого военные действия, которыми с римской стороны руководил Марк Виниций, шли с переменным успехом (*Vell.* II. 104. 2). Встреченный всеобщим энтузиазмом солдат и ветеранов — Веллей Патеркул был очевидцем этого (II. 104. 3-4) — Тиберий прибыл к армии и энергично взялся за дело.

Летняя кампания 4 г. продолжалась необычно долго — до декабря. Зиму 4/5 гг. войска провели между Рейном и

¹ *Jameson Sh.* Op. cit. P. 299 f; *Levick B. M.* Abdication... P. 696.

Эльбой (*Vell.* II. 105. 3).¹ До этого они успели покорить племена каннинфатов, аттуаров, бруктеров; херуски, по словам Веллея Патеркула, бывшего в армии Тиберия префектом конницы, предпочли не испытывать судьбу и покорились без боя. На зиму Тиберий вернулся в Рим, но уже ранней весной 5 г. он вновь был в Германии.

В 5 г. римляне под его командованием, четко скоординировав действия сухопутной армии и флота, вновь вышли на Эльбу. Среди покоренных в эту кампанию племен Веллей называет хавков (без боя) и лангобардов (силой оружия) (*Vell.* II. 105-107: обзор боевых действий 4-5 гг.).

Дион Кассий (LV. 28. 5-6) с дистанции в два века весьма сдержанно оценивает достижения Тиберия в Германии, хотя и упоминает, что после выхода римлян на Эльбу состоялась императорская аккламация Августа и Тиберия, а Сентий Сатурнин получил триумфальные украшения.² Но похоже, что на суждения Диона Кассия повлиял дальнейший ход событий, тогда как сам Август смотрел на германские дела весьма оптимистично: покорение территории между Рейном и Эльбой было сочтено в основном законченным, точнее, оно плавно перерастало в следующий этап римской экспансии — предстоявший разгром царства Маробода.

¹ К. Крист почему-то считает, что это был первый случай зимовки римлян за Рейном (*Christ K.* Op. cit. S. 129). В действительности, как указывалось в гл. 6 настоящей работы, римские войска зимовали между Рейном и Эльбой уже при Друзе, правда, в 4 г. там осталась вся армия. Лагерь, вероятно, находился в устье Эмса (*Hartke W.* Das Winterlager des Tiberius in Germanien im Jahre 4/5 u. Z. // *Philologus.* 1984. Bd. 128. H. 1. S. 1141.).

² По мнению Т. Барнса, это была 17-я аккламация Августа, тогда как Л. Шумахер полагает, что тогда состоялась 16-я аккламация самого принцепса и 3-я — Тиберия (Ср.: *Barnes T. D.* The victories of Augustus. P. 26; *Schumacher L.* Op. cit. S. 221).

Племенной союз маркоманнов, руководимый этим вождем, еще во времена походов Друза покинул места своего обитания в низовьях Рейна и переселился в пределы современной Чехии, чтобы избежать римского ига. Там, вне пределов досягаемости для римского оружия, Маробод сумел создать сильную армию, вооруженную и обученную по римскому образцу — 70 тыс. пехоты и 4 тыс. конницы (*Vell.* II. 109. 2).

Необходимость уничтожения Маробода, по мнению некоторых исследователей, была очевидна: он оставался наиболее значительным противником Рима в Центральной Европе, препятствовавшим стабилизации стратегической обстановки между Рейном и Эльбой.¹ Однако Веллей Патеркул подчеркивает, что агрессивных намерений вождь маркоманнов не проявлял, хотя и давал понять, что в случае нападения на него римляне встретят достойный отпор (*Vell.* II. 109. 1). Ссылка на якобы существовавшую в результате самого наличия царства Маробода угрозу безопасности Италии (*Vell.* II. 109.4) явно надумана — Тиберий позднее, уже будучи принцепсом, отказался от войны против маркоманнов без всякого ущерба для интересов Рима. Смысл запланированной на 6 г. кампании был в другом — после длительной паузы Август возобновил осуществление своего плана борьбы за мировое господство.

Как и перед началом германских войн, в 5-6 гг. была проведена реорганизация римской военной машины. В какой-то степени реформа вооруженных сил была вынужденной: в армии нарастало недовольство малыми размерами платы, солдаты не соглашались продолжать службу по

¹ *Bengtson H.* Kaiser Augustus. S. 86; *Kühlborn J.-S.* Op. cit. S. 535.

окончании установленного срока, а предстоявшие войны делали нужду в опытных кадрах особенно острой.

Новая военная реформа заключалась в том, что был увеличен срок службы — с 12 до 16 лет у преторианцев и с 16 до 20 лет в легионах. Одновременно был резко увеличен размер жалованья и наградных, получаемых при отставке.¹ В результате Август оказался не в состоянии содержать армию за счет своих собственных средств. Реорганизация финансирования вооруженных сил предусматривала их содержание за счет государства. Это нововведение имело и политический смысл: тем самым, как справедливо заметил М. Грант, было покончено с наследием гражданских войн, войска приучались к тому, что император был не лидером победившей партии, а олицетворением всего римского государства.²

На содержание армии должна была отчисляться определенная часть собранных налогов (*Dio Cass.* LV. 24. 9). Но этого оказалось недостаточно, и в следующем, 6 году н. э., была конституирована особая военная казна (*aerarium militare*). Август внес в нее свои деньги, пообещав делать это регулярно, принял пожертвования от царей государств-сателлитов и от отдельных общин, но (примечательный факт) деньги от частных лиц не принимались. Для изыскания постоянного источника пополнения был объяв-

¹ Легионеры стали получать десять ассов, а преторианцы — два денария в день, что дает соответственно 227 и 730 денариев в год. При отставке преторианцы стали получать 5 тыс. денариев, легионеры — 3 тыс. (*Tac. Ann.* 1.17.4-6; *Dio Cass.* LV. 23. 1). Сведений о размерах воинского жалованья, установленного в 13 г. до н. э., нет, но можно согласиться с Р. Саймом, что оно было меньше, чем введенное в 5 г. (*Syme R.* Some notes... P. 20. Note 45).

² *Grant M.* Op. cit. P. 84.

лен конкурс письменных проектов — каждый сенатор был обязан представить свои соображения по этому поводу. Но Августа все они не удовлетворили, и в конечном счете он распорядился ввести пятипроцентный налог на наследства, сославшись на то, что нашел такой проект в бумагах Цезаря.¹

Казалось, кампания 6 г. не могла не увенчаться успехом: у Маробода не было серьезных шансов выстоять против двух мощных войсковых группировок, которые шли на него из Германии и Иллирика по сходящимся направлениям. Германская группа армий находилась под командованием Сентия Сатурнина и состояла из легионов и вспомогательных войск, базировавшихся на Верхнем Рейне² (остальные легионы рейнской армии Рима контролировали территорию между Рейном и Эльбой и в походе участвовать не могли). Дунайской войсковой группировкой командовал сам Тиберий, и именно она выполняла главную задачу.

По мнению И.-С. Кюльборна, план кампании предусматривал «взятие в клещи» (*der Zangenangriff*) войска Маробода.³ Внешне все так и выглядело: армия Сатурнина двинулась с запада на восток от Могонтиака (совр. Майнц) через Герцинский лес в земли хаттов, наводя временные военные дороги, Тиберий вел войска от Карнунта на северо-запад. Однако затем намечалось соединение обеих групп-

¹ Смысл этой явно надуманной ссылки в том, что в 44 г. до н. э. сенат утвердил все распоряжения Цезаря, в том числе и еще не обнародованные; следовательно, налог вводился в действие автоматически.

² Возможно, именно к этому предприятию 6 г. относится большой (около 35 га) военный лагерь у Марктбрайта на Майне, обнаруженный в 1985 г. аэрофотосъемкой (*Schnurbein S. Op. cit. S. 100*).

³ *Kühlborn J.-S. Op. cit. S. 535.*

пировок в заранее назначенном пункте (*Vell. II. 109. 5; 110. 2*) — с явным расчетом на генеральное сражение.

Сопоставление сил сторон подтверждает, что римляне планировали сконцентрировать всю действующую армию до вступления в боевое соприкосновение с противником. Тацит устами самого Маробода утверждает, что тот выдержал натиск двенадцати легионов (*Tac. Ann. II. 46. 2*). Р. Сайм сомневается в этом, указывая, что таким было общее количество легионов в Германии, Реции и Иллирике, а в боевых действиях должно было участвовать всего девять, да и те неполной численности.¹ Согласившись с первой частью его тезиса, подтвержденной убедительными доказательствами, позволительно усомниться в том, что перед столь ответственной кампанией легионы не были доведены до штатной численности (в этой своей части аргументация Р. Сайма основана на косвенных данных и довольно неубедительна).

Тиберий, вероятно, допускал, что «блицкрига» может не получиться. Во всяком случае, далматам было приказано выставить вспомогательные войска, которые должны были отправиться вслед за главными силами (*Dio Cass. LV. 29. 2*). Вне зависимости от этого подкрепления, соедине-

¹ *Syme R. Some notes... P. 25 f.* М. Грант утверждает, что вторжение планировалось с использованием всех армий Германии, Реции и Иллирика, но это маловероятно: три легиона на Нижнем Рейне после только что подавленного восстания, разумеется, должны были оставаться на месте (ср.: *Grant M. Op. cit. P. 103*). Л. Кеппи дает список всех 12 легионов, участвовавших, по его мнению, в этом походе, причем заставляет Сентия Сатурнина командовать XVII, XVIII и XIX легионами (*Keppie L. The Making of the Roman Army. P. 163*) — совершенно фантастическое предположение: в таком случае Германия восстала бы не в 9 г., а на три года раньше.

ние двух войсковых группировок было необходимо: в противном случае четыре легиона Сентия Сатурнина (около 40 тыс. чел. вместе со вспомогательными частями) и пять легионов Тиберия (примерно 50 тыс.) порознь уступали в численности хорошо подготовленному противнику, что сделало бы исход будущего столкновения проблематичным.

5. Великое иллирийское восстание

Римские войска находились всего в пяти дневных переходах от неприятеля, когда кампанию пришлось срочно свернуть, а с Марободом заключить мир: в тылу у них произошли события, которые не только поставили под вопрос их господство на Балканах, но и создали угрозу непосредственно Италии. Это было грандиозное восстание в Иллирике, которое имело глобальные последствия, будучи началом конца всей программы Августа по завоеванию мирового господства.

Гористый северо-запад Балканского полуострова издавна интересовал римлян — через эти земли проходила дорога из Италии на Балканы и далее на Восток. Хотя Иллирик считался римской провинцией со времен Республики, полное покорение его было сложной и не особенно актуальной задачей, которая досталась в наследство Империи. Правда, в 35-33 гг. до н. э. Октавиан вел там военные действия, но они были продиктованы интересами надвигающейся борьбы с Антонием, римские войска не втягивались в затяжные бои, и дело, в сущности, ограничилось захватом прибрежной полосы.¹

¹ Наиболее основательное исследование иллирийских походов Октавиана и их политической подоплеку принадлежит Эриху Свободу (*Swoboda E. Octavian und Illiricum. Wien, 1932*).

Задача полного покорения этого региона с выходом римских легионов к Дунаю была поставлена Августом после завершения завоеваний в Альпах, а решена в ходе так называемой Паннонской войны 12-9 гг. до н. э. Р. Сайм детально проанализировал эту кампанию и пришел к выводу, что в военных действиях тогда принимали участие две группы римских армий: одна из них (под началом Тиберия) шла с запада, другая двигалась ей навстречу из Македонии.¹

Э. Корнеман обратил внимание на значение, которое придавал этой войне Август, — после длительного пребывания в Германии принцепс сделал своей штаб-квартирой Аквилею, одновременно являвшуюся главной базой действующей армии.²

По мнению Р. Сайма, покорение Иллирика в этот период было в значительной степени номинальным: римляне ограничились захватом основных коммуникаций, что же касается ликвидации всех очагов сопротивления и строительства военных дорог для проникновения в глубину страны, то это было оставлено на будущее.³

Период с 8 г. до н. э. по 6 г. н. э. источниками освещен плохо: Балканы выпадают из поля зрения античных авторов, так как Тиберий был отозван в Германию, а затем уда-

Новейшие отечественные работы на эту тему: *Малеваный А. М. Иллирийские походы Октавиана (35-33 гг. до н. э.) // ВДИ. 1977. № 2. С. 129-142; Свиридова И. Н. Восстание на среднем Дунае в 34-33 гг. до н. э. // Из истории античного общества. Горький, 1979. С. 110-122; Парфенов В. Н. Рим от Цезаря до Августа. С. 100 сл.*

¹ *Syme R. Augustus and the South Slav Lands // RIEB. 1937-1938. T. 1-11(5-6). P. 33-46.*

² *Kornemann E. Tiberius. S. 30.*

³ *Syme R. Op. cit. P. 45.*

лился на Родос. Однако есть данные, которые позволяют утверждать, что именно в это время Рим предпринимал интенсивные военные усилия в бассейне Дуная.

Сильно поврежденная надпись, не сохранившая имени исторического лица, о котором идет речь, сообщает об операциях римских войск за Дунаем (ILS. 8965). В этом римском военачальнике принято видеть Марка Виниция, консула 19 г. до н. э., личного друга Августа и одного из крупнейших военачальников времени его принципата.¹

К 6 г. до н. э. – 4 г. н. э. Р. Сайм относит также успешные боевые действия Гнея Корнелия Лентула против даков, упомянутые рядом источников, но без точной датировки.² В свое время Ф. Мильтнер попытался свести все сведения о войнах римлян в этом районе и выдвинул гипотезу, согласно которой в 10 г. до н. э. римские армии форсировали Дунай тремя корпусами: на северо-западе М. Виниций, в центре — «неизвестный генерал», на юго-востоке — Гн. Корнелий Лентул.³

Р. Сайм подверг эту точку зрения жесткой критике, указав, что подобное построение является чисто произвольной конструкцией, восходящей к схеме Шультена, которая относится к римским операциям в Испании 26 г. до н. э.⁴

С маститым английским историком здесь трудно не согласиться: объединение в пределах одного года всех трех известных римских экспедиций за Дунай выглядит чисто произвольным (не говоря уже о том, что «неизвестным генералом», который командовал центральным корпусом,

¹ Syme R. *Danubian Papers*. P. 29-34.

² RgdA. 30. 2; *Tac. Ann.* IV. 44. 1; *Flor.* II. 28.

³ Miltner F. *Augustus' Kampf um die Donaugrenze* // *Klio*. 1937. Bd. 30. S. 213 f., 222.

⁴ Syme R. *Op. cit.* P. 37.

был, скорее всего, Марк Виниций, что разрушает схему, предложенную Ф. Мильтнером). Даже с точки зрения здравого смысла датировка столь крупных операций 10-м г. до н. э. не выдерживает критики: центр тяжести римской внешней политики находился тогда в Германии; кроме того, шла крупномасштабная война в Иллирике, и на треть наступление, которое к тому же осуществлялось бы без намека на какое-либо стратегическое взаимодействие с армиями в Германии и Иллирике, у Рима не было ни сил, ни необходимости.

Но через несколько лет ситуация изменилась, и, при всей фрагментарности сохранившихся данных, нет оснований отрицать, что Рим где-то на рубеже нашей эры, приостановив наступление в Германии, активизирует военные усилия в бассейне Дуная. С другой стороны, именно тогда создавались предпосылки грандиозного восстания в тылу римских армий: римляне рвались вперед, не обращая должного внимания на закрепление достигнутых результатов, а господство в завоеванных областях осуществлялось традиционными методами, о которых позднее пленный вождь восставших заявил Тиберию: «Вы, римляне, сами виноваты в кровопролитии, потому что посылаете для охраны наших стад не пастухов и собак, а волков».¹

Восстание 6-9 гг. было опасно для римлян не только своим размахом: против Рима восстали ауксилиарные части его собственной армии; иначе говоря, противник обладал римским вооружением и римской выучкой. Можно согласиться с М. Грантом в том, что так была реализована «опасность, неотъемлемая от новой военной системы Ав-

¹ *Dio Cass.* LVI. 16. 3. Сама лексика этого высказывания, типичная для обитателей Балкан, свидетельствует о его аутентичности (*Kornemann E.* *Op. cit.* S. 51).

густа».¹ Как оказалось, молодая военная организация Империи, нацеленная прежде всего на внешнюю агрессию, не смогла надежно обеспечить внутреннюю безопасность и дала настолько серьезный сбой, что при ином стечении обстоятельств он мог стать роковым для Рима. Во всяком случае, Август впервые за свою полувековую карьеру утратил присутствие духа (*Vell.* II. 110. 5); по признанию Светония, это восстание стало для Рима самым серьезным испытанием со времени Пунических войн (*Suet.* Tib. 16.1).

Вопрос о степени подготовленности самого восстания спорен. Очевидец и участник его подавления утверждает, что оно было тщательно подготовлено, и племена по всей территории Далмации и Паннонии участвовали в заговоре (*Vell.* II. 110. 2). Если верить Диону Кассию, никакой особой подготовки не было, иллирийские племена воспользовались первым удобным случаем — уходом с их территории римских войск в экспедицию против Маробода (LV. 29. 1-2).

В пользу мнения о спонтанности выступления может свидетельствовать сам момент его начала: если бы его срок был определен заранее, руководителям заговора надо было выждать буквально несколько дней, чтобы главные силы римлян втянулись в боевые действия против Маробода, и тогда шансы восстания на успех возросли бы многократно.

В любом случае, инсургенты проявили небывалую прежде организованность и координацию действий. Веллей Патеркул объясняет это печальное для Рима обстоятельство высокой степенью их романизации: по его словам, они были знакомы не только с римской воинской дисциплиной, но и с латинским языком и даже с литературой (II. 110. 5). Во главе восстания стояли незаурядные военные

¹ *Grant M.* Op. cit. P. 104.

руководители (Веллей называет их «жесточайшими и опытнейшими вождями»): два тезки, паннонец из племени бревков и далмат из племени десидиатов, оба носившие имя Батон, и некий Пинн (иначе Пиннет).

Инициатива выступления принадлежала тем ауксилиарным частям, что были собраны в качестве подкрепления для армии наместника Иллирика Валерия Мессалина, который уже отправился на соединение с Тиберием (*Dio Cass.* Loc. cit.). Мятежники разгромили выставленные против них немногочисленные римские войска; первый успех мгновенно заставил взяться за оружие весь Иллирик. По всей территории, охваченной восстанием, были уничтожены римские вексилярии, не избежали этой участи и безоружные римские граждане, в том числе торговцы.¹

Общая численность племен, принявших участие в восстании, составила около 800 тыс. человек. Вооруженные силы, выставленные инсургентами, составляли 200 тыс. пехоты и 9 тыс. конницы.² Действия осуществлялись повстанцами по единому плану: они разделили свои вооруженные силы на три части, одна из которых должна была

¹ *Vell.* II. 110. 6. Уничтоженные вексилярии являлись подразделениями VII, IX и XX легионов, оставленными Валерием Мессалиной в своей провинции в качестве гарнизонов. Неясно, правда, были ли это специально откомандированные из состава легионов войска или же *vexilla veteranorum* (*Saxer R.* Untersuchungen zu den Vexillationen des römischen Kaiserheeres. Köln; Graz, 1967. S. 5 f.).

² *Vell.* II. 110. 3. Вероятно, эта оценка основана на официальных данных штаба римского главнокомандующего и в целом соответствует действительности; профессиональный военный, каким был Веллей Патеркул, едва ли позволил себе в данном случае безмерное преувеличение вражеских сил, обычное для античной историографии со времен Геродота.

оставаться на месте для обороны охваченной восстанием территории, другая вторглась в Македонию, третья предназначалась для наступления на Италию (*Vell.* II. 110. 4). Но, как оказалось, намерение напасть на Италию было чисто декларативным, хотя Август крайне встревожился и даже заявил в сенате, что если не принять срочных мер, то противник через десять дней может стоять под стенами Рима (*Vell.* II. 111. 1).

Более чем двухсоттысячная повстанческая армия, бесспорно, представляла собой грозную опасность для римлян; если бы такая сила использовалась эффективно, то для успешного противостояния ей Риму потребовалось бы не менее десяти легионов со вспомогательными войсками. Мгновенно выставить такую армию на новый театр военных действий римляне оказались не в состоянии, стратегическая инициатива грозила выпасть из их рук.

Однако, хотя между отдельными группировками инсургентов и существовал военный союз, реальная координация действий и управляемость их войск, очевидно, оставляли желать много лучшего. Вместо немедленного вторжения всей (или хотя бы большей части) вооруженной армады в почти беззащитную Италию мятежники предпочли более близкую и верную добычу, пройдя огнем и мечом по Македонии и побережью Адриатики. Хотя им сопутствовал успех — наспех собранные римские отряды были разбиты, — но именно в эти решающие дни самый талантливый вождь (Э. Кёстерман называет его «душой восстания»),¹ десидиат Батон, временно выбыл из строя — был тяжело ранен каменным ядром при осаде Салоны (*Dio Cass.* LV. 29. 4).

¹ Koestermann E. Der panonisch-dalmatinische Krieg 6-9 p. Chr. // *Hermes.* 1953. Bd. 81. N. 3. S. 347.

Тем временем у римлян стал проходить шок, вызванный неожиданностью восстания и его масштабами. Планы восставших, как справедливо заметил Э. Кёстерман, явно не были рассчитаны на скорое возвращение Тиберия.¹ Последний, получив сообщение о начале мятежа, сумел оценить масштабы опасности и принял незамедлительные меры. Нельзя не согласиться с Э. Корнеманом, что Тиберий вновь продемонстрировал свой крупный дипломатический талант, сумев в критический для Рима момент удержать Маробода от выступления.²

Заклучив мир с Марободом и обезопасив тем самым себя от удара в тыл, Тиберий форсированным маршем двинулся в обратный путь, стремясь в первую очередь перекрыть врагу дорогу в Италию. Десидиат Батон, еще не вполне оправившийся от раны, смог разгадать план римлян и выступил им навстречу, стремясь прежде всего сокрушить их авангард, которым командовал Мессалин. По признанию Диона Кассия, в правильном сражении инсургенты оказались сильнее римлян, и тем удалось пробиться,³ лишь применив военную хитрость.

¹ Koestermann E. Op. cit. S. 349.

² Едва ли справедливо упрекать Маробода за то, что он не понимал всех выгод своего положения, как это делает М. Гельцер (*Geizer M. Iulius (Tiberius)* // *RE.* 1917. Bd. X. Tl. 1. Sp. 490): о восстании в Иллирике царь маркоманнов явно ничего не знал, а перед ним (в каких-нибудь 100-150 км) стояла сильнейшая в мире армия, которую вел лучший римский полководец того времени.

³ Валерий Мессалин с одним только XX легионом, который имел солдат вдвое меньше положенного, был окружен 20 тысячами врагов. Положение было спасено лишь доблестью легионеров и хладнокровием командира (*Dio Cass.* LV. 30.2; *Vell.* II. 112. 2). С тех пор XX легион стал называться в честь своего командира — Valeria Victrix: уникальная для императорской эпохи по-

В конечном счете, весь экспедиционный корпус, совсем недавно выступивший против Маробода из зимних лагерей на Дунае, сумел прорваться к Сисции (совр. Сисак) — этот город на р. Саве контролирует ведущие на запад коммуникации. Италия была спасена.

Но до перелома войны в пользу римлян было еще далеко — римским и союзным с ними войскам с трудом удавалось удерживать немногие опорные пункты; стратегическая инициатива в первый год мятежа всецело принадлежала повстанцам. Даже их отдельные неудачи (так, в Паннонии им не удалось взять Сирмий — на помощь осажденным пришел наместник соседней Мезии Цецина Север) сопровождалась крупными потерями с римской стороны и не могли воспрепятствовать разрастанию восстания. Цецина Север оказался вынужденным отступить в свою провинцию, на которую напали даки и сарматы, Тиберий и Мессалин обороняли Сисцию и не могли позволить себе рискованных действий.¹

Критическая для Рима ситуация потребовала принятия экстраординарных мер. Т. Моммзен предположил даже, что в период иллирийского восстания было создано восемь новых легионов (с XIII по XX), что увеличило регулярную армию почти в полтора раза.² Однако эта гипотеза встретила холодный прием — ее подверг критике Э. Харди, который, правда, сам склонился к смягченному варианту мнения Моммзена — что Август действительно создал

честь. См.: *Campbell U. B. The Emperor and the Roman Army* 31 B. C. — A. D. 235. Oxf., 1984. P. 89 f

¹ *Dio Cass.* LV. 29. 3-4.

² *Mommsen Th. Res gestae divi Augusti.* Berolini, 1883. P. 70-76.

тогда новые легионы, но не восемь, а вдвое меньше.¹ Вскоре новые документальные данные сделали теоретические выкладки Моммзена и Харди устаревшими: считается доказанным, что по крайней мере с 15 г. до н. э. и по 9 г. н. э. римская армия насчитывала 28 легионов.²

Таким образом, восстание в Иллирике не привело к увеличению количества легионов: Август попытался выйти из затруднения иным способом. Он провел чрезвычайный воинский набор, вновь призвал к оружию ветеранов и (крайне редко практиковавшаяся мера) выкупил у частных лиц молодых и здоровых рабов для зачисления в армию.³ Во главе наспех собранного подкрепления на театр военных действий был откомандирован десигнированный квестор Веллей Патеркул, боевой офицер, хорошо знакомый Тиберию по последней германской кампании (*Vell.* II. 111.3). Это пополнение, состоявшее, по мнению Б. Левик, из театральных клакеров и вольноотпущенников, едва ли представляло собой серьезную силу.⁴

Положение не изменилось и тогда, когда в начале 7 г. с новобранцами, тоже призванными в принудительном порядке из свободнорожденных и вольноотпущенников, Ав-

¹ *Hardy E. G. Did Augustus create eight new legions during the Pannonian Rising of 6-9 A. D.? // JPh.* 1895. Vol. 23. Nr. 45. P. 29-44; *Idem.* Augustus and his legionaries. P. 194.

² *Ritterling.* Legio // *RE.* 1925. Hbd. 24. Sp. 1216 f; *Parker H. M. D.* Op. cit. P. 89; *Syme R.* Some notes... P. 14.

³ *Vell.* II. 111. 1; *Dio Cass.* LV. 31. 1; *Macrob.* Sat. I. 11.33.

⁴ *Levick B. M.* Tiberius... P. 57. Хотя эта оценка основана, видимо, на сообщении Тацита о том, что Перценний, вожак мятежа паннонских легионов в 14 г., в недавнем прошлом был предводителем театральных клакеров (*Tac. Ann.* I.16.3), в целом она справедлива — плохое качество нового набора признавал сам Август в письме к Тиберию (*Suet.* Tib. 21. 5).

густ направил к Тиберию Германика.¹ Попытка римского главнокомандующего предпринять наступательные действия едва не кончилась плачевно: противник, прекрасно зная местность и обладая легким вооружением, каждый раз ускользал из-под удара, а вот сам Тиберий вместе с армией оказался однажды запертым в горах и был обречен на бесславный конец, если бы десидиат Батон не выпустил его из ловушки² (примечательный факт, который свидетельствует о том, что даже на вершине успеха руководители восстания не верили в конечную победу).

Решающим для судьбы восстания стал 7 г., когда слишком, как оказалось, неповоротливые составные части римской военной машины со скрипом развернулись на 180 градусов, и весь механизм начал набирать обороты. Его недостаточная эластичность, отсутствие «сил быстрого реагирования» объясняются в первую очередь тем, что изначально профессиональная армия создавалась Августом для другой цели (не говоря уже о том, что любая система не обладает стопроцентной надежностью). Как оказалось (и

¹ *Dio Cass.* LV. 31. 1. Дион Кассий утверждает, что Германик был послан в Иллирик потому, что Август стал подозревать Тиберию в намеренном затягивании войны с целью сохранения за собой командования. Это утверждение явно неправдоподобно — в конце 6 - начале 7 гг. стратегическая ситуация оставалась для римлян по-прежнему неблагоприятной, их противник наращивал силы и владел инициативой. Август, несомненно, прекрасно знал об этом и не думал подозревать Тиберию в каких-либо кознях. Сообщение Диона явно восходит к враждебным по отношению к Тиберию источникам, и к тому же в нем очевидна, по выражению Кролля, «безмерная переоценка Германика», посланного на войну всего лишь для приобретения необходимого опыта (*Kroll V. Germanicus* // *RE.* X (1). Sp. 436).

² *Suet.* Tib. 20; *Dio Cass.* LV. 30. 5 ; *Comp.: Vell.* II. 111. 4.

не раз оказывалось впоследствии), римляне не предвидели возможности возглавленного сильным лидером (или лидерами) восстания в своих владениях и не принимали превентивных мер, реагируя на события уже *post factum*. Так, расквартированные уже после восстания в Мезии, Паннонии и Далмации легионы, судя по пунктам их дислокации, имели первоочередной задачей вовсе не защиту дунайской границы, а контролирование римских же территорий, некогда охваченных великим иллирийским мятежом.¹

Набор новых легионов, казалось бы, более предпочтительный, чтобы не оголять другие участки римской границы, не был проведен, вероятно, по двум причинам. Первой была высокая стоимость формирования столь крупных соединений — и без того Августу пришлось ввести 2-процентный налог с продажи рабов и отменить государственные ассигнования на гладиаторские игры (*Dio Cass.* LV. 31. 4). Во-вторых, обычного количества добровольцев из числа римских граждан, необходимого для пополнения армии, в данном случае оказалось бы слишком мало, а обязательный призыв (всеобщая воинская повинность для граждан формально сохранялась) оказался крайне непопулярной мерой: Светоний вспоминает примечательный случай, когда некий римский всадник предпочел искалечить своих сыновей, чтобы избавить их от военной службы (*Suet.* Aug. 24. 1).

Оправдалось предвидение Тита Ливия, который задолго до этих грозных событий полагал, что, в отличие от времен Республики, Рим окажется не в состоянии при вторжении врагов выставить, как бывало, десяток новых легионов (*Liv.* VII. 25.9). Когорты же, набранные из городского

¹ *Isaac B.* The Limits of Empire. The Roman Army in the East. Oxf., 1990. P. 57.

плебса и освобожденных за государственный счет рабов, не привели к изменению соотношения сил сторон — римляне могли (да и то с переменным успехом) лишь сдерживать натиск врага.

Ситуация стала меняться, когда на арену военных действий начали стягиваться войска из других провинций. На это потребовалось довольно много времени, так как из находившейся рядом Германии нельзя было отвлечь ни легиона по очевидной причине: «Никто не знал лучше, чем Тиберий, что могло бы последовать за ослаблением германской армии». ¹ Э. Корнеман справедливо считает, что чрезвычайный набор ветеранов и новобранцев, включая бывших рабов, оказался необходимым именно в силу невозможности быстрой переброски легионов «с других фронтов». ²

На помощь Тиберию были вызваны войска из Мезии (под началом все того же А. Цецины Севера) и «из заморских провинций» (пять легионов со вспомогательными частями и фракийской конницей, всей этой группировкой командовал Плавций Сильван). К Сисции римлянам пришлось пробиваться с тяжелейшими боями. Инсургенты, оставив часть своих войск действовать против Тиберия, с остальными под руководством обоих Батонов внезапно обрушились на войска Севера и Сильвана. По боевым качествам более многочисленные мятежники не уступали римлянам, и те оказались на грани разгрома: были разбиты и бежали когорты вспомогательных войск с кавалерией, дрогнули даже легионы. Управление боем с римской стороны было потеряно, много офицеров погибло или было ранено. Но в конечном счете мужество рядовых легионе-

¹ *Syme R. Some notes...* P. 26.

² *Kornemann E. Op. cit. S. 50.*

ров позволило выдержать натиск врага и перейти в контратаку, превратив поражение в победу. ¹

Сконцентрировав около Сисции огромные силы (Веллей Патеркул подчеркивает, что армии такого размера не бывало со времен гражданских войн), ² Тиберий пришел к выводу, что для ведения войны эта неповоротливая громада непригодна, так как характер боевых действий неизбежно должен был измениться. Пик объединенных военных усилий повстанцев пришелся на время стягивания римских войск к Сисции, в дальнейшем же, как нетрудно было предугадать, римлянам придется иметь дело с «гверильей», хорошо знакомой им по горам Испании, да и по многолетним военным действиям на тех же Балканах.

Кроме того, отвлечение крупных сил из других провинций было чревато опасностью вражеских вторжений или восстаний уже там. В особенности это касалось Мезии, подвергавшейся набегам даков и сарматов. Поэтому Тиберий, дав войскам несколько дней отдохнуть, приказал им затем рассредоточиться. Если верить Веллею Патеркулу, бывшему тогда легатом легиона, войска должны были вер-

¹ *Vell. II. 112. 4-6; Dio Cass. LV. 32. 3.* По Диону Кассию, восставшие потерпели поражение только при штурме римского лагеря.

² Десять легионов, свыше семидесяти когорт, четырнадцать ал, более десяти тысяч ветеранов, большое количество добровольцев, фракийская конница (*Vell. II. 113. 1*). Светоний сообщает, что Тиберий командовал пятнадцатью легионами, но это явное преувеличение (см.: *Syme R. Op. cit. P. 27 f.*). Под «добровольцами» Веллей, скорее всего, подразумевает освобожденных рабов — на эту мысль наводит сообщение Макробия: «Цезарь Август набрал для Иллирика и Германии немало когорт из вольноотпущенников, которые он назвал добровольческими» (*Macrob. Sat. I. 11.33*).

нуться туда, откуда пришли (*remisit eo, undo vénérant*), но тогда непонятно, зачем их понадобилось собирать. К тому же обратный путь был тоже сопряжен с серьезным риском, так что Тиберий счел необходимым лично сопровождать уходившие части (*Vell.* II. 113. 3). Очевидно, нельзя понимать дело так, что легионы и ауксилиарии просто возвращались к местам постоянной дислокации. Это может относиться только к войскам, прибывшим из Мезии — у Цецины Севера хватало своих забот, так как эту новую провинцию нельзя было оставлять без сильного гарнизона. Напротив, как отметил Р. Сайм, два или три легиона Сильвана были отосланы не дальше Сирмия, чтобы заняться подавлением восстания в Паннонии, тогда как сам Тиберий взял на себя Далмацию.¹ Он справедливо рассудил, что инсургенты, разбитые в открытом бою, больше не рискнут на генеральное сражение. Поэтому Тиберий распределил имевшиеся в его распоряжении войска по зимним лагерям в разных частях страны, поставив перед ними задачу — при первой возможности одновременно начать активные боевые действия.²

С 8 г. начинается агония восстания. К лету огнем, мечом и голодом сопротивление Паннонии было сломлено, чему способствовали и раздоры среди руководителей движения. Подавление этого восстания, как верно отметил Г. Бенгтсон, не относится к славным страницам римской военной истории.³ Однако для римлян было слишком многое поставлено на карту, чтобы непременно стремиться к эффективным победам. Тиберий предпочел разделить весь охваченный восстанием регион на несколько секторов и

¹ *Syme R.* Op. cit. P. 27.

² *Vell.* II. 113.3; *Dio Cass.* LV. 32. 4.

³ *Bengtson H.* Op. cit. S. 88 f.

методично сдавливать тиски блокады в каждом из них, ни в коем случае не ослабляя давления и в то же время избегая ненужных потерь с римской стороны.¹ Стратегия «выжженной земли» не была его изобретением — она являлась стандартной римской практикой, которая лишала противника возможности вести затяжную войну, так как уничтожала его экономическую базу.²

К исходу кампании 8 г. Август решил, что главное уже сделано — отдельные очаги восстания оставались лишь в Далмации, — и приказал отозвать Тиберия в Рим, передав главнокомандование Германику.³ По мнению Э. Кёстермана, в основе этого решения лежал политический расчет — предоставление «наследному принцу» возможности без особых затруднений приобрести военную славу эффективным завершением войны.⁴ Однако молодой военачальник явно не справлялся с задачей, война затягивалась, и на театре военных действий вновь появляется Тиберий. Таким образом, своего рода военно-династический эксперимент провалился. Нельзя не согласиться с В. Кроллем — сам факт быстрого смещения Германика доказывает, что Август весьма трезво оценивал возможности своего любимца.⁵

Вероятно, Германику помешало как отсутствие опыта руководства военными действиями такого масштаба, так и стремление к решению боевых задач, не считаясь с соб-

¹ *Vell.* II. 114. 4; *Dio Cass.* LV. 34. 6-7 (капитуляция Паннонии); *Suet.* Tib. 16.2; *Vell.* II. 114. 1-3; 115. 5 (о принципах военного руководства Тиберия).

² Р. Сайм, 57.

³ *Dio Cass.* LVI. 11-12. 1. Интересно, что Веллей Патеркул об этом факте умалчивает.

⁴ *Koestermann E.* Op. cit. S. 370.

⁵ *Kroll V.* Op. cit. Sp. 437.

ственными потерями. В полном объеме эти особенности его стиля проявились позднее в Германии, но заметны они были уже в начале его военной карьеры.¹

Летом 9 г. после истребления племен перустов и десидиатов война наконец была завершена, и с этим известием Германик поспешил в Рим. Сенат декретировал триумф Августу и Тиберию, не был обойден почестями и Германик.²

Великое иллирийское восстание было подавлено, и в этих краях надолго воцарилось спокойствие кладбища. Военно-политические итоги 6-9 гг. подвел Г. Бенгтсон: «В этой войне римляне достаточно дорого заплатили за науку, но в конечном счете дело решили лучшая организация и систематический образ действий римского военного руководства».³

События в Иллирике рельефно высветили недостатки созданной Августом военной машины, мятеж перемолол в своей чудовищной мясорубке людские ресурсы Рима по меньшей мере на несколько лет вперед и сделал сомнительным дальнейшее осуществление амбициозной внешнеполитической программы Августа.

Принцепсу не пришлось долго размышлять по поводу реальности своей старой мечты о мировом господстве, в жертву которой уже были принесены многие тысячи человеческих жизней. Еще не улеглось ликование в Риме по случаю усмирения иллирийского восстания, как в столицу пришла весть о страшном поражении римлян в Германии.

6. «Квинтилий Вар, верни легионы!»

По мнению Р. Сайма, для внешней политики Августа в Европе великое иллирийское восстание было «суровым предостережением», за которым должно было последовать «постепенное и мирное отступление из Германии».¹ Этот совет, данный Августу с дистанции в девятнадцать с лишним веков, может быть, и правилен, как очевидно и то, что принцепс не держал в уме ничего подобного хотя бы за недостатком времени: сообщение о полном уничтожении за Рейном трех легионов, трех ал и шести когорт со всем командным составом, включая трех легионных легатов и самого командующего, пришло в Рим на пятый день после известия о полном подавлении иллирийского мятежа (*Vell.* II. 117. 1).

В античной историографии виновником катастрофы почти единодушно объявлен сам командующий римскими войсками в Германии Вар. Веллей Патеркул отмечает его мягкость (*vir ingenio mitis*), недостаток энергии и непригодность к действиям в экстремальных условиях, не забывая упомянуть и об алчности — его характеристика предыдущего наместничества Вара в Сирии стала хрестоматийной: нищим он прибыл в богатую провинцию, богачом покинул нищую (*pauper divitem ingressus, dives pauperem reliquit*) (*Vell.* II. 117.2). Светоний полагает, что причиной разгрома римлян в Германии были «легкомыслие и беспечность вождя» (*temeritate et negligentia ducis*) (*Suet.* Tib. 18. 1). Флор (II. 30) морализирует по поводу «произвола и надменности», сочетавшихся с жестокостью (*saevitia*) и беззаботностью (*securitas*), о беспечности Вара и его слепом

¹ *Dio Cass.* LV. 32. 4; *Vell.* II. 116. 1.

² *Vell.* II. 115. 4-5; *Dio Cass.* LVI. 17. 2-3.

³ *Bengtson H.* Op. cit. S. 88.

¹ *Syme R.* The Northern frontiers... P. 379.

доверии к вождям заговора пишет и Дион Кассий (LVI. 18). И лишь Тацит усматривает причину случившейся катастрофы не в личной вине римского военачальника, а в «воле судьбы и силе Арминия» (*Tac. Ann.* I. 55. 3).

В современных исследованиях на Вара смотрят большей частью как на администратора и юриста, а не военного, и полагают, что он попросту не соответствовал своей должности.¹ Высказано, однако, и иное мнение: злосчастный наместник был посмертно сделан «козлом отпущения» за провал германской политики Августа.² Очевидно, справедливость того или иного взгляда может быть доказана лишь путем анализа всей карьеры Вара и его деятельности в Германии вплоть до ее финала в сумраке Тевтобургского леса.

По своему происхождению Публий Квинтилий Вар не относился к наиболее влиятельной аристократии Рима — Веллей называют его семью «скорее знатной, чем знаменитой» (II. 117. 2). Отец Вара, один из офицеров республиканской армии, в 42 г. до н. э. покончил с собой после битвы при Филиппах (*Vell.* II. 71. 2; 119. 3). Осиротевший мальчик (ему, вероятно, было тогда 4-5 лет)³ воспитывался у своего родственника (между прочим, друга поэта Горация)⁴ и получил обычное для молодых аристократов образование.

Первые ступени политической карьеры Вара известны по...: самая ранняя достоверная дата — его совместный с Тиберием консулат в 13 г. до н. э.⁵ Несмотря на «небла-

¹ *Webster G.* The Roman Imperial Army... P. 52; *Seager R.* Op. cit. P. 44; *Keppie L.* Op. cit. P. 168; *Christ K.* Op. cit. S. 130.

² *Wells C. M.* The German Policy of Augustus. P. 238 f.

³ *John W. P.* Quinctilius Varus // RE. 1963. Hbd. 47. Sp. 908.

⁴ *Hgr.* Carm. 1. 18. 24; *Ars poet.* 438 sqq.

⁵ ILS. 88; *Dio Cass.* LIV. 25. 1.

гополучное» происхождение, сам Вар рано удостоился милости Августа: найденная в 1900 г. на о. Тенос греческая надпись в честь «патрона и благодетеля» общины именуется его «квестором Цезаря Августа» (ILS. 8812). Это означает, что Вар в качестве личного адъютанта сопровождал Августа во время пребывания того на Востоке (21-19 гг. до н. э.).¹

Получение Варом (задолго до установленного законом возраста) консулата, да еще вместе с пасынком императора, представляло собой «весьма высокое и явно зависевшее от воли Августа отличие». Дальнейшая карьера Вара неизменно свидетельствует об особом расположении к нему принцепса: проконсул Африки (единственной из сенатских провинций, которая имела вооруженные силы); сразу же по окончании африканского наместничества он был послан управлять Сирией в качестве *legatus Augusti pro praetore*, заняв тем самым высший пост в римской военной иерархии, доступный сенатору. В роли наместника Сирии Вар имел дело с мятежом в Иудее после смерти Ирода Великого в 4 г. до н. э. Подавляя это движение, он с двумя легионами и ауксилиарными войсками огнем и мечом прошел по северу Палестины, распяв затем на крестах 2 тыс. пленных.²

Familienverhältnissen des P. Quinctilius Varus // *Hermes.* 1958. Bd. 86. H. 2. S. 254.

¹ *John W. P.* Quinctilius Varus. Sp. 909.

² *Ios. Ant. Iud.* XVII. 10. 9; *Bell. Iud.* II. 5. 1. Иосиф Флавий считает этот поход равнозначным захвату Иерусалима Помпеем или Веспасианом (*Ios. Contra Apion.* I. 7). По ироническому замечанию Б. Исаака, свирепая расправа с повстанцами хорошо иллюстрирует слова Веллея Патеркула о «мягком характере» и «благодарности» Вара (*Isaac B.* Op. cit. P. 57).

Продолжительность пребывания Вара в Сирии неизвестна. В начале 7 г. н. э. он прибыл на смену Сентию Сатурнину как легат Галлии в ранге пропретора и командующий Рейнской армией, состоявшей тогда из пяти легионов и вспомогательных частей. Три легионами (XVII, XVIII и XIX), расквартированными на севере Германии, он командовал непосредственно, еще два (I и V) были под началом его легата (и, кстати, племянника) Л. Нония Аспрената и стояли южнее.

Как отметил К. Уэллс, карьера Вара сильно отличалась от послужного списка любого его предшественника по германскому командованию: все они — Друз, Тиберий, Агенобарб, Виниций, Сатурнин — были профессиональными военными (*virī militares*).¹ С другой стороны, Б. Исаак справедливо указал, что представление о военной некомпетентности Вара по меньшей мере преувеличено: в определенном отношении театр военных действий в восставшей Иудее был не менее сложен, чем в Германии, а сам Вар, приняв командование Рейнской армией, имел больший опыт руководства войсками, чем Веспасиан к тому моменту, когда Нерон послал его на подавление иудейского восстания.² Видимо, главная причина катастрофы в Германии — не в бездарности военачальника и не в слабости его армии — знавший германские легионы по личному опыту Веллей называет их «войском, храбрейшим из всех, первым среди римских воинов по дисциплине, мощи, военному опыту» (II. 119. 2).

На свою последнюю должность Вар был назначен Августом далеко не случайно. К тому времени для инкорпорирования Германии в состав Римской империи было сде-

¹ Wells C. M. Op. cit. P. 239.

² Isaac B. Op. cit. P. 57.

лено достаточно много, и он должен был продолжить эту политическую линию, не забывая в то же время удерживать германцев от нового восстания демонстрацией римской военной мощи — это было особенно важно в критические годы иллирийского мятежа.¹

Дион Кассий (LVI. 18. 1-3), характеризуя положение между Рейном и Эльбой к 9 г., отмечает успешное в целом развитие процесса романизации новых римских владений: римляне, располагая в этой стране системой опорных пунктов, оставались там зимовать, торговали с варварами, постепенно приучая их к своим порядкам.

Археологические источники подтверждают эту информацию. Так, комплекс военных сооружений Хальтерна — лучше всего изученный памятник такого рода во всей Римской империи, относящийся ко времени Августа, — включал в себя гончарные мастерские, производившие не только обычную кухонную посуду, но и высококачественную керамику на продажу. Найденные там же фрагменты свинцовых водопроводных труб свидетельствуют о том, что римляне собирались обосноваться там надолго.²

Назначение Вара привело к резкому ускорению темпов насаждения римских порядков среди недавно еще свободных племен — новый наместник действовал так же круто и бесцеремонно, как он привык в Африке и Сирии, население которых давно свыклось с подобным поведением своих римских хозяев (*Dio Cass.* LVI. 18. 3-4). Этот стиль руководства едва ли стоит объяснять личной инициативой Вара: с точки зрения Августа, он был нужным человеком на нужном месте. Стремление форсировать темпы организации новой провинции, несомненно, следует связать с

¹ John W. Op. cit. Sp. 920.

² Schnurbein S. Op. cit. S. 101 f.

желанием принцепса сделать эти территории столь же надежной базой для дальнейшей экспансии, какой при завоевании самой Германии была Галлия.

Новому мощному рывку к мировому господству, естественно, должна была предшествовать фундаментальная подготовка материальных и людских ресурсов, и на долю Германии выпадала тем большая тяжесть, что с разоренного дотла Иллирика взять было нечего.

Для скорейшей постановки под римский контроль всех сторон жизни германцев требовался административный аппарат, который должен был выполнять задачи, выходящие за рамки чисто оккупационных. Известно, что сам Вар в Германии много занимался судопроизводством, и в его окружение входили юристы (впоследствии подвергшиеся перед казнью особенно изощренным издевательствам со стороны германцев).¹

При раскопках так называемого главного лагеря в Хальтерне (за время своего существования он был расширен с 16,8 до 18,3 га) были получены интересные данные, иллюстрирующие сведения письменных источников. Этот лагерь был слишком мал, чтобы вместить целый легион; принято считать, что в нем располагалось несколько когорт легионеров (граффито на слитке свинца — заготовке для водопроводной трубы — указывает на XIX легион), а также какое-то количество вспомогательных сил — судя по находкам, пращники и лучники. Все сооружения лагеря были построены из дерева и кирпича-сырца, т. е. в традиционной для античного строительного дела того времени технике. Среди стандартных лагерных сооружений — казарм, складов — выделяются несколько жилых домов (от 8 до 10) большой площади (вместе с двором каждый зани-

¹ *Vell.* II. 117.3-4; 118. 1; *Flor.* 11.30. 36-37.

мал от 450 до 2115 м²) и с претензией на роскошь: портики, внутренние дворики. Таких домов слишком много для командного состава находившихся в лагере воинских частей, и есть все основания считать, что в этих зданиях размещались крупные чиновники формировавшейся провинциальной администрации.¹

Но вся проделанная работа по романизации Германии оказалась бессмысленной — планам Августа не было суждено осуществиться. Потребовалось всего несколько дней, чтобы решить судьбу господства римлян за Рейном и их дальнейших завоевательных планов.

Нельзя не признать, что антиримский заговор в Германии был подготовлен и осуществлен образцово. Это связано в первую очередь с его центральной фигурой — Арминием, которого Тацит уважительно называет «освободителем Германии» (*Tac. Ann.* II. 88. 2).

Совсем молодым человеком Арминий, старший сын вождя племени херусков Сегимера, вместе со своим братом Флавом поступил на римскую военную службу. Флав продолжал оставаться под римскими знаменами и много лет спустя потерял глаз в одном из сражений под началом Тиберия (несомненно, в Иллирике), и уже после смерти Августа участвовал в войне против своих соплеменников (*Tac. Ann.* II. 9-10). Судьба его брата сложилась по-иному.

По словам Тацита, в римской армии Арминий был «командиром соотечественников» (*ductor popularium*) (*Tac. Ann.* II. 10. 3). Под этим термином следует понимать не вождя племенного ополчения, а префекта регулярного подразделения римских вооруженных сил — алы или когорты.² По

¹ См.: *Schnurbein S.* Op. cit. S. 100 f; *Kühlborn J.-S.* Op. cit. S. 538.

² *Saddington D. B.* The Development of the Roman Auxiliary Forces from Augustus to Traian // ANRW. 1975. Tl. 2. Bd. 3. P. 188.

меткому замечанию И.-С. Кюльборна, это время молодой германский аристократ не потерял даром — именно приобретенные на римской службе военные знания придали возглавленному им мятежу столь уничтожающую силу.¹ Но нельзя не согласиться и с В. Джоном, подчеркнувшим, что, если судить по полученным Арминием отличиям, он должен был иметь крупные заслуги перед римлянами.²

Само по себе назначение юного аристократа-варвара на малозначительную командную должность в римской армии было обычной практикой и хорошей школой воспитания лояльности в отношении Рима. Не столь удивительно, что Арминий получил римское гражданство, хотя уже это было достаточно почетно: Август, как известно, предоставлял римские гражданские права скупно и разборчиво, в строго индивидуальном порядке.³ Но дарование представителю недавно покоренного племени всаднического достоинства уже было экстраординарной почестью, и можно только гадать, за что конкретно правую руку Арминия украсил золотой перстень римского всадника.⁴

На родину Арминий вернулся, по мнению П. фон Роде-на, около 7 г., скорее всего, из-за смерти отца.⁵ Возможно, это произошло еще раньше: Арминий не знал, при каких обстоятельствах был ранен его брат (*Tac. Ann. II. 9. 2-3*), следовательно, во время иллирийского восстания в армии

¹ *Kühlborn J.-S. Op. cit. S. 539.*

² *John W. Op. cit. Sp. 945 f.*

³ *Suet. Aug. 40. 3; Comp.: Tac. Ann. III. 40. 1.*

⁴ Веллей Патеркул, который, как принято считать, лично знал и Вара, и Арминия, подчеркивает только, что гражданские права и всадническое достоинство молодой германский вождь получил за боевые заслуги (*Vell. II. 118. 2*).

⁵ *Rohden P. Arminius // RE. 1895. Hbd. 3. Sp. 1192.*

его уже не было; кроме того, маловероятно, чтобы он оставил службу после начала грозных событий на Балканах, когда римляне остро нуждались в опытных кадрах. Возможен, правда, и другой вариант — что Арминий служил на Востоке и появился в Германии вместе с Варом, т. е. именно в 7 г.¹

Момент для нанесения уничтожающего удара по римскому владычеству в Германии был выбран обдуманно и на редкость удачно. Арминий, который постоянно находился в ближайшем окружении Вара (*Dio Cass. LVI. 18. 6*), должен был хорошо знать военно-политическую ситуацию в европейских владениях Рима. Летом 9 г. римляне уничтожали последние очаги восстания в Далмации. Грозная опасность, нависшая над Римом, была ликвидирована. Вполне естественно, что римляне, которые в течение всего иллирийского мятежа очень опасались объединения германцев с мятежными племенами Паннонии (*Suet. Tib. 17. 1*), вздохнули с облегчением и ослабили контроль над германцами, которые после подавления Тиберием в 5 г. их восстания серьезных оснований для подозрения не вызвали.

Историю возникновения заговора передает Веллей Патеркул (*II. 118. 2-3*). Он сообщает, что мысль о восстании возникла у Арминия при виде беспечного поведения Вара. Ею он поделился сначала с немногими единомышленниками, затем число заговорщиков увеличилось. Подготовка к мятежу не осталась в тайне для римлян: тесть Арминия Сегест, ненавидевший своего зятя, несколько раз предупреждал Вара об опасности; даже накануне выступления германцев Сегест предложил в качестве превентивной меры арестовать всю племенную верхушку херусков, но

¹ *John W. Op. cit. Sp. 945 f.*

Вар отклонил это предложение.¹ Слепое доверие римского наместника в отношении Арминия можно удовлетворительно объяснить лишь многолетней и верной службой последнего Риму; кроме того, в бытность свою наместником Сирии Вар был слишком хорошо знаком с интригами в семействе Ирода Иудейского, чтобы придавать серьезное значение предупреждениям Сегеста.²

Римские вооруженные силы в Германии были уничтожены где-то у Визургиса (совр. р. Везер) — многочисленными попытками определить место гибели армии Вара долгое время не давали надежного результата.³ Но археологическое открытие 1987 г. и раскопки последующих лет доказали,⁴ что армия Вара погибла у горы Калькризе в Вестфалии.⁵ Основную информацию об этом событии дают нарративные источники, хотя они не свободны от противоречий.

¹ *Vell.* II. 118.4; *Tac. Ann.* I. 55. 2; 58. 2-3; *Flor.* II. 30.33; *Dio Cass.* LVI. 19. Пример Сегеста показывает, что римская политика в Германии не была столь уж бездумной, как иногда ее представляют: вполне успешно формировался слой проримски настроенной аристократии (*John W. Op. cit.* Sp. 920).

² *John W. Op. cit.* Sp. 945 f.

³ Ср.: *Моммзен Т.* История Рима. М., 1949. Т. V. С. 54 сл. Прим. 1; *Дельбрюк Г.* История военного искусства в рамках политической истории. М., 1937. Т. 2. С. 67 сл.; *Rohden P.* Op. cit. Sp. 1194 f.; *John W. Op. cit.* Sp. 951-955; *Keppie L.* Op. cit. P. 168; *Christ K.* Op. cit. S. 130; *Le Gall J., Le Glay M.* L' empire Romain P. 109.

⁴ См.: *Парфенов В. Н.* Последний бой легионов Вара? (древняя история и новейшая археология) // ВИИП. 2000. Вып. 4. С. 10-23

⁵ Ср.: *Vell.* II. 119; *Flor.* II. 30. 34-38; *Dio Cass.* LVI. 19-21; *Tac. Ann.* I. 61. Флор явно для драматизации повествования вводит совершенно фантастические детали. Подробный обзор источников содержит статья В. Джона в энциклопедии Паули—Виссова: *John W. Op. cit.* Sp. 923-941.

Суммируя эти данные, можно сжато изложить ход событий следующим образом.

В течение лета 9 г. участники уже сложившегося заговора постарались максимально рассредоточить находившиеся между Рейном и Эльбой римские войска. С этой целью они часто обращались к Вару с просьбой предоставить им воинские подразделения якобы для обеспечения безопасности на местах и добивались желаемого (правда, для этой цели обычно откомандировывались вспомогательные войска, а не легионеры). Но основная масса армии Вара все же находилась при нем, близ его летней резиденции.

Когда заговорщики сочли подготовку законченной, на достаточном удалении от римских сил вспыхнул будто бы незначительный по масштабам бунт. Вар со своей армией и громоздким обозом снялся с лагеря и отправился на его подавление. Наличие при воинских частях женщин, детей, многочисленной прислуги показывает, что дело происходило осенью — Вар явно намеревался подавить мятеж по пути в зимние лагеря, куда ежегодно уходили римляне.¹

Зачинщики восстания, еще присутствовавшие накануне выступления на пиру у Вара, где Сегест в последний раз выступил в роли Кассандры (*Tac. Ann.* I. 55. 2), после выступления римлян в поход оставили Вара под предлогом подготовки войск для помощи ему. Уничтожив расквартированные в гуще германцев римские гарнизоны и выждав, когда Вар углубится в труднопроходимые леса, они атаковали его со всех сторон.

¹ Т. Моммзен и П. фон Роден полагали, что эти события происходили, судя по наличию у римлян обоза и по описанию погоды во время битвы, в сентябре-октябре; В. Джон относит гибель римской армии к последней декаде сентября 9 г. (*Моммзен Т.* Указ. соч. С. 53; *Rohden P.* Op. cit. Sp. 1193 f.; *John W. Op. cit.* Sp. 956).

Римский командующий располагал тогда 12-15 тыс. легионеров, шестью когортами легкой пехоты (примерно 3 тыс. человек) и тремя алами кавалерии (1,5-3 тыс. человек), итого около 17-20 тыс. воинов.¹ Вар, несомненно, полагал, что для подавления локального мятежа этого (да еще обещанных ему германских вспомогательных отрядов) более чем достаточно. По мнению В. Джона, роковую роль должна была сыграть и приобретенная Варом в Иудее уверенность, будто одного появления римского солдата достаточно, чтобы отрезать мятежников, тем более что Арминий, конечно, постарался укрепить в нем это убеждение.²

Главной ударной силой восстания были изменившие Риму германские ауксилиарии — в этом отношении ситуация напоминала начало иллирийского мятежа.³ Но теперь вожди заговора, которые прежде постоянно находились при штабе Вара и должны были располагать подробной информацией о военных действиях на Балканах, учли ошибки, допущенные их иллирийскими коллегами. Уничтожающий удар по римской армии в Германии был нанесен твердой рукой мастера, сумевшего поставить элиту римских полевых войск в безвыходное и беспомощное положение.

Сначала германцы ограничились действиями легкой пехоты, сражение лишь местами переходило в рукопашный бой. Бушевала буря, лил проливной дождь; все это

¹ Мнение Л. Кеппи (*Keppie L. Op. cit. P. 168*). Даже если исследователь несколько преуменьшает количество тяжелой пехоты, ее никак не могло быть больше 18 тыс. (общая штатная численность трех легионов). Ср.: *Моммзен Т. Указ. соч. С. 53* (около 20 тыс.); *Дельбрюк Г. Указ. соч. С. 69* (от 12 до 18 тыс. бойцов).

² *John W. Op. cit. Sp. 947.*

³ Ср.: *Grant M. Op. cit. P. 104; Keppie L. Op. cit. P. 168.*

серьезно затрудняло действия легионеров и римской конницы. Неся огромные потери и почти не защищаясь, римляне пробивались вперед, пока не достигли места, где возможно было разбить лагерь.

По мнению В. Джона, Арминий, зная римские военные порядки, предвидел остановку Вара именно в этом месте и надежно блокировал его лагерь. Исследователь предполагает, что Вар попытался установить контакт с Арминием и в то же время дать знать в римские крепости о своем положении. Но гонцы были перехвачены германцами, которые не пытались штурмовать лагерь, уничтожая лишь те мелкие отряды, что осмеливались выйти за его пределы. Когда через несколько дней Вар приказал двигаться назад, к большой дороге, римляне на марше были атакованы со всех сторон. Вар еще смог приказать укрепиться, но затем покончил с собой. После этого часть воинов сдалась в плен. Некоторые попытались оказать сопротивление, которое было быстро сломлено. Затем Арминий прямо в римском лагере начал расправу с пленными.

Версия такого признанного авторитета в области военной истории, как Г. Дельбрюк, освещает ход сражения по-иному. Дельбрюк считает, что Вар двигался по большой дороге, наскоро проложенной римлянами в этих местах, в направлении Ализона, самой крупной римской крепости за Рейном. Колонна растянулась примерно на 15 км, когда разнеслась весть о нападении германцев; головные части остановились и начали разбивку лагеря, куда постепенно подтянулись все остальные. На следующий день войско Вара, уничтожив все лишнее, выступило из лагеря и к вечеру подошло к Дэрскому ущелью, занятому отрядами германцев. Не рискнув начать вечером штурм, римляне вновь разбили лагерь.

Наутро в дождливую и ветреную погоду они попытались пробиться через ущелье, но были отброшены к лагерю с большими потерями. Их конница при отступлении бежала. Вновь оказавшись в лагере, Вар и ряд других высших офицеров покончили с собой. Приближенные еще успели наскоро похоронить своего начальника, пока префект лагеря Цейоний вел переговоры о сдаче на милость победителя, завершившиеся капитуляцией уцелевших.

Какую бы версию ни предпочесть, очевидно, что шансов на успешное сопротивление у римлян не было никаких: превосходство противника в численности было многократным, а то обстоятельство, что Вар и остальные высшие командиры были ранены, доказывает — римские боевые порядки были совершенно расстроены (несмотря на то, что из лагеря легионы выступили, разумеется, полностью готовыми к бою, насколько это было возможно при сложившихся обстоятельствах).

Командный состав армии Вара был уничтожен целиком: легаты легионов погибли вместе со своим начальником,¹ захваченные или сдавшиеся в плен военные трибуны, центурионы-примипилы и один из лагерных префектов были после пыток принесены в жертву германским божествам; описанные Тацитом орудия казни предназначались, видимо, для остальных центурионов. Какой-то части кавалерии, вероятно, удалось вырваться из окружения, бросив пехоту на верную гибель. У пехотинцев же не было никаких шансов спастись бегством: в незнакомой местности, наводненной торжествующими врагами, их ждал в лучшем случае плен.

¹ Один из трех легатов, Нумоний Вала, пытался спастись бегством вместе с конницей, но был убит (*Vell.* II. 119. 4).

Рядовые солдаты, бросившие оружие, уцелели. Позднее некоторых из них родные выкупили из плена, но возвращаться в Италию Август им запретил (*Dio Cass.* LVI. 22. 4) (в 15 г. мы видим свидетелей гибели легионов в армии Германика на прежнем поле брани).¹

Насколько страшным ударом для Августа стала гибель Нижнерейнской армии, показывает реакция принцепса, описанная Светонием. День поражения Вара стал траурным (наподобие дня битвы при Аллии), сам Август несколько месяцев не стригся и не брился (знак траура у римлян) и порой, теряя (или якобы теряя) контроль над собой, бился головой о дверь, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!» (*Suet.* Aug. 23).

Подобное поведение можно понять, если постараться сопоставить результаты германской политики Августа с общей ситуацией на рубежах Римской державы в начале нашей эры.

Привыкший к беспрекословному повиновению всего населения огромной империи, обожествленный при жизни, уверенный, что он знает секрет успеха в любом, пусть самом сложном деле, первый римский принцепс под конец жизни пережил несколько мучительных разочарований. Если в неудаче своих династических планов он винил судьбу (указав на это даже в завещании), то на внешнеполитическом поприще эта своенравная особа, казалось, была полностью покорна его воле. Успех каждого предпринимавшегося завоевания, пусть нелегкий и достигнутый под-

¹ Описание Веллеем Патеркулом (II. 119. 4-5; 120. 6) и Тацитом (Апп. 1.61. 3-4) даже деталей расправы германцев с пленными и глумления над трупом Вара подтверждает, что очевидцам катастрофы удалось уцелеть и в конечном счете попасть к своим.

час ценой большой крови (но зато, как представлялось, тем более надежный), должен был уверить его в этом. И увидеть, как в одночасье уничтожаются результаты многолетних военных усилий и римляне оказываются отброшенными к исходной позиции, было бы мучительно даже один раз; Августу пришлось испытать это чувство дважды. Если мятежный Иллирик удалось вернуть, превратив большую часть его в пустыню, то повторить то же самое в Германии оказалось невозможным, для этого не хватало ни физических, ни моральных сил: «Вместе с Варом погибло нечто большее, чем одна из римских армий».¹

Хотя внешне римская военная машина реагировала на отпадение зарейнской Германии даже более оперативно, чем на иллирийский мятеж, чувствовалось, что надломилось нечто в самом мозговом центре механизма, приводившего в движение все щупальца гигантского спрута. Результаты не заставили себя ждать. На Востоке положение ухудшилось настолько, что о римском диктате в отношении Парфии и даже Армении уже не могло быть речи. Оставалось безнаказанным убийство в Боспорском царстве римского ставленника, царя Полемона, и не состоялась прямая аннексия Северного Причерноморья Римом — для этого не было ни сил, ни острой необходимости.

Германия была последним шансом Августа на продолжение военной экспансии, и его торопливость в насаждении римских порядков между Рейном и Эльбой подтверждает это. Парадоксальным образом, Август, если можно так выразиться, собственными руками вырыл могилу римскому господству в Германии. Хотя он сделал все, чтобы единственными виновниками катастрофы представить Вара и его солдат (чего стоит один только запрет бывшим

¹ *Syme R. The Northern frontiers...* P. 379.

пленным возвращаться в Италию!), но истинным виновником, безусловно, являлся сам император с его маниакальной жадой все новых и новых завоеваний и верой в то, что для римского оружия невозможного нет.

Известный интерес представляет вопрос о том, располагал ли Рим достаточными возможностями, чтобы ликвидировать военный успех германцев. М. Грант полагает, что при желании Август мог компенсировать потерю трех легионов набором новых, но возможно это было лишь путем крупномасштабного воинского призыва не только в Италии, но и (как минимум) на юге Галлии и Испании. Это мероприятие, в свою очередь, неизбежно повлекло бы за собой политические осложнения в масштабе, неприемлемом для Августа.¹

Справедливость этой точки зрения становится очевидной, если учесть, что подобный эксперимент Август все-таки предпринял: набор свободнорожденных (*dilectus ingeniozum*) в самой столице был после поражения Вара проведен (ЕJ². 368). Но при этом Август столкнулся с открытым неповиновением — военнообязанные римские граждане отказывались идти в армию. Положения не изменили даже суровые репрессии: лишение гражданских прав с конфискацией имущества или смертная казнь (*Dio Cass. LVI. 23. 2-3*). Пришлось прибегнуть к уже испытанной мере — для защиты рейнского рубежа были сформированы когорты из отпущенных на волю рабов² — более убедительного доказательства острой нехватки людских ресурсов придумать трудно.

Колин Уэллс считает, что в принципе армия необходимых размеров могла быть набрана, и крупномасштабные

¹ *Grant M. Op. cit. P. 108.*

² *Suet. Aug. 25. 2; Macrob. Sat. I. 11. 33; Dio Cass. LVI. 23. 3.*

германские войны возможно было возобновить. Однако, констатирует он, серия римских вторжений уже привела в движение германский племенной мир, и результаты этого оказались для Рима фатальными: даже полное истребление того или иного племени приводило лишь к тому, что его место занимал новый, еще более грозный противник, располагавший практически неисчерпаемым потенциалом в лице племен, живших за Эльбой.¹

Взвесив все доводы за и против, Август счел необходимым отказаться от реванша за катастрофу 9 года. Хотя на Рейне была срочно сконцентрирована мощная группировка из восьми легионов со вспомогательными войсками, вплоть до перехода императорской власти к Тиберию, римлянами предпринимались за Рейном лишь вооруженные акции ограниченных масштабов, нацеленные главным образом на восстановление престижа римского оружия.² Тем самым Август признавал, что борьба за мировое господство, занявшая почти все его долгое правление, завершилась провалом.

¹ Wells C.M. Op. cit. P. 244 f; Idem. The impact of the Augustan Campaigns on Germany // Assimilation et résistance a la culture Gréco-Romaine dans le monde antique. Travaux de VI-e Congrès International d' Etudes Classiques (Madrid, Septembre 1974). Bucaresti; Paris, 1976. P. 426 f.

² Vell. II. 120. 1-2; 121. 1; 122.2; 123. I. Dio Cass. LVI. 25. 2-3. По мнению Р. Сигера, Август тогда не оставлял мысль о восстановлении римского господства между Рейном и Эльбой (Seager R. Op. cit. P. 45). Как бы там ни было, римляне в последние годы правления Августа больше не рисковали углубляться во вражескую страну; Дион Кассий отмечает как достижение, что в 11 г. римский экспедиционный корпус во главе с Тиберием и Германиком отпраздновал за Рейном день рождения Августа, т. е. 23 сентября. Ситуация изменилась лишь после смерти Августа. См.: Парфенов В. Н. Тиберий, Германик и Германия // ВИИП. 1997. Вып. 2. С. 10-24.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Подводя итоги своей жизни, Август лицемерно утверждал, что основной его заслугой является «восстановление» Римского государства после гражданских войн, т. е. возврат к «доброму старому времени». На деле же за время его принципата — режима, основанного на социальном и политическом компромиссе победителей и побежденных в гражданских войнах, — монархический принцип власти прокладывал себе дорогу во всех областях римской политической жизни.

С наибольшей отчетливостью это проявилось в военной организации Рима, тогда как в других областях социально-политической жизни реликты республиканского строя могли сохраняться еще многие десятилетия и даже столетия. Армия же в силу своей специфики не нуждалась в подобном камуфляже и не могла его себе позволить. В ней на смену прежней коллегиальности командования пришла жесткая субординация, замыкавшая всю систему управления вооруженными силами на императора. Любые претензии полевых командиров на самостоятельность, а особенно их несанкционированные действия, затрагивавшие сферу политики, стали решительно пресекаться.

В своем военном строительстве Август преследовал две основные цели: сделать армию надежным средством обеспечения внутренней безопасности и эффективным инструментом внешней политики. Удалось ему это в разной сте-

пени. Из разнородных элементов, стихийно формировавшихся в течение многих веков, военные реформы Августа создали единый организм, включавший в себя привилегированные столичные формирования, сухопутные войска и военно-морской флот. Особое внимание уделялось охране императора, чему служило наличие когорты телохранителей, преторианской гвардии, городских и сторожевых когорт. Этот многослойный барьер между принцем и его собственным народом практически исключал любое посягательство на персону властителя извне. Для поддержания стабильности на огромной территории Римской империи вооруженные силы тоже служили достаточно надежно. Кроме полевых частей и городских гарнизонов, власть Рима над покоренными народами поддерживалась и военными колониями, выведение которых в провинции началось еще в эпоху гражданских войн.

Однако у созданной Августом военной системы, при всей ее продуманности и внешней безупречности, был один кардинальный недостаток: жесткая централизация обусловила ее малую эластичность — гарантировать полную надежность защиты римских владений она не могла. Предоставить свободу действий римским военачальникам на местах император не мог из опасения, что они создадут угрозу для него самого. Предоставление ответственного командования только членам императорского дома, наделенными достаточными полномочиями, было, как показала практика, лишь малоудовлетворительным паллиативом. Однако Август не был бы самим собой, не попытается он найти выход и из этого затруднения.

Наиболее радикальное решение проблемы заключалось в том, чтобы устранить саму возможность возникновения внешней угрозы. С этой целью был разработан и начал методично осуществляться грандиозный план покорения

всего обитаемого мира. Он предусматривал, в частности, полное завоевание континентальной Европы с тем, чтобы затем, мобилизовав ее ресурсы, покорить оставшуюся часть известной римлянам ойкумены. При существовавшем в античности уровне географических и этнографических знаний план этот должен был выглядеть вполне осуществимым, так как расстояние до Океана на Востоке мыслилось гораздо меньшим, чем оно было в действительности, а упорное сопротивление могли оказать только парфяне (поэтому столкновение с ними в ближайшей перспективе не предусматривалось). На Западе же римские войска, прежде чем развернуть ширококомасштабное наступление в центре Европы, приобрели ценный боевой опыт в локальных войнах, а выявленные недостатки римской военной организации были устранены в ходе преобразований 14–13 гг. до н. э.

Первые военные кампании Рима за Рейном, казалось, подтверждали самые оптимистические прогнозы: сокрушая отчаянное сопротивление германцев, римляне сравнительно легко и быстро достигли Эльбы. Правда, затем потребовалось много лет, чтобы закрепить результаты этих завоеваний, но тем основательнее был подготовлен следующий мощный удар, который должен был надолго, если не навсегда, сломить всякий организованный отпор римской агрессии. Но поднявшееся в 6 г. н. э. восстание в Паннонии и Далмации заставило перебросить туда уже сосредоточенные для наступления войска, а уничтожение в 9 г. восставшими германцами трех легионов Вара навсегда похоронило амбициозные внешнеполитические планы Августа.

Разумеется, дело было не только и не столько в понесенных римлянами крупных потерях, которые при желании можно было компенсировать. Более существенным

явилось другое обстоятельство: в корне неверным оказался прогноз развития стратегической ситуации — по мере продвижения римлян в глубь вражеской территории сопротивление варваров не ослабевало, а усиливалось, места уничтоженных племен занимали новые, еще более многочисленные и грозные, подавляющий поначалу перевес римлян на поле боя становился все более зыбким по мере ознакомления противника с их вооружением и тактикой, а тыл действующей римской армии мог вспыхнуть новыми восстаниями, как показали события 6—9 гг.

Все это заставило Августа радикально пересмотреть свою внешнеполитическую доктрину. Даже немедленное восстановление власти римлян в междуречье Рейна и Эльбы было сочтено слишком дорогостоящей задачей — дело ограничилось демонстративными акциями, необходимыми не в силу их военной целесообразности, а для восстановления престижа римского оружия перед лицом общественного мнения самого Рима.

Неудача глобальной политики Августа имела далеко идущие внутривнутриполитические последствия: не удалось убрать армию из «большой политики», надолго заняв ее в престижных внешних завоеваниях. Смерть первого принцепса, которому в течение своего долгого правления удавалось заставить вооруженные силы играть назначенную им в новой политической структуре роль, сразу же повлекла за собой необратимые изменения в жизни Римской империи: армия выступила на авансцену и уже не покидала ее до самого конца античной истории.

ПРИЛОЖЕНИЯ

1. ДОКУМЕНТЫ

1.1. Эдикт Октавиана о ветеранах

Датировка этого папируса спорна: в литературе диапазон мнений колеблется от 40/39 до 30 гг. до н. э. Это объясняется тем, что текст сохранился не целиком, и восстановление титулатуры Октавиана, имеющей ключевое значение для датирования документа, носит предположительный характер.

Перевод сделан по изданию: Documents illustrating the reigns of Augustus and Tiberius. Coll. by V. Ehrenberg a. A. H. M. Jones. 2nd ed. Oxf., 1976. Nr. 302.

* * *

«...Ветеран Маний Валент... огласил ту часть эдикта, которая приведена ниже».

«Император Цезарь, сын божественного [Юлия], триумвир на второй срок для устройства государства,¹ говорит:

Мне угодно издать указ, чтобы всем ветеранам было предоставлено освобождение от налогов...² Им, их родите-

¹ Вариант: триумвир для устройства государства, консул в третий раз.

² Несколько строк не читается.

лям, а также детям и женам, которых они имеют или будут иметь, даруется освобождение всей их собственности от налогообложения; наконец, они могут быть римскими гражданами со всеми положенными им правами. Они освобождаются от налогообложения, освобождаются от военной службы и от исполнения общественных повинностей. Вышеупомянутые лица имеют право подавать голос и быть включенными в списки граждан в той трибе, в которой они пожелают, а если они захотят быть внесенными в списки в свое отсутствие, это должно быть разрешено как им самим, так и их родителям, женам и детям.

Я повелеваю также, что они могут владеть, пользоваться и распоряжаться жреческими должностями, магистратурами, прерогативами, привилегиями и доходами, которые им принадлежат.

Ни какие-либо магистраты, ни легат, ни прокуратор, ни сборщик податей не могут останавливаться в их домах для проживания или зимовки и не имеют права помещать там кого-либо на зимние квартиры против воли хозяина».

1.2. Надпись из Венафра I (ILS. 2690-EJ². 245)

«Лузия Паулина, дочь Марка, [жена] Секста Ветулена Цериала, [поставила] себе и Марку Вергилию Галлу Лузию, сыну Марка, Терентинской [трибы], [своему] отцу, примипилу² XI легиона, префекту пехотной и кавалерийской когорт убиев, награжденному двумя почетными копьями и золотыми венками божественным Августом и Тибе-

¹ Венафр — город, расположенный к югу от Рима, на границе Самнии и Кампании.

² Старший центурион легиона.

рием Цезарем Августом, троекратному начальнику сапеллов, военному трибуну первой когорты,¹ идиологу при Египте,² двукратному дуумвиру,³ понтифику.

Авлу Лузию Галлу, сыну Авла, Терентинской [трибы],³ брату,⁴ военному трибуну XXII Киренаикского легиона,⁵ префекту конницы».

1.3. Список легионеров из Коптоса (Egynet)

Назначение приводимого ниже папируса неизвестно; нет прямого указания на то, что это военный документ, однако латинский алфавит, римское гражданство всех перечисленных лиц с указанием отчества, трибы и происхождения не оставляют сомнения в том, что это действительно список солдат. Документ относится к началу принципата Августа и показывает, что первый принцепс продолжил на Востоке практику Антония, зачисляя в легионы местных уроженцев.

Перевод сделан по изданию: *Fink R. O. Roman military records on papyrus. Cleveland, 1971. P. 165. Nr. 36.*

¹ Преторианской гвардии.

² Идиолог — один из ближайших помощников префекта Египта.

³ Дуумвир — высшее должностное лицо в муниципии или колонии.

⁴ Если Авл Лузий — сын Авла, то он никак не может быть братом Лузии, дочери Марка. Остается предположить ошибку резчика.

⁵ XXII легион назывался Дейотаровым, он находился в Египте вместе с III Киренаикским, что, видимо, и ввело в заблуждение резчика.

[Имя]	[Отчество]	[Триба]	[Место рождения]
Генуций	сын Гая	Эмилиева	Песинунт
Канидий	сын Гая	Помптинская	Анкира
Бэбий	сын Квинта		Анкира
Корнелий	сын Секста	Помптинская	Анкира
Сулпиций	сын Луция	Лемониева	Песинунт
Юлий	сын Мания	Клавдиева	Кремона
Турраний	сын Квинта	Ромилиева	Лаодикея
Требий	сын ...	Ромилиева	Апамея
Октавий	сын Авла	Ромилиева	Гадрумет
...ий	сын Гая		Филомедия
Саллюстий	сын Гая	Сабатинская	Утика
Антоний	сын Луция	Корнелиева	Лаодикея
Аррунций	сын Луция	Корнелиева	Лаодикея
...торий	сын ...	Фабиева	Альтин
			Хрисополь

1.4. Надпись на Атесте (ILS. 2243)

В этот небольшой город на северо-востоке Италии была после битвы при Акции выведена колония XI легиона армии Октавиана. Надпись интересна тем, что Биллиен, о котором идет в ней речь, получил за участие в сражении почетное имя Актийский и был, хотя в армии он служил простым солдатом, включен в муниципальную аристократию — обычно к сословию декурионов относились отставные центурионы и военные трибуны.

* * *

«Марк Биллиен Актийский, сын Марка, Ромилиевой трибы, воин XI легиона, участник морского сражения, был выведен в колонию и причислен к сословию декурионов...».¹

1. 5. Надпись из Антиохии Писидийской (ILS. 2237-2238)

Этот город, расположенный в Малой Азии, после гражданских войн принял ветеранов V легиона Жаворонков, набранного в свое время Цезарем в Трансальпийской Галлии. Как видно, этот легион называли также и Галльским.

* * *

«Тит Кампусий, сын Гая, Сергиевой трибы, ветеран V Галльского легиона.

Тит Киссоний, сын Квинта, Сергиевой трибы, ветеран V Галльского легиона.

Пока я жил, я вволю пил.

А уж теперь пейте вы, живущие.

Сделал брат, Публий Киссоний, сын Квинта, Сергиевой трибы».

1.6. Афинская надпись в честь Марка Лициния Красса (ILS. 8810)

Надпись, которая, видимо, датируется 29-28 гг. до н. э., интересна указанием на императорский титул Красса и

¹ Окончание надписи не сохранилось.

свидетельствует о его бесспорной популярности среди греческого населения Балкан.

* * *

«Народ — Марку Лицинию Крассу, сыну Марка, проконсулу и императору — за доблесть и доброжелательность».

1.7. Надпись Корнелия Галла с нильского острова Филе (ILS. 8995)

Датируется началом 20-х гг. до н. э.

* * *

«Гай Корнелий Галл, сын Гнея, римский всадник, первый префект Александрии и Египта после низложения царей¹ Цезарем, сыном божественного.² Когда отложились Фиваида, он победил врага за 15 дней, в течение которых одержал победу в двух сражениях, взял пять городов: Боресу, Коптос, Керамик, великий город Зевса,³ Офиессу. Захватив вождей этих мятежей, он провел войско за порог Нила; прежде до этого места не доходили вооруженные силы ни римского народа, ни царей.⁴ Покорив Фиваи-

¹ Подразумеваются Клеопатра и ее дети, т. е. династия Птолемеев.

² Юлия Цезаря.

³ Фивы — центр культа Амона, которого греки и, как видим, римляне отождествляли с Зевсом.

⁴ Это, может быть, справедливо в отношении Птолемеев — в их внешней политике приоритет был отдан Восточному Среди-

ду, общину, устрашавшую всех царей,¹ дав у Филе аудиенцию послам царя эфиопов и приняв этого царя под покровительство, назначив тирана в Триаконтасхену, одну из областей Эфиопии, посвятил² отеческим богам и Нилу-помощнику».

1.8. Надгробный памятник Квинта Эмилия Секунда (ILS. 2683)

Эта надпись дает хороший пример не блестящей, но внушающей уважение карьеры римского служаки, одинаково добросовестно выполнявшего любое порученное ему дело, от штурма вражеской крепости до переписи населения, от руководства техническим персоналом государственного учреждения до священнослужения. Именно такие люди составляли подлинную элиту римской императорской армии и пользовались неподдельным уважением и во время службы, и после отставки.

* * *

«Квинт Эмилий Секунд, сын Квинта, Палатинской трибы. Во время воинской службы при божественном Август-

земноморью. Что же касается фараонов, то здесь хвастовство Галла совершенно безосновательно: египетские войска совершали походы на юг от первого порога Нила еще во времена Раннего царства, т. е. за три тысячи лет до установления власти римлян над Египтом.

¹ При Птолемах Фиваида действительно была очагом антиправительственных мятежей и народных восстаний.

² Этот монумент с надписью на трех языках.

те¹ был удостоен почестей Публием Сульпицием Квиринием, императорским наместником Сирии. Префект I Августовой когорты, префект II флотской когорты; он же по приказу Квирина провел ценз, насчитав в городе Апамене² 117 тысяч граждан.³ Когда он был послан Квиринием против итуреев, то взял штурмом их крепость в Ливанских горах. До военной службы оба консула назначили его начальником технического персонала при Эрарии.⁴ В колонии он был квестором, дважды — эдилом, дважды — дуумвиром, понтификом.

Там же покоятся сын, Квинт Эмилий Секунд, сын Квинта, Палатинской трибы, и вольноотпущенница Эмилия Хия.

Этот памятник больше не передается по наследству».

1.9. Символический надгробный памятник, украшенный рельефом, изображающим центуриона при боевых наградах и с жезлом — знаком его должности (ILS. 2244)

По представлениям древних, душа того человека, чье тело осталось непогребенным, обрекалась на вечные мучения; лишенная доступа в царство теней, она могла дос-

¹ Надпись датируется временем после 14 г. — Август уже умер и обожествлен.

² Ошибка резчика — речь идет об Апамее, крупном и богатом сирийском городе.

³ Эта перепись 6 или 7 гг. н. э. упоминается Иосифом Флавием (Ant. XVII. 13. 5; XVIII. h i; 2. 1) и в Евангелии от Луки (2. 1).

⁴ Эрарий — государственная казна в Риме.

тавить немало неприятностей живущим, особенно родственникам. Поэтому в тех случаях, когда похоронить покойника оказывалось невозможно (например, война, моряка, купца, погибшего в чужих краях), родственники воздвигали ему символический памятник (кенотаф) и совершали положенные заупокойные обряды.

В данном случае речь идет о воине, павшем в несчастной для Рима битве в Тевтобургском лесу (9 г. н. э.). Спустя шесть лет Германик, оказавшись с армией на прежнем поле брани, распорядился насыпать курган над останками павших, но после ухода римлян этот могильный холм был уничтожен германцами.

* * *

«Марку Целию, сыну Тита, Лемониевой трибы, уроженцу Бононии.¹ Центурион XVIII легиона, 53-х с половиной лет, погиб в Варову войну.

Да будут хотя бы так погребены его кости!

Сделал брат, Публий Целий, сын Тита, Лемониевой трибы».

1.10. Властители Рима (императорский дом времени Августа)

Эти тексты (ILS. 107) из средневекового (IX-X вв.) сборника надписей были скопированы с утраченных впоследствии постаментов статуй, изображавших всех представителей семьи Августа (отсутствуют обе Юлии, дочь и внучка императора, и Агриппа Постум, бывшие к тому

¹ Современная Болонья в Северной Италии.

времени в ссылке). В средневековом кодексе тексты были расположены произвольно, хотя статуи, без сомнения, располагались по четкой схеме: сам Август, его жена, покойные уже Гай и Луций Цезари, приемный сын Тиберий, его сыновья, внуки и, наконец, Клавдий, брат Германика. Эта схема восстановлена в предлагаемом переводе, но восходящая к рукописи нумерация сохранена.

* * *

«5. Императору Цезарю Августу, сыну божественного, великому понтифику, отцу отечества, авгуру, квиндецемвиру по священнодействиям, септемвиру эпулонов,¹ тринадцатикратному консулу, семнадцатикратному императору, в 30-й год трибунской власти.²

6. Ливии, дочери Друза, жене Цезаря Августа.

7. Гаю Цезарю, сыну Августа, внуку божественного, понтифику, консулу, императору.³

8. Луцию Цезарю, сыну Августа, внуку божественного, авгуру, десигнированному консулу, предводителю молодежи.⁴

4. Тиберию Цезарю, сыну Августа,⁵ внуку божественного, понтифику, двукратному консулу, троекратному императору и авгуру, в 9-й год трибунской власти.

¹ Коллегия семи занималась устройством религиозных пиршеств.

² 7/8 г. н.э.

³ Гай Цезарь родился в 20 г. до н. э., был усыновлен Августом в 17 г. до н. э., умер 21 февраля 4 г. н. э.

⁴ Луций Цезарь, родившийся в 17 г. до н. э. и тогда же усыновленный Августом, умер 20 августа 2 г. н. э.

⁵ Тиберий был усыновлен Августом 26 июня 4 г. н. э.

2. Друзу Юлию Цезарю, сыну Тиберия, внуку Августа, правнуку божественного, понтифику.

3. Германику Юлию Цезарю,² сыну Тиберия, внуку Августа, правнуку божественного.

1. Нерону Юлию Цезарю, сыну Германика, правнуку Августа.

9. Друзу Юлию Германику, сыну Германика, правнуку Августа.

10. Тиберию Клавдию Нерону Германику, сыну Друза Германика.³

¹ Родной сын Тиберия, родился в 15 г. до н. э. или несколько позднее.

² Германик, сын Друза, брата Тиберия, родился в 15 г. до н. э., был усыновлен Тиберием по приказанию Августа в 4 г. н. э. и, таким образом, стал считаться внуком Августа и правнуком Юлия Цезаря.

³ Нерон, сын Германика, родился около 5 г. н. э.

⁴ Друз, тоже сын Германика и Агриппины, родился буквально накануне установки этой группы статуй.

⁵ Клавдия (род. в 10 г. до н. э.) к государственной деятельности не готовили, но Август, при всех колебаниях относительно его дальнейшей судьбы, все же считал его членом императорского дома.

АВГУСТ И ЕГО ЭПОХА ГЛАЗАМИ ПОЗДНЕРИМСКИХ ИСТОРИКОВ

2.1. *Евтропий. Краткая римская история от основания Города*

Евтропий (? — ок. 370 г.) был императорским секретарем уже при Константине, позднее участвовал в несчастливом персидском походе Юлиана Отступника. По поручению Валента написал краткий очерк истории Рима, доведя повествование до 364 г. Это сочинение, отличающееся ясностью изложения и компактностью, пользовалось большой популярностью (было переведено и на греческий язык).

Ниже приводится фрагмент этого произведения, относящийся к политической деятельности Августа. Перевод сделан по изданию: *Evtropii Breviarium ab Urbe condita*. Rec. C. Santini. Leipzig, 1979.

* * *

VII. 1. Около семьсот девятого года от основания Города,¹ когда был убит Цезарь, возобновились гражданские войны. Дело в том, что сенат благоволил к убийцам Цезаря, а консул Антоний, принадлежавший к партии Цезаря,

¹ 44 г. до н. э.

попытался уничтожить их в гражданской войне. В результате сенат объявил Антония, учинившего многие злодеяния в приведенном в расстройство государстве, врагом. (2) Для преследования его были посланы оба консула, Панса и Гирций, и Октавиан, молодой человек 18 лет от роду, племянник Цезаря, которому тот по завещанию оставил наследство и приказал принять свое имя.¹ Это был тот, кто позднее стал зваться Августом и верховным правителем. Таким образом, три полководца, отправившись против Антония, победили его. Однако случилось так, что оба консула-победителя погибли.² В результате три войска оказались в подчинении у одного Цезаря Августа.

2. Обращенный в бегство Антоний прибежал к Лепиду,³ потеряв войско (а тот был начальником конницы Цезаря³ и обладал тогда большим войском), и был им принят. Затем, пока Лепид занимался всем этим, Цезарь примирился с Антонием и, якобы для того, чтобы отомстить за смерть отца, по завещанию которого он был усыновлен, отправив-

¹ Консулы 43 г. до н. э. Г. Вибий Панса Цетрониан и А. Гирций были умеренными цезарианцами, которых восстановили против Антония его непомерные амбиции. Г. Октавий, юный сын малоизвестного сенатора и племянницы Цезаря Атии, был усыновлен Юлием Цезарем по завещанию и стал именоваться Гаем Юлием Цезарем Октавианом (имя Августа он принял в 27 г. до н. э.). В кампании против Антония (Мутинская война) Октавиан имел полномочия пропретора, предоставленные ему сенатом по предложению Цицерона.

² Гирций погиб в бою, Панса немного позднее умер от раны. Ходили упорные слухи, что они отправились в мир иной не без помощи своего младшего коллеги.

³ Т. е. заместителем диктатора. После убийства Цезаря Лепид сумел обеспечить себе солидный политический вес и некоторое время держался в стороне от активной политической борьбы.

шись в Рим с войском, добился, чтобы ему на двенадцатом году жизни было предоставлено консульство.¹ (2) Он подверг сенат проскрипциям и начал вместе с Антонием и Лепидом силой оружия править государством.² Ими, между прочим, был умерщвлен оратор Цицерон и многие другие нобили.

3. Между тем Брут и Кассий, убийцы Цезаря, начали большую войну. Дело в том, что они захватили многочисленные войска, которые были в Македонии и на Востоке.³ Против них отправились Цезарь Октавиан Август и М. Антоний, тогда как для защиты Италии остался Лепид. (2) Они сражались против тех при македонском городе Филиппах.⁴ В первом сражении Антоний и Цезарь были побеждены, однако погиб вождь нобилитета Кассий, во втором же, потерпев поражение, погиб Брут и бесчисленное множество аристократов, которые воевали против них [цезарианцев]. (3) Затем между ними было поделено государство, так что Август владел Испаниями, Галлиями⁵ и Италией, а Антоний Азией,⁶ Понтом, Востоком. (4) Но в Италии консул Л. Антоний, брат того, кто вместе с Цезарем борол-

1 При Республике возрастной ценз для консула составлял 43 года, Октавиан же стал консулом накануне своего двадцатилетия,² 19 августа 43 г. до н. э.

² Подразумевается второй триумвират — коллегияльная военная диктатура цезарианцев.

³ Республиканцы сумели выставить армию в 22 легиона, не считая вспомогательных и союзных войск. Действующая армия цезарианцев (тоже без учета вспомогательных сил) составляла 19 легионов, но это были в основном ветераны.

⁴ Осень 42 г. до н. э.

⁵ Т. е. испанскими и галльскими провинциями.

⁶ Римская провинция Азия — территория прежнего Пергамского царства.

ся против Брута и Кассия, возбудил гражданскую войну. Он был побежден при этруссском городе Перузии и взят в плен, но не казнен.¹

4. Тем временем в Сицилии была начата большая война Секстом Помпеем, сыном Гн. Помпея Магна, и те, кто прежде принадлежал к партии Брута и Кассия, стекались к нему. Затем против Секста Помпея воевали Цезарь Октавиан Август и М. Антоний, позднее был заключен мир.²

5. В это время М. Агриппа удачно действовал в Аквитании, а Л. Вентидий Басс в трех сражениях победил вторгшихся в Сирию персов.³ Пакор, сын царя Орода, был убит в тот же самый день, в который некогда Сурена, полководец царя персов Орода, погубил Красса. Он (Вентидий) первым в Риме отпраздновал над парфянами в высшей степени заслуженный триумф.

6. Между тем Помпей нарушил мир и, побежденный в морском сражении, бежал в Азию, где был убит.⁴ Антоний, который владел Азией и Востоком, разведясь с сестрой Цезаря Августа Октавиана, взял в жены Клеопатру, царицу Египта. Он также воевал против персов. (2) В первых

¹ Чтобы не портить отношений с Марком Антонием.

² Антоний не принимал непосредственного участия в военных действиях против Секста Помпея. Мир был заключен в 39 г. до н. э.

³ Персами Евтропий называет парфян, так как в его время восточным соседом Рима было Новоперсидское царство Сассанидов, еще в III в. пришедшее на смену Парфянской державе. Парфяне вторглись в римские пределы в 40 г. до н. э., а разбиты были Публием (Евтропий ошибочно называет его Луцием) Вентидием Бассом в 39-38 гг.

⁴ Мир был нарушен как раз Октавианом. Помпей проиграл осенью 36 г. до н. э. морскую войну за Сицилию, бежал на Восток, попытался воевать там против Антония, но был взят в плен и казнен в Милете.

сражениях он их победил, однако при возвращении страдал от голода и болезней и, преследуемый бежавшими было парфянами, удалился побежденным.¹

7. Вдобавок он был инициатором большой гражданской войны, принужденный к этому своей женой Клеопатрой, так как она из-за женского тщеславия желала царствовать также и над Городом.² Побежденный Августом в знаменитой и замечательной морской битве при Акции,³ который находится в Эпире, он бежал оттуда в Египет и, когда его дела оказались в отчаянном положении, потому что все перешли к Августу, покончил с собой.⁴ Клеопатра подпустила к себе аспиду и скончалась от его укуса.⁵ Египет был включен Октавианом Августом в Римскую державу, и руководство им поручено Г. Корнелию Галлу. Он был первым римским правителем Египта.⁶

8. Таким образом, завершив войны во всем мире, Октавиан Август возвратился в Рим, на двенадцатый год после того, как стал консулом.⁷ (2) С этого времени он один сорок четыре года владел государством, тогда как до того двенадцать лет правил вместе с Антонием и Лепидом. (3) Таким образом, от начала до конца его принцепата прошло пятьдесят шесть лет. (4) Умер же он естественной смертью на семьдесят шестом году жизни в кампанском городе

¹ Парфянский поход Антония относится к 36 г. до н. э.

² Пропагандистская «утка», запущенная Октавианом.

³ 2 сентября 31 г. до н. э.

⁴ 1 августа 30 г. до н. э.

⁵ Строго говоря, тайну своего самоубийства Клеопатра унесла с собой; смерть от змеиного укуса — это всего лишь наиболее распространенная версия случившегося.

⁶ В оригинале — «судей» (*iudex*) — обычное для времени Евтропия обозначение наместника.

⁷ Неточно. Август возвратился в Рим с Востока в 29 г. до н. э.

Ателле.¹ Похоронен он был в Риме на Марсовом поле, муж, о котором совершенно справедливо полагают, что он большей своей частью подобен богу. Ведь трудно сказать, кто был счастливее, чем он, в войне или умереннее в мире. Те сорок четыре года, что он один правил Империей, он прожил достойнейшим образом, будучи необыкновенно милостивым по отношению ко всем, он был настолько верен друзьям и возвысил их такими почестями, что их положение едва не стало равным его собственному.

9. Никогда прежде до него Римское государство не было в более цветущем состоянии. Ведь даже если не считать гражданские войны, в которых он был непобедим, он подчинил власти Рима Египет, Кантабрию, Далматию, редко побеждаемую прежде, но полностью покоренную при нем, Паннонию, Аквитанию, Иллирик, Ретию, винделиков и салассов в Альпах, все приморские государства Понта, известнейшие среди которых Босфор и Пантикапей.² Кроме того, он победил в сражениях даков. Он уничтожил полчища германцев и отбросил их за реку Альбис, которая находится в стране варваров далеко за Реном.³ Этой военной кампанией он руководил через своего пасынка Друза, так же как паннонской через Тиберия, другого своего пасынка. В этой войне он перевел из Германии 40 тысяч пленных и устроил их за берегом Рена в Галлии.⁴ Армению он

¹ 19 августа 14 г. н. э. Август действительно умер в Кампании, но не в Ателле, а в Ноле.

² Как известно, Пантикапей — столица Боспорского царства. Евтропий разделяет оба понятия, видимо, в силу особого положения города, сравнимого с положением Александрии «при Египте».

³ Современные реки Эльба и Рейн.

⁴ Это было племя сугамбров, к которому у римлян имелся особый счет: за несколько лет до того сугамбры вторглись в Галлию

отобрал у парфян. Персы дали ему заложников, которых прежде не давали никому. Они возвратили также римские знамена, которые отняли, победив Красса.¹

10. Скифы и инды, которым прежде было неведомо имя римлян, прислали к нему дары и послов.² (2) Галатия, которая прежде была царством, в его время была сделана провинцией, и первым ею управлял пропретор М. Лоллий. (3) Он пользовался такой любовью даже у варваров, что цари — друзья римского народа — основывали в его честь города, которые называли Цезареями. Такой город был основан в Мавритании царем Юбой, и в Палестине, где он является сейчас самым знаменитым городом. (4) Кроме того, многие цари прибывали из своих царств и, чтобы угодить ему, в римской одежде, то есть одетыми в тогу, бежали за его повозкой или конем. (5) По смерти он был объявлен Божественным. Он оставил счастливейшее государство своему преемнику Тиберию, который являлся его пасынком, потом зятем, и наконец был усыновлен.³

и разбили выступившего им навстречу Марка Лоллия, причем варварами был взят орел V легиона, что легло несмываемым пятном на римскую воинскую честь.

¹ Красс был разгромлен при Каррах в 53 г. до н. э. Римские знамена и оставшихся к тому времени в живых пленных парфяне вернули в 20 г. до н. э.

² Трудно сказать, какой народ подразумевается под скифами. Индийские посольства прибывали к Августу в 25 и 20 гг. до н. э., но есть основания считать, что ими дело не ограничилось.

³ Тиберий Клавдий Нерон был сыном Ливии от первого брака. После смерти Агриппы Август приказал Тиберию развестись с дочерью Агриппы Випсанией и жениться на вдове Агриппы же Юлии, единственной дочери императора. Брак этот скоро распался. Тиберий удалился в добровольное изгнание на Родос и вернулся лишь спустя много лет, причем ему было запрещено заниматься государственными делами. Но после неожиданной

2.2. Неизвестный автор. О знаменитых людях города Рима

Это сочинение приписывалось самым разным римским авторам, от Корнелия Непота до Плиния Младшего. Затем было предложено идентифицировать его автора с Секстом Аврелием Виктором и, хотя ошибочность такого мнения давно доказана, по традиции этот сборник кратких биографий включают в издания Аврелия Виктора. Точное время его создания неизвестно, название является чисто условным. Ниже публикуется заключительная часть этого произведения, где содержатся биографии Августа и его современников. Перевод этого сочинения, а также фрагментов текста Аврелия Виктора и анонимной «Эпитомы о Цезарях» сделан по изданию: *Sexti AvrelIIi Victoris. Liber de Caesaribus. Praecedunt Origo gentis Romanae et Liber de viris illustribus urbis Romae. Subsequitur Epitome de Caesaribus/* Edd. Er. Pichlmayr et R. Gruendel. Leipzig, 1970.

* * *

77. Гн. Помпей Магн, приняв в гражданской войне сторону сулланской партии, повел себя так, что заслужил величайшее уважение ее вождя. Сицилию он без боя отобрал у проскрибированных. (2) Нумидию, отняв у Гиарбы, он возвратил Масиниссе.¹ Двадцати шести лет от роду он отпраздновал триумф. (3) Лепида, который хотел отменить распоряжения Суллы, он, будучи частным человеком, из-

смерти приемных сыновей Августа Гая и Луция (родных внуков принцепса) Тиберий стал его соправителем и наследником.

¹ Анахронизм: Масинисса умер в начале 3-й Пунической войны. В действительности Помпей передал власть Гиемпсалу.

гнал из Италии.¹ (4) Посланный в ранге претора с проконсульскими полномочиями в Испанию, победил Сертория. (5) Затем он в течение сорока дней одолел пиратов. Тигран он принудил к сдаче, Митридата — к яду.² (6) Затем он с удивительным везением, внушив великий страх перед собой, вторгся на севере к албанам, колхам, гениохам, каспиям, иберам, на востоке к парфянам, арабам, а также иудеям. (7) Он первым³ достиг Гирканского, Красного и Аравийского морей. (8) Затем, когда власть над миром была разделена так, что Красс владел Сирией, Цезарь — Галлией, а сам Помпей — Городом, после поражения Красса он приказал Цезарю распустить войско. (9) Когда тот придвинулся с враждебными намерениями, Помпей, изгнанный из Города, был побежден в Фарсальском сражении и бежал к Птоломею, царю Александрии. По его повелению он был убит слугами Ахиллой и Потинном.

(Его грудь на глазах жены и детей пронзил кинжалом Септимий, военачальник Птоломея. Затем голова покойного была отрублена мечом, что до того времени было неслыханным. Обезглавленный труп был брошен в Нил; похоронил его, не предавая костру, Сервий Кодр, который написал на надгробии: «Здесь погребен Великий». Его голову, закутанную в египетское покрывало, Ахилла, слуга Птоломея, преподнес вместе с перстнем Цезарю, который, не

¹ Речь идет о неудачной попытке Лепида, консула 78 г. до н. э., восстать против сулланских порядков. Помпей, как и другие видные сулланцы, активно воспротивился этому.

² Тигран — царь Армении, союзник Митридата. Митридат VI Евпатор, злейший враг Рима, был разгромлен Лукуллом и Помпеем. Покончил с собой в Пантикапее в 63 г. до н. э., чтобы не быть выданным римлянам. По распоряжению Помпея похоронен в царской гробнице в Синопе.

³ Из римских полководцев.

сдержав слез, позаботился о том, чтобы она, умищенная обильными и драгоценнейшими благовониями, была предана огню.)

78. Гай Юлий Цезарь из благоговения перед его деяниями был назван Божественным. Когда он отправился в свите Терма в Азию, то из-за того, что часто наведывался к Никомеду, царю Вифинии, был ославлен распутником. (2) Затем он преследовал по суду Долабеллу. (3) Потом для ученых занятий отправился на Родос, был пленен пиратами и выкуплен, а впоследствии покарал их же, захваченных в плен. (4) В бытность свою претором он покорил Лузитанию, а впоследствии Галлию, начиная от самых Альп, и Британию, дважды переправившись туда с флотом по Океану. (5) Когда Помпей отказал ему в триумфе, он, изгнав его оружием из Города, победил в Фарсальском сражении. (6) Он оплакал представленную ему голову и с почетом похоронил ее; затем, осажденный слугами Птоломея, отомстил им и царю за убийство Помпея. (7) Фарнака, сына Митридата, он обратил в бегство одной славой своего имени.¹ (8) В больших сражениях он победил Юбу и Сципиона в Африке, а молодых сыновей Помпея — в Испании при городе Мунде. (9) Затем он простил их друзей, прекратив вражду вместе с концом войны — казнить он приказал только Лентула, Афрания и Фавста, сына Суллы. (10) Сделанный сенатом пожизненным диктатором, он был умерщвлен в курии двадцатью тремя ранами, виновниками убийства явились Брут и Кассий. Говорят, что ког-

¹ К этой скоротечной кампании 47 г. до н. э. относится знаменитое: «Пришел, увидел, победил». Битва при Зеле отличалась, однако, хотя и быстро сломленным, но все же упорным сопротивлением армии Фарнака, так что победа Цезаря не была бескровной.

да его тело было выставлено перед рострами, солнце померкло.¹

79. Цезарь Октавиан, переведенный из Октавиевой фамилии в Юлиеву, мстя за Юлия Цезаря, наследником которого он был назначен, победил в Македонии виновников убийства Брута и Кассия. (2) Секста Помпея, сына Гнея Помпея, требовавшего возврата отцовского имущества, он одолел в Сицилийском проливе. (3) Консула Марка Антония, который управлял Сирией, плененного любовью к Клеопатре, он наголову разбил у Амбракийского побережья в Актийском сражении. (4) Оставшуюся часть мира ему покорили его военачальники.² Парфяне добровольно возвратили ему утраченные Крассом знамена. (5) Инды, скифы, сарматы, даки, которые не были покорены, прислали дары.³ (6) Двойные ворота Януса, которые до него закрывались дважды, один раз при Нуме, второй после Первой Пунической войны, он закрыл своей рукой. (7) Сенат сделал его пожизненным диктатором,⁴ а за свои деяния он был провозглашен Божественным Августом.

¹ Буквально: «скрыло свой диск». О космических явлениях, которыми сопровождалась гибель Цезаря, говорят и другие авторы.

² Здесь Август выступает в ставшем каноническим облике повелителя ойкумены.

³ Автор явно усматривает в обычном жесте дипломатической вежливости признание покорности со стороны этих народов, что, конечно, было далеко от действительного положения дел.

⁴ Диктатура действительно предлагалась Августу, но была им отклонена из-за того, что благодаря Сулле и Цезарю эта магистратура приобрела одиозный характер. К тому же она была официально упразднена сенатом весной 44 г. до н. э. по предложению Антония.

80. Когда преторий Катон, правнук Катона-цензория, воспитывался в доме своего дяди Друза, то предводитель марсов Кв. Помпедий Силон ни деньгами, ни угрозами не смог склонить его одобрительно высказаться о деле союзников. (2) Будучи квестором, он был послан на Кипр для вывоза денег, отказанных по завещанию Птолемея, и все их доставил с безукоризненной честностью; кроме того, он высказался за наказание заговорщиков.¹ (3) В гражданской войне он примкнул к партии Помпея. Когда тот был побежден, он перевел войско через африканскую пустыню, где передал его консуляру Сципиону, а сам отказался от командования. (4) Когда его партия была побеждена, он удалился в Утику, где уговорил сына испытать милосердие Цезаря, а сам, прочтя книгу Платона о благе смерти, убил себя.²

81. Марк Туллий Цицерон, родом из Арпина, отцом имел римского всадника, а род свой вел от царя Тита Тация. (2) Молодым человеком он на судебном процессе Росция показал свое красноречие и свободолюбие против сулланцев; опасаясь их ненависти, он отправился в Афины для ученых занятий, где усердно посещал лекции Антиоха, философа академической школы. Оттуда он направился ради красноречия в Азию, затем на Родос, где в лице греческого ритора Молона нашел красноречивейшего наставника; тот, как говорят, плакал потому, что из-за Цицерона Греция лишилась славы первенства в красноречии. (3) В качестве квестора он управлял Сицилией. Будучи эдилом,

¹ Речь идет о заговоре Катилины. Катон убедил сенаторов покарать заговорщиков смертью.

² Несгибаемое упорство Катона, героя и мученика республиканской партии, сделало его поведение образцом для римских аристократов старого закала.

добился осуждения Гая Верреса за вымогательства. (4) Являясь претором, он освободил Киликию от разбойничьих шаек.¹ Став консулом, он покарал заговорщиков смертью.² Затем из-за ненависти П. Клодия, подстрекаемого Цезарем и Помпеем, которых он, подозревая в стремлении к господству, смело, как некогда сулланцев, порицал, и по проискам консулов Пизона и Габиния, которые в качестве вознаграждения за это дело приняли провинции Македонию и Азию, он был удален в изгнание. Потом он вернулся, будучи возвращен самим Помпеем, и в гражданской войне последовал за ним. (5) Когда тот был побежден, он был исключительно милостиво принят Цезарем; после убийства последнего поддержал Августа и объявил Антония врагом. (6) И когда Цезарь,³ Лепид и Антоний сделали себя триумвирами, то, как оказалось, согласия между ними было невозможно добиться до тех пор, пока Туллий не будет казнен. Когда ему случилось отдыхать близ Формиев, Антоний подослал туда убийц; Цицерон узнал о неминуемой гибели из поданного вороном предзнаменования, бежал и был убит.⁴ Голова его была доставлена Антонию.

83. Марк Брут, подражатель своего дяди Катона, в Афинах изучал философию, на Родосе — красноречие. (2) Как и Антоний с Галлом, любил актрису Кифериду. (3) Будучи квестором, не пожелал отправиться к Цезарю в Галлию, так как тот не нравился всем благонамеренным. (4) Когда он со своим тестем Аппием был в Киликии, то, хотя тот был обвинен в вымогательствах, сам он не был обвинен ни единым словом. (5) Вызванный Катонам из

¹ Проконсулом Киликии Цицерон был много лет спустя после своей претуры.

² 63 г. до н. э. — казнь катилинариев.

³ Октавиан.

⁴ 7 декабря 43 г. до н. э.

Киликии, участвовал в гражданской войне на стороне Помпея, а когда тот был побежден, получил прощение от Цезаря и в ранге проконсула управлял Галлией, однако убил Цезаря в курии вместе с другими заговорщиками. (6) И, посланный из-за ненависти ветеранов в Македонию,¹ он был побежден Августом на Филиппийских полях и подставил шею Стратону.²

84. Гай Кассий Лонгин был квестором Красса в Сирии, а после его гибели, собрав уцелевших, возвратился в Сирию. (2) При реке Оронте он одолел царского полководца Осака. (3) Вслед за тем он получил прозвище Кариоты, так как бесстыднейшим образом занимался торговыми сделками с сирийскими купцами.³ (4) Будучи народным трибуном, он нападал на Цезаря. (5) Став в гражданской войне на сторону Помпея, командовал флотом. (6) Принял пощаду от Цезаря, однако вместе с Брутом был руководителем заговора против него и, когда кто-то колебался при убийстве, сказал ему: «Бей хотя бы ради меня!» Когда он собрал большое войско, то объединился в Македонии с Брутом и был на Филиппийских полях побежден Антонием; считая, что такая же судьба постигла и Брута (который в действительности победил Цезаря), он подставил горло вольноотпущеннику Пиндару. (7) Услышав о его смерти, Антоний, как говорят, воскликнул: «Я победил!»⁴

¹ Участники заговора против Цезаря покинули Италию, так как ветераны диктатора требовали отомщения за его смерть.

² Один из друзей Брута, по просьбе последнего, помог ему покончить с собой.

³ Кариота — сорт фиников, отличающийся крупным размером. В. С. Соколов полагает, что это прозвище означает «торговец дешевыми финиками» (ВДИ. 1964. № 2. С. 239. Прим. 73).

⁴ Смерть Кассия лишила республиканцев единственного опытного полководца. Антоний, прошедший суровую школу в походах Цезаря, сразу оценил ситуацию.

85. Секст Помпей, который был побежден в Испании при Мунде и потерял брата, собрал уцелевшие войска и напал на Сицилию, где, взломав эргастулы,¹ стал господствовать на море. (2) Терзал Италию, нарушив ее продовольственное снабжение. Так как он удачно действовал на море, то официально объявил себя сыном Нептуна и умилостивлял его быками с позолоченными рогами и конем.² (3) Устроив по заключении мира пир на корабле для Антония и Цезаря, не без изящества сказал: «Вот теперь мои карины», ибо в Риме Антоний владел его домом в Каринах.³ (4) Когда договор был нарушен все тем же Антонием,⁴ Секст, побежденный в морском сражении Агриппой, военачальником Августа, бежал в Азию, где был убит войсками Антония.

86. Марк Антоний, спутник Юлия Цезаря во всех походах, на Луперкалиях пытался возложить на него диадему, а покойному определил божеские почести. (2) Вероломно вел себя с Августом,⁵ побежденный последним при Мутине, укрошенный голодом Перузии,⁶ он бежал в Гал-

¹ Для освобождения рабов, которыми он пополнил свою армию и флот.

² Бросая связанных животных в воды Мессинского пролива. Ходили слухи, что Секст Помпей приносил Нептуну и человеческие жертвы.

³ Горькая ирония Помпея основана на игре слов: карина — киль корабля, Карины — фешенебельный квартал Рима, где находился дом Помпея-отца, конфискованный Цезарем и доставшийся Антонию.

⁴ Антоний, напротив, был поначалу возмущен тем, что Октавиан возобновил войну против Секста Помпея, но затем согласился оказать своему коллеге помощь боевыми кораблями в обмен на четыре легиона (которых он так и не получил).

⁵ Так как сам претендовал на роль лидера цезарианцев.

лию. Там он присоединил к себе своего коллегу Лепида; убил Брута, подкупив его войско.¹ (3) Восстановив силы, вернулся в Италию и примирился с Цезарем. Став триумвиром, начал проскрипции со своего дяди Луция Цезаря.² (4) Посланный в Сирию, начал войну с парфянами; побежденный ими, отвел в Египет едва ли третью часть из пятнадцати легионов. Плененный там любовью к Клеопатре, был побежден Августом у Актийского побережья. (5) Вернувшись в Александрию, покончил с собой, восседавая в царской одежде на царском троне.³

87. Клеопатра, дочь Птолемея, царя египтян, будучи изгнана своим братом и мужем⁴ Птолемеем, у которого она несправедливо хотела отнять царскую власть, во время гражданской войны прибыла к Цезарю в Александрию. Используя свою красоту и сойдясь с ним, выпросила у него и царство, и убийство Птолемея. (2) Она отличалась такой похотливостью, что часто предавалась открытому разврату, и такой красотой, что многие отдавали жизнь за проведенную с нею ночь.⁵ (3) Выйдя впоследствии замуж за Ан-

¹ Имеется в виду Децим Брут, противник Антония в Мутинской войне.

² Составляя проскрипционные списки, триумвиры, чтобы подчеркнуть свою личную беспристрастность, первыми включили в них своих родственников: Луция Цезаря, дядю Антония, и Эмилия Павла, брата Лепида. Оба они, правда, остались живы.

³ На самом деле Антоний покончил с собой, едва выйдя из последнего для него боя и не имея времени на подобный маскарад.

⁴ Македонская династия усвоила старинный египетский обычай⁵ по которому фараоны женились на родных сестрах.

⁵ Столь пикантная подробность, вдохновившая Пушкина на создание «Египетских ночей», является отголоском пропагандистской войны между Октавианом и Антонием, в которой стороны не особенно заботились о правдоподобии обвинений.

тония, она, когда была побеждена вместе с ним, притворилась, что совершает ему заупокойное жертвоприношение, и, поднеся к себе аспидов, умерла в его мавзолее.

2.3. Секст Аврелий Виктор. Книга о Цезарях

Аврелий Виктор — известный римский историк IV в., входивший в плеяду тех видных представителей угасавшей античной культуры, что были опорой императора Юлиана в его отчаянной и безнадежной попытке противостояния христианству. «Книга о Цезарях» (единственное сочинение, бесспорно принадлежащее ему) относится к популярному тогда жанру императорских биографий, содержит обзор римской истории с 31 г. до н. э. по 360 г. н. э. Основным источником при создании жизнеописания Августа (к сожалению, очень кратко) автору явно служили сочинения Светония и Тацита.

* * *

1. Около семьсот двадцать второго года от основания Города¹ в Риме окончательно утвердилась единоличная власть. Ибо Октавиан, отцом которого был Октавий, принял, будучи усыновлен внучатым дядей, имя Цезаря, а позднее по постановлению знатнейших² — за благоразумное использование победы своей партии — Августа, со-

1 31 г. до н. э. — Август вел отсчет своего единоличного правления с битвы при Акции.

² То есть сената.

блазнив воинов дарами, а простонародье видимостью заботы о продовольственном снабжении, без труда подчинил себе всех остальных. (2) Когда вот таким образом прошло сорок четыре года, он умер от болезни в Ноле. При нем власти граждан¹ были подчинены реты и Иллирик, усмирена необузданность чужеземных народов, за исключением Германии,² хотя, между прочим, он, победив Антония, стал третьим после Нумы, кто закрыл храм Януса, что по римскому обычаю происходило тогда, когда войны не было нигде. (4) Имея покладистый характер, был человеком остроумным и темпераментным, с неумеренным пристрастием к роскоши и к играм, и любителем поспать. (5) Ревностный почитатель ученых, множество которых окружало его, и друзей, он с поразительным усердием занимался красноречием и религиозными обрядами.³ (6) За свое милосердие имел титул отца отечества и пожизненную трибунскую власть.⁴ Ему же как богу и при жизни, и после смерти были посвящены храмы, жрецы и коллегии в Риме и в самых значительных городах всех провинций. (7) Он был счастлив до такой степени (в том числе и в браке, од-

¹ Подразумевается Римская держава.

² Намек на поражение Вара (9 г. н. э.), в результате которого были сведены на нет двадцатилетние военные усилия Рима за Рейном.

³ Сын своего скептического века, Август был далек от искренней веры в богов, но превосходно понимал значение религии для манипулирования общественным сознанием в нужном направлении, отсюда и ханжеское подчеркивание им собственного «благочестия».

⁴ Пожизненную власть народного трибуна Август принял в 23 г. до н. э. Тем самым император стал как бы воплощением суверенитета римского народа и блюстителем его прав.

нако не в детях),¹ что послов к нему с просьбой о союзе прислали инды, скифы, гарманты и бактры.

2.4. Неизвестный автор. Эпитама о Цезарях

То немного, что можно сказать об этом анонимном историке, повествующем о римских императорах от Августа до Феодосия, сводится к следующему: он, видимо, жил на рубеже IV и V вв., был уроженцем Рима и симпатизировал язычеству. Круг источников, использованных им в биографии Августа, явно шире, чем у Аврелия Виктора, а сама биография пространней.

* * *

1. В год от основания Рима семьсот двадцать второй, а от изгнания царей четыреста восьмидесятый, Рим полностью возвратился к единоличному правлению. Правитель вместо царя был назван императором или более почитаемым именем Августа. (2) Итак, Октавиан, сын сенатора Октавия, а по матери, через фамилию Юлиев, возводивший свой род к Энею, после усыновления его внучатым дядей Гаем Цезарем получил имя Гай Цезарь, а затем, вслед-

¹ Его единственная дочь Юлия была скомпрометирована усилиями мачехи и по приговору самого Августа сослана в соответствии с законом о прелюбодеяниях. Внуки Августа (сыновья Агриппы и Юлии), которых он усыновил с намерением передать им в будущем власть, умерли молодыми, может быть, тоже не без участия Ливии, которая стремилась обеспечить будущее своему сыну Тиберию.

ствие победы, стал называться Августом. (3) Упрочив свое единодержавие, он принял на себя трибунскую власть. (4) Территории Египта, с наступлением разлива Нила опасной и непроходимой из-за болот, он придал устройство провинции. (5) Чтобы превратить ее в богатый источник продовольствия для Города, он расчистил трудом воинов каналы, заплывшие грязью из-за давнишнего небрежения. (6) В его время из Египта доставлялось двадцать миллионов мер зерна ежегодно.¹ (7) Он присоединил кантабров и аквитанов, ретов, винделиков, далматов к числу провинций римского народа. Уничтожил свевов и каттов, переселил в Галлию сигамбров, паннонцев заставил платить дань. Воевавшие друг с другом народы гетов и бастарнов он принудил к согласию. (8) Персы выдали ему заложников и выбор царей предоставляли его воле. (9) Инды, скифы, гарманты, эфиопы присылали к нему послов с дарами. (10) Наконец, он до такой степени ненавидел мятежи, войны, раздоры, что никогда ни одному народу не объявлял войны без справедливой причины. Он говорил, что рисковать безопасностью граждан в сражениях с непредсказуемым исходом из-за страсти к триумфам и лавровым венкам, то есть к бесполезным пустякам, есть признак хвастливого и легкомысленного нрава; (11) ничто не подобает хорошему императору менее, чем безрассудство: достаточно быстро действует тот, кто действует надлежащим образом; (12) не следует стремиться к войне, если нет полной уверенности в выигрыше, иначе победа, достигнутая ценой тяжких потерь, уподобляется ловле рыбы на золотой крючок, обрыв и потерю которого не может возместить никакая выгода от добычи. (13) В его время за

¹ 20 млн модиев зерна — примерно 120-140 тыс. т.

Рейном было разгромлено римское войско с трибунами и пропретором.¹ Он был настолько опечален случившимся, что, находясь в здравом уме, в то же время с размаху бился о стену, обезобразил в знак траура одежду, волосы и прочее. (14) Он горячо осуждал дядю² за его изобретение — тот на новый льстивый манер называл воинов соратниками, только бы показаться им любезнее, и тем самым ослаблял авторитет принцепса. (15) Наконец, к гражданам он относился милосерднейшим образом. (16) Показал себя верным друзьям. Из них он особо предпочитал Мецената за умение держать язык за зубами и Агриппу за выносливость в трудах и скромность. Кроме того, высоко ценил Вергилия. Хотя он был разборчив в приобретении друзей, зато на редкость постоянен в их сохранении. (17) К свободным искусствам, в особенности красноречию, он был настолько равнодушен, что не проходило дня, даже в военном походе, когда бы он не читал, не писал, не декламировал. (18) Он вносил от своего имени законы, как новые, так и исправленные. Умножил и украсил Рим многочисленными сооружениями, с гордостью сказав так: (19) «Я получил Рим кирпичным, а оставляю его мраморным». (20) По натуре он был покладист, приятен, приветлив и остроумен, хорош собой, особенно глазами. Они сверкали наподобие ярчайших звезд, и ему нравилось, когда те, на кого он смотрел, отводили взгляд, будто ослепленные солнечными лу-

¹ Уничтожение в 9 г. трех легионов Вара со вспомогательными войсками похоронило амбициозные внешнеполитические планы Августа.

² Юлия Цезаря. Осуждение это, впрочем, было лицемерным: в бытность свою триумвиром Октавиан использовал то же самое обращение к солдатам, отказавшись от него только по окончании гражданских войн.

чами. Однажды некий воин при виде его вдруг отвел глаза и, спрошенный им, почему он так сделал, ответил: «Потому что я не могу вынести разящего блеска твоих глаз».

(21) Однако такой муж не был лишен и пороков. Ведь он был немного нетерпелив, несколько раздражителен, втайне завистлив, явно властолюбив, до неприличия откровенно рвался к единовластию; был страстным игроком в кости. (22) Хотя он был весьма умерен в отношении еды и вина, а до известной степени — и сна, однако своей похотливости угождал до такой степени, что был опозорен в общественном мнении. Ведь он имел обыкновение возлежать с дюжиной любимчиков и таким же числом молоденьких наложниц. (23) Оставив Скрибонию из-за любви к чужой жене,¹ он стал обладать Ливией, как бы уступленной ему мужем,² и женился на ней. У этой Ливии уже были сыновья Тиберий и Друз.³ (24) Поклонник разнузданности, он, однако, был суровейшим гонителем этого самого порока — по обыкновению людей, упорствующих в преследовании тех же пороков, которым они весьма подвержены сами. Так, он осудил на изгнание поэта Овидия, который Назон, за то, что тот написал три книжечки об искусстве любви. (25) Тем не менее нрава он был веселого и приятного и забавлялся зрелищами всех видов, в особенности массой зверей незнакомого вида.

¹ Сам Август, по свидетельству Светония, писал в мемуарах, что развелся со Скрибонией из-за ее дурного характера. Иначе говоря, она позволяла себе ревновать своего любвеобильного супруга.

² Первым мужем Ливии был Тиберий Клавдий Нерон, политический противник Октавиана, вернувшийся в Рим по амнистии 39 г. до н. э.

³ Друз родился уже в доме Октавиана.

(26) На семьдесят седьмом году жизни он умер в Ноле от болезни. (27) Впрочем, иные пишут об убийстве по коварству Ливии: та боялась, что Агриппа, сын падчерицы, сосланный пройсками ненавидевшей его мачехи на остров, будет, как она достоверно узнала, возвращен и, завладев верховной властью, покарает ее.¹ (28) Во всяком случае, сенат постановил почтить умершего или умершвенного многочисленными и новыми почестями. Кроме того, что прежде он был назван отцом отечества, теперь сенат посвятил ему храмы в Риме и известнейших городах, а все и повсюду наперебой восклицали: «О, если бы он или не рождался, или не умирал!» (29) Ведь насколько плохо он начал, настолько прекрасно кончил. Ибо в борьбе за первенство он был душителем свободы, зато, обладая властью, так любил граждан, что, увидев как-то в амбарах запас хлеба всего на три дня, решил умереть от яда, если за этот срок не подойдут корабли из провинций. (30) Когда они прибыли, избавление отечества было приписано его счастью. Он правил пятьдесят шесть лет, двенадцать из них вместе с Антонием, а сорок четыре года — один. (31) Разумеется, он никогда не сумел бы добиться верховной власти и обладать ею столь долго, если бы у него не было великих качеств, как природных, так и достигнутых упорным трудом.

2.5. Павел Орозий. История против язычников

Орозий (пер. пол. V в.) — испанский священник, который под влиянием блаженного Августина и по его совету

¹ Агриппа Постум, младший внук Августа, был, по неясным для нас причинам, сослан на о. Планазию, где содержался под стражей и убит немедленно после смерти Августа.

написал очерк всемирной истории, идеологическая направленность которого очевидна уже из его названия. К Августу автор относится с пиететом, подчеркивая, что первому принцепсу было предназначено свыше обеспечить внешние условия для рождения Христа. Орозий использовал в этой части своего труда и те источники, которые позднее оказались утраченными, в частности, последние книги Тита Ливия. Перевод сделан по изданию: *Pauli Orosii Historiarum adversum paganos libri VII*. Ed. / Zange-meister. Lipsiae, 1889.

* * *

VI. 21. В год 726 от основания Города,¹ при консулах — императоре Августе Цезаре в шестой раз и М. Агриппе во второй раз, Цезарь, полагая, что за двести лет в Испании сделано слишком мало, если допускается, чтобы как кантабры, так и астуры, два храбрейших народа Испании, жили по своим законам, открыл ворота Януса и лично отправился с войском в Испанию. (2) Кантабры и астуры населяют часть провинции Галлеции, которая расположена недалеко от Пиренейского горного массива и спускается вдоль Океана к северу. (3) Они не только были готовы защищать собственную свободу, но даже дерзали отнимать ее у соседей, разоряя вакцеев, турмогов и автригонов беспрестанными нападениями. И вот теперь Цезарь разбил лагерь у Сегисамы, обложив тремя группами армий почти всю Кантабрию. (4) Войско долго действовало безрезультатно и часто попадало в опасное положение, пока он наконец не приказал флоту подойти из Аквитанского залива

¹ 28 г. до н. э. Здесь Орозий ошибается: Август покинул Рим только в 27-м, а испанская кампания началась в 26 г. до н. э.

через Океан¹ и высадить десант, в то время как враги об этом не подозревали. (5) Только тогда кантабры дали большое сражение у стен Аттики.² Будучи побеждены, они бежали на гору Винний, неприступную по природе, и при осаде погибли там от голода почти полностью. Долго и упорно сопротивлялся город Рацилий, пока наконец не был взят и разрушен. Кроме того, легаты Антистий и Фирмий с большими и тяжелыми боями покорили покрытые горами и лесом окраины Галлеции, омываемые Океаном. (7) Они осадили гору Медуллий, окружив ее рвом в пятнадцать миль длиной — та возвышается над рекой Минием, и на ней оборонялось огромное количество народу. (8) Этот чрезвычайно свирепый по натуре и необузданный род людей настолько не обладал достаточным для осады терпением и не понимал противника, что из страха неволи почти все они прибегли к добровольной смерти, наперебой умерщвляя себя огнем, железом и ядом. (9) Что касается астуров, то они разбили лагерь у реки Астуры и напали бы на римлян огромными силами с далеко идущими планами. Дело в том, что три легата со своими легионами располагались отдельно тремя лагерями, и те задумали навалиться на них тремя полчищами, но их предали свои же. (10) Вслед за тем на них двинулся Каризий и одолел, хотя римляне понесли немалые потери. Те из них, кто уцелел в сражении, бежали в Ланху. И когда воины, окружив город, готовились взять его штурмом и предать огню, полководец Каризий попросил своих повременить с огнем и потребовал от варваров добровольной капитуляции. Дело в том, что ему очень хотелось оставить пощаженный и невреди-

¹ Флот оперировал вдоль южного побережья Бискайского залива.

² Аттика (здесь) — город в Галлеции (иначе Бергида).

мый город в качестве символа своей победы. (11) Цезарь сообщил в Рим о победоносном окончании кантабрийской кампании и приказал закрыть на засов Ворота войны. Таким образом, тогда храм Януса был закрыт Цезарем вторично — в четвертый раз после основания Города.

(12) После этого Клавдий Друз, пасынок Цезаря, получив по жребию в управление Галлию и Рецию, сломил сопротивление крупнейших и храбрейших народов Германии. (13) Но до того как они поспешили сложить оружие, все эти народы, заключив между собою союз, бросились, накатываясь, подобно волнам, испытывать военное счастье, полагая, что если они будут побеждены, то все равно не избежать выполнения продиктованных победителем условий, зато в случае победы они смогут спокойно наслаждаться свободой. (14) Население Норика, иллирийцы, паннонцы, далматы, мезийцы, фракийцы и даки, сарматы, многочисленные и великие народы Германии — все они были либо побеждены различными полководцами, либо оттеснены назад, либо к тому же еще укрылись за преградой из величайших рек — Рена и Данувия.¹ (15) Друз в Германии покорил сначала узипетов, а затем тенктеров и хаттов. Маркоманнов он истребил почти полностью. (16) Позднее всего за одну военную кампанию он победил, правда, не без труда, одновременно и храбрейшие нации, и враждебную природу их страны, привычка к которой давала им уверенность в собственных силах — херусков, свевов и сигамбров. (17) Какова была доблесть и дикость этих племен, можно видеть из того, что их женщины при приближении римлян оборонялись среди своих повозок и, когда недоставало оружия или хоть чего-нибудь, что ярость могла бы использовать как оружие, они, ударив о землю

¹ Рейн и Дунай.

маленьких детей, затем бросали их в лицо врагам, совершая с каждым детоубийством двойное убийство.¹

(18) А в Африке полководец Цезаря Косс усмирил тогда дальних кочевников мусуланов и гетулов, урезал их территорию и, нагнав на них страху, не подпустил к римским рубежам.

(19) Между тем к Цезарю в Тарракон, город в Ближней Испании, прибыли, пройдя весь мир, послы индов и скифов, живущих на краю ойкумены, и возвратили Цезарю славу Александра Великого: (20) как к тому в Вавилон на Средний Восток прибыло посольство испанцев и галлов для заключения мира, так и теперь в Испанию, на Дальний Запад, прибыли с надлежащими дарами и смиренно просили о мире житель Востока инд и северянин скиф. (21) Проведя за пять лет кантабрийскую войну и установив в Испании вечный мир, что как бы даровало ей долгожданный отдых, Цезарь возвратился в Рим.

(22) В то время он вел многочисленные войны как лично, так и посылая вождей и легатов.² Так, среди прочих и Пизон был послан против винделиков; покорив их, победитель прибыл к Цезарю в Лугдун. (23) Тиберий, пасынок Цезаря, нанес сокрушительное поражение паннонцам, поднявшимся на новое восстание. (24) Сразу после этого он пошел войной на германцев и как победитель увел со-

¹ Здесь поведение германских женщин, видимо, оценивается с позиций христианской морали: убивая своих детей, они убивали и их будущее потомство.

² В действительности последней войной, в которой Август принимал личное участие, была Испанская. Под вождями (duces), видимо, подразумеваются проконсулы сенатских провинций, которые поначалу еще обладали империем, тогда как легаты воевали только под ауспигиями Августа.

рок тысяч из них в плен. (25) В этой воистину великой и ужасной войне участвовали пятнадцать легионов, и, как свидетельствует Светоний, более крупной войны не случилось со времен Пунической.¹

(26) В это же время Квинтилий Вар, отличавшийся надменностью и корыстолюбием в отношении подданных, был вместе с тремя легионами полностью уничтожен оставшими германцами. (27) Это несчастье для государства Цезарь Август переносил до такой степени тяжело, что часто, одолеваемый скорбью, бился головой о стену, восклицая: «Квинтилий Вар, верни легионы!»

(28) Агриппа же одолел босфорцев и заставил побежденных в войне возвратить римские знамена, которые те взяли некогда при Митридате.²

(29) Парфяне, в то время как почти весь земной круг был либо завоеван, либо умиротворен, и всем было очевидно, что на них одних обрушится вся военная мощь Римской империи, ибо их жгло понимание неотвратимости отмщения за бывшее поражение Красса, по своей воле прислали к Цезарю знамена, которые отняли при разгроме Красса, и выдали царственных заложников, заслужив неподдельной покорностью прочный мир.

22. Таким образом, в год от основания Города 752-й Цезарь Август, объединив с Запада на Восток, с Севера на Юг, и по всей округности Океана все народы единым ми-

¹ Орозий путает: слова Светония относятся не к германским походам Тиберия, а к подавлению им восстания 6-9 гг. в Паннонии и Далмации. Концентрация войск тогда действительно достигла небывалой со времен гражданских войн величины.

² Здесь автор достаточно вольно обращается с хронологией: если поражение Вара относится к 9 г. н. э., то урегулирование Агриппой боспорских дел — это, как принято считать, 14 г. до н. э.

ром, лично закрыл тогда ворота Януса в третий раз.¹ (2) С этого времени они были закрыты постоянно в течение почти двенадцати лет безмятежнейшего покоя, так что их даже покрыла ржавчина, и открылись они не прежде, чем уже в глубокой старости Августа были потрясены мятежом в Афинах и восстанием даков.

(3) Таким образом, закрыв ворота Януса, так что держава, не находя нигде войны, оберегала и распространяла мир, он стал усердно издавать многочисленные законы, чтобы род человеческий изменил свой нрав к лучшему. (4) Будучи земным человеком, он избегал имени господина.² Когда однажды он смотрел игры и в миме было произнесено: «О, господин милостивый и добрый», и все, как будто это было сказано о нем, радостно одобрили это, он тотчас же рукой и выражением лица остановил низкую лесть, на следующий день разбил их в строжайшем эдикте и впредь не допускал, чтобы его называли так даже дети и внуки, ни всерьез, ни в шутку.

(5) Итак, в это время, то есть в год, когда по установлению Божию Цезарь установил прочнейший и истиннейший мир, родился Христос, пришествию которого должен был служить этот мир.³ При Его рождении люди услышали, как

¹ Это единственное в источниках упоминание о точной дате закрытия храма Януса в третий раз после 29 и 25 гг. до н. э. Однако свидетельство Орозия в современной науке отвергается и точную дату третьего при Августе закрытия ворот Януса считают неустановленной.

² Латинское *dominus* означает и «господин», и «Господь». Разумеется, Август и помыслить не мог, что его лицемерное возмущение будет когда-нибудь истолковано подобным образом.

³ Таким образом, по Орозию, Христос родился во 2 г. до н. э. Остается неясным, приурочил ли он рождение Мессии к третьему закрытию храма Януса, либо наоборот, «подогнал» это закрытие к приходу в мир Христа.

ликующие ангелы пели: «Слава Богу в небесах и мир на земле людям доброй воли». И тогда же тот, к кому перешла верховная власть, не потерпел, чтобы люди называли его господином, причем он даже не знал, что среди людей родился подлинный Господин всего рода человеческого. (6) И в этот же год Цезарь, на которого Господь заранее указал столькими предзнаменованиями, впервые приказал произвести по всем провинциям особый ценз и составить списки населения, чего удостоился и Бог, явившийся в образе человека и бывший таковым. Таким образом, родившийся тогда Христос был сразу после рождения включен в списки римских граждан.¹

¹ Сознательное искажение евангельской версии биографии Иисуса: Орозий, конечно, знал, что римский гражданин не мог погибнуть на кресте. Кроме того, ценз (общегосударственная перепись граждан) проводился Августом в 28 и 8 гг. до н. э. и в 14 г. н. э., но не во 2 г. до н. э. Упоминаемая в Евангелии от Луки перепись населения Иудеи, во время проведения которой будто бы и родился Иисус, в действительности имела место в 6 или 7 году н. э.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

АМА	— Античный мир и археология
АО	— Археологические открытия
ВДИ	— Вестник древней истории
в и и п	— Военно-исторические исследования в Поволжье
з о о и д	— Записки Одесского общества истории и древностей
КВН	— Корпус боспорских надписей
НС	— Нумизматический сборник
н э	— Нумизматика и эпиграфика
СА	— Советская археология
AAnt	— Acta Antiqua Academiae Scientiarum Hungaricae
AJPh	— American Journal of Philology
ANRW	— Aufstieg und Niedergang der römischen Welt
САН	— Cambridge Ancient History
ChrE	— Chronique d' Egypte
CIA	— Corpus Inscriptionum Atticarum
CIL	— Corpus Inscriptionum Latinarum
CPh	— Classical Philology
CQ	— Classical Quarterly
GRBS	— Greek, Roman and Byzantine Studies
HSCPh	— Harvard Studies in Classical Philology
IG	— Inscriptiones Graecae
ILS	— Inscriptiones Latinae Selectae

Список сокращений

Inscr. It.	— Inscriptiones Italiae
IOSPE	— Inscriptiones orae septentrionalis Ponti Euxini
JHS	— Journal of Hellenic Studies
JPh	— Journal of Philology
JRS	— Journal of Roman Studies
JÖAI	— Jahreshefte des Österreichischen archäologischen Instituts
KAVR	— Kaiser Augustus und die verlorene Republik
PRIA	— Proceedings of the Royal Irish Academy
^{RE}	— Real-Encyclopädie der classischen Altertumswissenschaft
REL	— Revue des Études Latines
RIEB	— Revue Internationale des Études Balkaniques
RM	— Rheinisches Museum für Philology
SRF	— Schriften der römischen Feldmesser
VVDPh	— Verhandlungen des Vereins deutscher Philologen und Schulmänner
ZfN	— Zeitschrift für Numismatik
ZPE	— Zeitschrift für Papyrologie und Epigraphik

АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ ИМЕН

Август (Гай Юлий Цезарь Октавиан; Цезарь Август) (23.09.63 до н. э. - 19.08.14 н. э.) — римский император, создатель политической системы принципата. Триумvir с 27.11.43 по 31.12.33 до н. э., обладатель пожизненной трибунской власти и верховного проконсульского империя с 23 до н. э., великий понтифик с 13 до н. э., тринадцатикратный консул. После смерти обожествлен.

Авдасий, Луций — участник заговора против Августа.

Автомат, Гай Юлий — императорский вольноотпущенник, капитан корабля (триерарх) Мизенского флота.

Агриппа, Марк Випсаний (63-12 до н. э.) — выдающийся римский военный и государственный деятель, консул 37, 28 и 27 до н. э., зять и соправитель Августа.

Агриппа Постум (12 до н. э. - 14 н. э.) — последний сын Агриппы и Юлии Старшей. Был усыновлен Августом, но затем сослан, а усыновление аннулировано. Убит сразу после смерти Августа.

Агриппина (Старшая) (14 до н. э. - 18.10.33 н. э.) — дочь Агриппы и Юлии Старшей, жена Германика, мать Калигулы. Сослана при Тиберий, покончила с собой.

Александр Великий (356 - 13.06.323 до н. э.) — сын Филиппа II и Олимпиады, знаменитый македонский завоеватель.

Антистий, Гай — римский военачальник, легат Октавиана в гражданской и испанской войнах, консул-суффект 30 до н. э.

Ант, Ливиан — капитан корабля (триерарх) эскадры, стоявшей в Юлиевом Форуме.

Антоний, Гай — консул 63 до н. э., цензор 42 до н. э., дядя триумвира. Будучи наместником Македонии, неудачно воевал против дарданов и бастарнов.

Антоний, Луций (? - 40 до н. э.) — младший брат триумвира, консул 41 до н. э., противник Октавиана в Перузинской войне. После капитуляции Перузии был послан Октавианом управлять испанскими провинциями, но подозрительно быстро умер там.

Антоний, Марк (82 - 01.08.30 до н. э.) — римский политический деятель и полководец, консул 44 и 34 до н. э., триумvir с 27.11.43 по 31.12.33 до н. э. Разбит Октавианом, покончил с собой.

Апониий — сирийский церковный писатель V в., автор найденного только в XIX в. комментария к библейской «Песни песней».

Аппулей, Секст — римский военачальник и государственный деятель, сторонник Октавиана, консул-суффект 29 до н. э., отпраздновавший в 26 до н. э. триумф над Испанией.

Арминий (16 (?) до н. э. - 21 (?) н. э.) — сын Сегимера, вождь германского племени херусков, освободитель Германии между Рейном и Эльбой от римского господства.

Аршакиды — парфянская царская династия, основанная Аршаком I.

Асандр — правитель Боспорского царства (47 (?) - 17 (?) до н. э.), муж Динамии.

Аспург — боспорский царь (10/11 (?) - 38/39), предположительно сын Асандра и Динамии.

Аттик, Тит Помпоний (110-32 до н. э.) — римский всадник, славившийся своей образованностью, богатством и коммуникабельностью. Друг Цицерона и издатель его произведений. Тесть Агриппы.

Афраний, Луций (? - 46 до н. э.) — римский военачальник и политический деятель, консул 60 до н. э., сторонник Помпея. Взят в плен и казнен Цезарем.

Ахилла — военачальник юного египетского царя Птолемея XIII, рекомендовавший вероломно умертвить Помпея. Убит во время Александрийской войны.

Батон (бревк) — паннонский племенной вождь, один из трех лидеров великого иллирийского восстания.

Батон (десидиат) — уроженец Далмации, один из руководителей великого иллирийского восстания.

Биллиен Актийский, Марк — ветеран XI легиона Октавиана, участник морского сражения при Акции.

Бритомат — галльский вождь, которого в 222 до н. э. убил в поединке М. Клавдий Марцелл.

Брут, Марк Юний (85-42 до н. э.) — лидер заговора против Цезаря, один из вождей республиканцев. Покончил с собой после разгрома при Филиппах.

Валент — (328 - 9.08.378) — римский император (с 28.03.364), август Востока. Погиб в битве при Адрианополе.

Валерий Корвин — римлянин, одолевший в единоборстве вражеского вождя (349 до н. э.).

Валерий Ларг — приближенный Корнелия Галла, доставший на него Августу.

Валерий Мессалин, Марк — сын оратора и политического деятеля М. Валерия Мессалы, консул 3 до н. э., наместник Иллирика и участник подавления великого иллирийского восстания. Друг Овидия.

Вар (см.: Квинтилий Вар).

Веллей Патеркул, Гай (ок. 20 до н. э. - 31 (?) н. э.) — римский историк, участник германской и иллирийской войн Тиберия.

Вентидий Басс, Публий — римский полководец, легат Антония. В 39-38 до н. э. разгромил вторгшихся в римские пределы парфян. Вплоть до времени Траяна Вентидий Басс оставался единственным римлянином, отпраздновавшим триумф над парфянами.

Вергилий Галл Лусий, Марк — римский офицер и чиновник при Августе и Тиберий.

Вергилий Марон, Публий (15.10.70 - 21.09.19 до н. э.) — великий римский поэт, друг Мецената и Августа.

Веспасиан, Тит Флавий (17.11.9 - 24.06.79 н. э.) — римский император с 01.07.69, основатель династии Флавиев.

Веррес, Гай Корнелий (? - 43/42 до н. э.) — римский наместник Сицилии, который приобрел скандальную известность своими злоупотреблениями. Его обвинителем в суде был Цицерон. До вынесения приговора Веррес удался в изгнание, погиб во время проскрипций II триумвирата.

Ветулен Цериал, Секст — муж Лусии Паулины, зять М. Вергилия Галла Лусия.

Виниций, Марк — крупный римский военачальник, консул-суффект 19 до н. э., друг Августа.

Габиний, Авл — народный трибун 67 до н. э., консул 58 до н. э., один из лидеров популяров, сторонник Помпея, перешедший на сторону Цезаря.

Гелиос — капитан военного корабля (триерарх) императорского флота.

Германик, Гай Юлий Цезарь (24.05.15 до н. э. - 10.10.19 н. э.) — сын Друза Старшего и Антонии, племянник и приемный сын Тиберия, главнокомандующий Рейнской армией Рима в 13-16, консул 12 и 18. Внезапно умер в Сирии.

Герод Иудейский (см.: Ирод Великий).

Гиарба (Иарб) — узурпатор, отобравший с помощью марианцев нумидийский престол у Гиемпсала II. Был свергнут Помпеем, вернувшем власть законному правителю.

Гирций, Авл (? - 21.04.43 до н. э.) — друг и соратник Цезаря, автор VIII книги «Записок о Галльской войне», консул 43 до н. э. Погиб в бою при Мутине.

Гораций Флакк, Квинт (08.12.65 - 27.11.08 до н. э.) — великий римский лирический поэт, друг Мецената и Августа.

Дельдон — вождь бастарнов, убитый в поединке Крассом (29 до н. э.).

Динамия (64 (?) - ? до н. э.) — боспорская царица, жена Асандра. После его смерти (или развода) правила самостоятельно, затем вышла замуж за Скрибония, а после его убийства — за Полемона. Год и обстоятельства смерти неизвестны.

Диоген, Тиберий Юлий — отпущенник Тиберия и Ливии, капитан военного корабля (триерарх) императорского флота.

Дион Кассий Кокцейан (ок. 160 - 235) — греческий историк и римский государственный деятель, консул 229. Автор фундаментальной «Римской истории» в 80 книгах.

Долабелла, Гней Корнелий — сулланец, консул 81 до н. э., наместник Македонии, привлеченный к суду молодым Цезарем.

Домиций Агенобарб, Луций — консул 16 до н. э., участник германских походов Друза Старшего, дед императора Нерона. Единственный из римских полководцев, форсировавший Эльбу.

Друз Старший (Нерон Клавдий Друз) (14.01.38 - 14.09.9 до н. э.) — пасынок Августа, консул 9 до н. э., покоритель Германии между Рейном и Эльбой.

Друз Младший (Друз Юлий Цезарь) (13 до н. э. - 23 н. э.) — единственный сын императора Тиберия от первого брака с Випсанией, консул 15 и 21.

Друз Юлий Германик (ок. 8 - 33) — сын Германика и Агриппины, обвиненный в заговоре против Тиберия и погибший в заключении.

Евтропий (? - ок. 370) — императорский секретарь, автор популярной «Краткой римской истории от основания Города».

Иосиф Флавий (37 - ок. 100) — иудейский аристократ, участник восстания 66-73, сдавшийся римлянам. Приближенный Флавиев, автор ряда исторических и полемических сочинений.

Иотапа — малолетняя дочь индийского царя, обрученная с сыном Антония. Октавиан, победив Антония, возвратил царевну отцу.

Ирод Великий (73-4 до н. э.) — царь Иудеи с 40 до н. э., друг Антония, сумевший завоевать расположение Октавиана.

Калигула (Гай Цезарь Германик) (31.08.12 - 24.01.41) — сын Германика и Агриппины, римский император с 18.03.37.

Кальпурний Пизон, Гней — римский государственный деятель и военачальник, консул-суффект 23 до н. э.

Кампусий, Тит — ветеран V легиона, поселенный в Антиохии Писидийской.

Кандака — царица Эфиопии.

Каризий, Тит — наместник Лузитании, разгромивший астуров в 25 до н. э.

Каррина, Гай — легат Октавиана, воевавший в 29 до н. э. против германского племени свевов.

Каспий — вольноотпущенник, капитан военного корабля (триерарх) из флота Тиберия (очевидно, в период с 4 по 14).

Кассандра — дочь троянского царя Приама и Гекубы, наделенная даром безошибочного предсказания будущего. Отвергнутый ею Аполлон сделал так, что ее предсказаниям никто не верил.

Кассий Лонгин, Гай (? - 42 до н. э.) — римский политический деятель и военачальник, убийца Цезаря. Покончил с собой после поражения при Филиппах.

Кастриций Мирион, Авл — римский офицер, член ряда жреческих коллегий.

Катон Старший, Марк Порций (234-149 до н. э.) — знаменитый римский политический деятель, военачальник, писатель, консул 195 до н. э.

Катон Младший, Марк Порций (95-46 до н. э.) — правнук Катона Старшего, прославившийся верностью

республиканским убеждениям. Покончил с собой после победы Цезаря при Тапсе.

Квинтилий Вар, Публий (ок. 46 до н. э. - 9 н. э.) — римский военный и государственный деятель, консул 13 до н. э. Погиб со своей армией в Тевтобургском лесу.

Квириний, Публий Сульпиций (? - 21 н. э.) — влиятельный государственный деятель времен Августа и Тиберия, консул 12 до н. э.

Киссония, Публий — брат Т. Киссония, автор надписи ILS. 2237-38.

Киссоний, Тит — ветеран V легиона, поселенный в Антиохии Писидийской.

Киферида (Волумния) — римская актриса, возлюбленная Марка Антония и участница его скандальных походов.

Клавдий (Тиберий Клавдий Нерон Германик) (01.08.10 до н. э. - 13.10.54 н. э.) — римский император, сын Друза Старшего и Антонии.

Клавдий Марцелл, Марк (? - 207 до н. э.) — 1) крупный римский военачальник и политический деятель, консул 222, 215, 214, 210 и 208 до н. э., завоеватель Сиракуз. Погиб в войне с Ганнибалом; 2) племянник Августа, внезапно умерший в 23 до н. э.

Клавдий Нерон, Тиберий (? - 33 до н. э.) — первый муж Ливии Друзиллы, отец императора Тиберия.

Клодий Пульхр, Публий (ок. 92-52 до н. э.) — известный демагог, народный трибун в 59, противник Цицерона.

Корнелий Галл, Гай (? - 27 (?) до н. э.) — римский лирический поэт, друг и покровитель Вергилия, военачальник Октавиана и первый префект Египта. Был обвинен в государственной измене, покончил с собой.

Корнелий Косс, Авл — римский военачальник и политический деятель, консул 428 до н. э. Прославился убийством в поединке царя этрусского города Вейи Толумния, доспехи которого он вслед за Ромулом посвятил Юпитеру Феретрию.

Корнелий Лентул, Гней — крупный военачальник времени Августа, консул 18 до н. э.

Косс Корнелий Лентул — консул 1 до н. э., наместник Африки.

Красс, Марк Лициний — 1) (115-53 до н. э.) — римский богач, крупный политический деятель, сулланец. Консул 70 и 55, победитель Спартака, участник 1 триумвирата. Погиб в битве с парфянами при Каррах; 2) внук предыдущего, консул 30 до н. э. Будучи наместником Македонии, вел успешные боевые действия против даков, бастарнов и фракийцев.

Ксанф — массажист императоров Тиберия и Клавдия, затем заместитель командующего Александрийским военным флотом.

Лабиев, Тит Атий (? - 45 до н. э.) — легат Цезаря во время Галльских войн. В 49 до н. э. перешел на сторону Помпея, участвовал в ряде крупных сражений, погиб в битве при Мунде.

Лентул, Корнелий Спинтер Публий — римский политический деятель, консул 57 до н. э., противник Цезаря. Погиб во время гражданской войны 49-45 до н. э.

Лепид, Марк Эмилий — 1) сулланец, консул 78 до н. э., поднявший мятеж после смерти Суллы. Был разбит правительственными войсками, умер в 77; 2) (ок. 90 - 12 до н. э.) — сын предыдущего, видный цезарианец, консул 46 и 42 до н. э., триумвир (43-36), великий понтифик (с 44).

Был низложен Октавианом в 36, в дальнейшем участия в политической жизни не принимал.

Ливий, Тит (59 до н. э. - 17 н. э.) — римский историк, приближенный Августа, автор «Римской истории от основания Города» в 142 книгах.

Ливия Друзилла (58 до н. э. - 29 н. э.) — первая римская императрица, жена Августа, мать Тиберия.

Лоллий, Марк (? - 2 н. э.) — политический и военный деятель, приближенный Августа, консул 21 до н. э. В 16 до н. э. был разбит сизамбрами, потерял орла V легиона. Позднее был на Востоке советником Гая Цезаря, внука Августа, попал в немилость к нему и покончил с собой.

Лузий Галл, Авл — брат Лузин Паулины, военный трибун XXII легиона, префект конницы (время Августа и Тиберия).

Лузия Паулина — дочь М. Вергилия Галла Лузия, жена С. Ветулена Цериала, автор надписи ILS. 2690.

Малхион — вольноотпущенник Августа, капитан триеры «Триптолем» императорского военного флота.

Манлий Торкват, Тит — известный римский полководец и политический деятель, консул 347, 344 и 340 до н. э. В 360 победил в поединке вражеского вождя.

Марий, Гай (156 - 13.01.86 до н. э.) — выдающийся римский военный и политический деятель, консул 107, 104-100 и 86 до н. э., инициатор военной реформы, победитель кимбров и тевтонов, враг Суллы в гражданской войне.

Маробод — (? - ок. 37 н. э.) — вождь германского племени маркоманнов (с 8 до н. э. по 19 н. э.), создатель мощного союза племен на территории Богемии.

Меценат, Гай Цильний (? - 8 до н. э.) — римский всадник, друг и доверенное лицо Августа. Покровительствовал

людям творчества, стремясь направить его на службу интересам нового режима.

Митридат VI Евпатор (132-63 до н. э.) — понтийский царь (со 111), злейший враг Рима. Разбитый римлянами, бежал в Пантикапей, где и был вынужден покончить с собой.

Мурена, Теренций Варрон — 1) Авл: римский политический деятель, легат Августа в 25 до н. э. и победитель альпийского племени салассов, консул 23 до н. э.; 2) Луций: двоюродный брат предыдущего и Гая Прокулея, шурина Мecenата, легат Сирии в 25 до н. э., организатор заговора против Августа.

Нерон Юлий **Цезарь** (ок. 5 - 30 н. э.) — сын Германика и Агриппины. В 29 сослан Тиберием. Умерщвлен или покончил с собой.

Николай Дамасский (втор. пол. I в. до н. э.) — греческий историк, приближенный Ирода Великого и Августа. Воспитатель детей Антония от Клеопатры. Автор панегирической биографии Августа и других сочинений — от всех уцелели лишь фрагменты.

Никомед IV Филопатор — царь Вифинии (ок. 94 - 74 до н. э.), близкий друг молодого Цезаря.

Ноний Аспренат, Луций — консул-суффект 6 г., друг Августа, племянник Квинтилия Вара, в 9 г. — его легат.

Ноний Галл, Марк — римский военачальник, легат Октавиана, покоривший в 29 до н. э. племя треверов.

Нума Помпилий — второй римский царь, сабинянин по происхождению, известный своей созидательной деятельностью.

Нумизий Прим, Гай — флотоводец (наварх) Августа, после отставки занимавший различные почетные должности в Синопе.

Овидий Назон, Публий (20.03.43 до н. э. - ок. 18 н. э.) — знаменитый римский лирический поэт, в 8 н. э. сосланный Августом в причерноморский город Томы и умерший там.

Октавиан — см.: Август.

Оптат Понтиан, Тиберий Юлий — отпущенник Тиберия, императорский прокуратор, затем командующий флотом.

Орозий, Павел (нач. V в.) — испанский священник и писатель, автор «Истории против язычников» в 7 книгах.

Ород II — царь Парфии (ок. 58 - 39 до н. э.).

Осак — парфянский полководец, разбитый Кассием в Сирии (51 г. до н. э.).

Пакор (? - 38 до н. э.) — сын и соправитель Орода II, разгромленный Вентидием Бассом. Погиб в бою.

Панса, Гай Вибий (? - 43 до н. э.) — римский политический деятель, умеренный цезарианец, консул 43 до н. э., погибший при Мутине.

Перценний — рядовой солдат, один из вожаков военного мятежа в Паннонии в 14 н. э. Тайно убит при подавлении мятежа.

Пизон — 1) Л. Кальпурний П. Цезонин (? - 43 до н. э.). Консул 58 до н. э., тесть Цезаря, противник Цицерона; 2) вероятно, Л. Кальпурний П. Фруги, консул 15 до н. э.

Пиндар — вольноотпущенник Кассия. После первого сражения при Филиппах помог своему патрону покончить с собой.

Пинн (Пиннет) — один из руководителей иллирийского восстания 6-9 н. э.

Плавций Сильван, Марк — римский военачальник, консул 2 до н. э., легат Тиберия при подавлении иллирийского восстания.

Платон (427-347 до н. э.) — великий древнегреческий мыслитель, ученик Сократа.

Плиний — 1) Старший (Гай П. Секунд) (23/24 - 24.08.79) — римский государственный деятель, историк и писатель. Погиб при извержении Везувия. Из его трудов сохранилась «Естественная история» в 37 книгах; 2) Младший (Гай П. Цецилий Секунд) (61/62 - ок. 113), племянник предыдущего, общественный деятель и писатель, друг Тацита, Светония, приближенный Траяна.

Плутарх (ок. 46 - после 119) — древнегреческий мыслитель и писатель-энциклопедист, автор многочисленных сочинений.

Полемон — понтийский царь, который ок. 14-8 до н. э. был царем Боспора. Погиб в борьбе с местными племенами.

Помпей Великий, Гней (29.06.106-28.09.48 до н. э.) — крупный римский военачальник и государственный деятель, консул 70, 55 и 52 до н. э. Участвовал в борьбе против марианцев на стороне Суллы, разгромил пиратов в Средиземном море, завершил III Митридатову войну. В гражданской войне был главнокомандующим войсками сената. Разбитый в 48 при Фарсале, бежал в Египет, где и был убит.

Помпей, Секст (73-35 до н. э.) — младший сын Помпея Великого, воевал против Цезаря и цезарианцев в Африке и Испании. После образования II триумvirата захватил Сицилию, создал мощный флот и установил морскую блокаду Италии. Разбит Октавианом осенью 36 до н. э., бежал на Восток. В Малой Азии пытался вести войну против легатов Антония, но был схвачен и казнен.

Помпония — дочь Аттика, первая жена Агриппы.

Помпедий Силон, Квинт — предводитель марсов, противник римлян в Союзнической войне.

Прим — наместник Македонии, отданный под суд за превышение полномочий.

Прокулей, Гай — влиятельный римский всадник, личный друг Августа.

Псевдо-Гигин — анонимный автор трактата «О разметке лагеря», обычно включаемого в издания сочинений Гигина Громатика, ученого землемера II в.

Псевдо-Лукиан — анонимный автор сочинения «О долгожителях».

Птоломей (Птолемей) — 1) Птолемей XII Авлет, царь Египта (80-58, 55-51 до н. э.), отец Клеопатры и Птолемея XIII; 2) Птолемей XIII, брат и соправитель Клеопатры, погиб в Александрийской войне.

Рем — сын Марса и Реи Сильвии, брат Ромула, убитый им при основании Рима.

Рол — фракийский царь, союзник римлян в боевых действиях против бастарнов.

Ромул — сын Марса и Реи Сильвии, основатель и первый царь Рима.

Сальвидиен Руф, Квинт (? - 40 до н. э.) — друг юности Октавиана, видный военачальник. Был предан суду сената по обвинению в государственной измене. Казнен или покончил с собой.

Светоний Транквилл, Гай (ок. 70 - ок. 140) — римский писатель, короткое время был секретарем императора Адриана. Автор ряда произведений, самое известное из которых — «Жизнь двенадцати цезарей».

Северы — римская императорская династия (193-235).

Сегест — знатный германец из племени херусков, тесть и враг Арминия.

Сегимер — вождь племени херусков, отец Арминия и Флава.

Селевк Розосский — флотоходец (наварх) Октавиана.

Сентий Сатурнин, Гай — римский государственный деятель и военачальник, консул 19 до н. э., позднее был наместником Сирии и легатом Августа в Германии.

Септимий — римлянин на египетской службе, бывший офицер и убийца Помпея.

Сервий Гонорат — позднеантичный грамматик, комментарий сочинений Вергилия.

Сервий Кодр — человек, который, по словам Псевдо-Виктора, похоронил обезглавленное тело Помпея (по Плутарху, Помпей был похоронен своим вольноотпущенником Филиппом).

Серторий, Квинт (123-72 до н. э.) — римский военачальник и политический деятель, марианец. Сумел создать собственное государство в Испании, несколько лет успешно воевал против правительственных войск. Погиб в результате заговора своих приближенных.

Сестий Квириналий, Луций — консул-суффект 23 до н. э., известный почитатель Брута.

Силий Нерва, Публий — римский военачальник и государственный деятель, консул 20 до н. э. В качестве легата Августа успешно воевал против альпийских племен (16 до н. э.).

Силлей — арабский вождь, союзник и проводник римлян в аравийской экспедиции Элия Галла. Был обвинен ими в предательстве и казнен.

Скрибоний (? - ок. 15/14 до н. э.) — авантюрист, захвативший власть в Боспорском царстве и женившийся на Динамией, но вскоре убитый.

Скрибоний Либон, Луций — римский политический деятель, друг Помпея Великого, тесть Секста Помпея, консул 34 до н. э. В 40-38 до н. э. — шурином Октавиана.

Скрибония — сестра Л. Скрибония Либона, жена Октавиана в 40-38 до н. э., мать Юлии Старшей. После ссылки дочери добровольно разделила ее участь.

Статилий Тавр, Тит — цезарианец, сторонник Октавиана, крупный политический деятель и полководец, консул 37 и 26 до н. э.

Страбон (ок. 64/63 до н. э. - ок. 20 н. э.) — греческий географ и историк. Из его сочинений сохранилась «География» в 17 книгах.

Стратон — грек из Эпира, друг Брута. По просьбе последнего, помог ему покончить с собой после разгрома при Филиппах.

Сулла, Луций Корнелий (138-78 до н. э.) — крупный государственный деятель и полководец, консул 88 и 80 до н. э., пожизненный диктатор с 83. В 79 добровольно отказался от власти.

Сурена — титул главного парфянского вельможи. Античные авторы считали это слово собственным именем.

Сципион, Квинт Цецилий Метелл Пий — консул 52 до н. э., тесть Помпея, главнокомандующий силами помпеянцев в Африке. Покончил с собой после битвы при Тапсе (46 до н. э.).

Сципион Эмилиан, Публий Корнелий (185-129 до н. э.) — выдающийся римский государственный деятель и военачальник, консул 147 и 134 до н. э., победитель Карфагена и Нуманции.

Таций, Тит — легендарный сабинский царь, соправитель Ромула.

Тацит, Публий Корнелий (ок. 55 - ок. 120) — великий римский историк. Его произведения являются одним из основных источников по истории ранней Империи.

Терм, Марк Минуций — претор 81 до н. э., наместник римской провинции Азия.

Тиберий (Тиб. Клавдий Нерон, с 4 н. э. — Тиберий Цезарь, с 14 — Тиберий Август) (16.11.42 до н. э. - 16.03.37 н. э.) — сын Ливии от первого брака, пасынок, а затем приемный сын Августа, его преемник. При Августе приобрел известность как полководец, администратор и дипломат.

Тигран II (Великий) — армянский царь (ок. 95-55 до н. э.), зять и союзник Митридата Евпатора.

Тиридат — парфянский царь (ок. 30-25 до н. э.), отобравший власть у Фраата IV, но затем вынужденный бежать к римлянам.

Толумний, Ларт — царь этрусского города Вейи, убитый А. Корнелием Коссом (437 до н. э.).

Требий, Луций — солдат морской пехоты, заслуживший при Августе почетную отставку.

Фавст Корнелий Сулла (? - 46 до н. э.) — сын диктатора, зять и сторонник Помпея. Казнен Цезарем после битвы при Тапсе.

Фарнак II — сын Митридата Евпатора. Во время III Митридатовой войны был наместником Боспора. Изменив отцу, стал царем Боспорского государства (63-47 до н. э.). В 47 попытался захватить римские владения в Малой Азии, но был разбит Цезарем при Зеле, бежал на Боспор, где вскоре и погиб.

Фирмий — по Орозию, легат Августа во время испанской войны.

Флав — сын Сегимера, брат Арминия, офицер римских вспомогательных войск.

Флор, Луций Анней — римский историк II в., автор краткого исторического сочинения, охватывающего время от Ромула до Августа.

Фраат IV (ок. 40 - 3 до н. э.) — парфянский царь.

Фраат V (Фраатак) (3 до н. э. - 3 н. э.) — сын Фраата IV, захватил власть, убив своего отца. Погиб в результате дворцового переворота.

Хрисалиск — вельможа боспорского царя Асандра.

Цезарь Август — см.: Август.

Цезарь, Гай Юлий (13.07.100 - 15.03.44 до н. э.) — выдающийся римский политический деятель, полководец и писатель. В результате гражданской войны 49-45 до н. э. захватил единоличную власть в Риме. Убит заговорщиками, обожествлен в 42 до н. э.

Цезарь, Гай (20 до н. э. - 21.02.4 н. э.) — сын Агриппы и Юлии Старшей, приемный сын и любимец Августа, консул I н. э.

Цезарь, Луций — 1) дядя триумвира Антония, консул 64 до н. э.; был включен в проскрипционные списки, но спасен своей сестрой, матерью Антония; 2) (17 до н. э. - 20.08.2 н. э.) — брат Гая Цезаря, неожиданно умерший в Массилии.

Целий, Марк — центурион XVIII легиона, погибший в Тевтобургском лесу.

Целий, Публий — брат М. Целия, автор надписи ILS. 2244.

Цепион, Фанний — участник заговора против Августа.

Цецина Север, Авл — римский военачальник, легат Августа и Тиберия, консул-суффект 1 до н. э.

Цицерон, Марк Туллий (106 — 07.12.43) — великий римский оратор, мыслитель и политический деятель, консул 63 до н. э., лидер республиканцев в римском сенате (44-43 до н. э.). Погиб во время проскрипций.

Элий Галл — преемник Г. Корнелия Галла на посту префекта Египта, руководитель неудачной аравийской экспедиции.

Эмилий Секунд, Квинт — римский офицер, после отставки неоднократно избиравшийся на различные должности в военной колонии.

Эмилия Хия — вольноотпущенница Кв. Эмилия Секунда, похороненная под одним надгробием с ним.

Эней — легендарный троянский герой, который после долгих странствий обосновался в Италии. Потомками Энея был основан Рим. Юл, сын Энея, считался предком патрицианского рода Юлиев.

Эпикад, Азиний — вольноотпущенник Азиния Поллиона, участник заговора против Августа.

Эпирот, Квинт Цецилий — римский грамматик, учитель Помпонию, дочери Атика, друг Корнелия Галла.

Юба — 1) Юба I, нумидийский царь (ок. 50-46 до н. э.), союзник помпеянцев. Был разбит вместе с ними при Тапсе, покончил с собой. 2) Юба II, сын предыдущего, правитель Нумидии (ок. 30 - ок. 22 до н. э.), затем царь Мавритании, известный в свое время историк.

Юлия — 1) Старшая (39 до н. э. - 14 н. э.), дочь Октавиана и Скрибонии, вдова Марцелла и Агриппы, разведенная жена Тиберия. Сослана по приказанию Августа, умерла в ссылке. 2) Младшая (19 до н. э. - 28 н. э.), дочь Агриппы и Юлии Старшей, внучка Августа. Спустя 9 лет после ссылки матери разделила ее судьбу.

Юний Новат — римский плебей, сочинивший открытое письмо Августу от имени ссыльного Агриппы Постума и оштрафованный за это.

Юстин — римский историк II в., сжато изложивший созданную во времена Августа Помпеем Трогом всемирную историю «от Нина до Цезаря Августа».

Оглавление

ОТ АВТОРА.....	5
Глава 1. ВОЕННАЯ ОРГАНИЗАЦИЯ.....	10
Глава 2. НЕСОСТОЯВШИЙСЯ ПРЕТЕНДЕНТ?.....	27
Глава 3. ВЫБОР ЦЕЛИ.....	40
1. Испанский поход.....	40
2. «Властелин мира» и Британия.....	50
3. Египет, Аравия, Эфиопия.....	56
4. Кризис 23 г. до н. э.....	64
Глава 4. «ВОСТОЧНЫЙ ВОПРОС»: ВОЕННЫЙ АСПЕКТ.....	69
Глава 5. «КРОВАВЫЙ МИР».....	86
1. Рах Augusta: миф и реальность.....	86
2. Боспорская проблема.....	96
3. Новая армия.....	115
Глава 6. ТЕНЬ АЛЕКСАНДРА.....	122
1. Последние приготовления.....	122
2. Восточный поход: европейский вариант.....	133
Глава 7. КРУШЕНИЕ ИЛЛЮЗИЙ.....	147
1. Тиберий в Германии (I).....	147
2. Родосский изгнанник.....	150
3. Судьба династии.....	155
4. Тиберий в Германии (II).....	168
5. Великое иллирийское восстание.....	174
6. «Квинтилий Вар, верни легионы!».....	191
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	209
ПРИЛОЖЕНИЯ.....	213
1. ДОКУМЕНТЫ.....	213
1.1. Эдикт Октавиана о ветеранах.....	213
1.2. Надпись из Венафра (ILS. 2690-EJ2. 245).....	214
1.3. Список легионеров из Коптоса (Египет).....	215
1.4. Надпись на Атесте (ILS. 2243).....	216
1.5. Надпись из Антиохии Писидийской (ILS. 2237-2238).....	217
1.6. Афинская надпись в честь Марка Лициния Красса (ILS. 8810).....	217
1.7. Надпись Корнелия Галла с нильского острова Филе (ILS. 8995).....	218
1.8. Надгробный памятник Квинта Эмилия Секунда (ILS. 2683).....	219
1.9. Символический надгробный памятник, украшенный рельефом, изображающим центуриона при боевых наградах и с жезлом — знаком его должности (ILS. 2244).....	220
1.10. Властители Рима (императорский дом времени Августа).....	221
АВГУСТ И ЕГО ЭПОХА ГЛАЗАМИ ПОЗДНЕРИМСКИХ ИСТОРИКОВ.....	224
2.1. <i>Евтропий</i> . Краткая римская история от основания Города.....	224
2.2. Неизвестный автор. О знаменитых людях города Рима.....	231
2.3. <i>Секст Аврелий Виктор</i> . Книга о Цезарях.....	240

2.4. Неизвестный автор. Эпитома о Цезарях	242
2.5. <i>Павел Орозий</i> . История против язычников	246
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ	254
АННОТИРОВАННЫЙ УКАЗАТЕЛЬ АНТИЧНЫХ ИМЕН	256

Директор издательства:

О. Л. Абышко

Главный редактор:

И. А. Савкин

Художественный редактор:

А. В. Самойлова

Редактор:

Л. А. Абышко

Корректоры:

Н. М. Баталова,

Е. Г. Белоус

Оригинал-макет:

Т. А. Юшкова

ИД № 04372 от 26. 03. 2001 г.

Издательство «Алетейя»:

193019, Санкт-Петербург, пр. Обуховской обороны, д. 13

Телефон издательства: (812) 567-2239

Факс: (812) 567-2253

Сдано в набор 20.09.1998 г. Подписано в печать 10.03.1999 г.

Формат 70×100³². 9 п. л. Тираж 1000 экз. Заказ № 3955.

Отпечатано с готовых диапозитивов в Академической типографии «Наука»

РАН: 199034, Санкт-Петербург, 9 линия, д. 12

Printed in Russia